РобоКоп III

БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга продолжает популярную серию «БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА», в которую вошли получившие мировую известность лучшие произведения в жанрах детектив, фантастика, мистика, приключения, авантюрный и любовный роман, одновременно ставшие литературной основой либо созданные по мотивам самых популярных кино- и видеофильмов.

В книге два романа:

«РОБОКОП III» Дэвида Джонсона

Банда Плашера терроризирует Дельта-Сити. Ее жертвой может пасть каждый, тем более, что союзником банды становится могущественная корпорация «Оу-Си-Пи». Сможет ли кто-нибудь противостоять разгулу преступности?

(Фильм «Робокоп-3» вышел в США в 1992 году. Режиссер Фред Деккер. В главных ролях Роберт Берк, Нэнси Аллен, Рик Торн).

«БУЛЛИТТ» Роберта Пайка

Лейтенант нью-йоркской полиции Дейв Клэнси (в киноверсии романа он выступает под фамилией Буллитт) получает от окружной прокуратуры странное задание: охранять известного гангстера и рэкетера из Калифорнии Джонни Росси, приехавшего в Нью-Йорк давать показания большому жюри по делу о мафии. По версии, изложенной заместителем окружного прокурора, Росси могут убить его же сообщники — в том числе и его старший брат — еще до начала Слушаний в суде.

Лейтенант Клэнси организует круглосуточное дежурство в дешевом отельчике на окраине Нью-Йорка, где остановился Росси, и пытается предотвратить убийство гангстера...

(Фильм с одноименным названием вышел в США в 1968 году. Удостоен премии «Оскар». Режиссер Питер Йейтс. В главных ролях Стив МакКуин, Жаклин Биссет, Роберт Вон).

- Бестселлеры Голливуда
  - Дэвид Джонсон
  - Роберт Пайк
    - ГЛАВА ПЕРВАЯ
    - ГЛАВА ВТОРАЯ
    - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
    - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
    - ГЛАВА ПЯТАЯ
    - ГЛАВА ШЕСТАЯ
    - ГЛАВА СЕДЬМАЯ

        - ГЛАВА ВОСЬМАЯ
        - ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
        - ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5

Бестселлеры Голливуда
РОБОКОП III

Дэвид Джонсон
РОБОКОП III

Деловой квартал выглядел безжизненным, вялым и разомлевшим. Чуть ли не каждый житель этого квартала беспокойно метался во сне, а тем, кто не мог уснуть, оставалось только проклинать ночную духоту и бессонницу.

Луна скрылась. В деловом квартале резкий свет редких уличных фонарей оттеснял густые ночные тени к запертым магазинам, кинотеатру и безмолвной заправочной станции.

На перекрестке, там, где улица под прямым углом прорезала шоссе, в аптеке Сэма Грина продолжал работать кондиционер, и только его ровное мурлыканье нарушало тишину и спокойствие ночи.

У тротуара напротив стоял патрульный автомобиль, который полиция выслала на ночное дежурство.

Патрульный полицейский сержант Питер Джилмер сжимал в крепких пальцах шариковую ручку, заполняя листок рапорта. Он положил планшетку на руль и старательно выводил твердые четкие буквы, едва различимые при тусклом свете, проникавшем в автомобиль.

Сержант аккуратно занес в свой отчет, что, согласно инструкции, полностью завершил проверку основного жилого района и нашел все в полном порядке. Питер ощутил прилив гордости, ведь весь ритуал составления рапорта заставил его почувствовать, что в ночное время он самый значительный человек в городе, бодрствующий на своем нелегком посту.

Он осмотрел улицу. Повсюду — на столбах, на стенах домов пестрели рекламные афиши с изображенными на них улыбающимися лицами семейной парочки с детьми и надписью внизу: «Построим Дельта-Сити ради наших детей!».

Покончив с записями, он положил планшетку на соседнее сиденье и взглянул на часы. Было почти три часа ночи — самое время выпить чего-нибудь прохладительного в закусочной на шоссе.

Питер включил мотор и отъехал от бровки тротуара с ловкостью классного водителя. Автомобиль пересек пустынное шоссе и затрясся по неровной дороге. Притормозив на тряском железнодорожном переезде, он поехал вверх по улице, с обеих сторон зажатой домами. Сбросив газ, плавно завернул на стоянку возле ночной закусочной. Очень легко для такого крупного человека, сержант вылез из машины и направился к двери.

В закусочной было душно. Посреди комнаты возвышалась полукруглая стойка, покрытая красным пластиком. Места за столиками, отделенные друг от друга перегородками и не располагавшие к долгому рассиживанию или поиску особого уединения, в этот час были свободны.

Ночным барменом в закусочной работал худощавый девятнадцатилетний паренек с длинными руками. При появлении блюстителя порядка бармен мигом расправил узкие плечи, готовый предложить свои услуги, свое общество стражу города.

Когда Питер взобрался на один из стульев у стойки, парень потянулся к толстым кофейным чашкам.

— Только не кофе, Стив, и без того жарко, — остановил его Питер. — Дай лучше кока-колы. — Он снял форменную фуражку и вытер лоб.

Парень схватил шейкер, набитый колотым льдом, откупорил бутылку и наполнил стакан пенящейся жидкостью.

Когда пена осела, Питер опустошил стакан, поболтал кусочки льда и допил остатки кока-колы.

Со стен ночного бара улыбалась все та же счастливая семейная чета с детьми. Внизу пестрели огромные буквы: «Настал конец насилию и преступности!», «Вас ждут 2 миллиона новых, хорошо оплачиваемых мест! Это — мечта!», «Построим город Дельта-Сити, город будущего!». Корпорация «Оу-Си-Пи» обещала это выполнить.

— Иногда случается, что и мечта сбывается, — подумал полицейский.

Он повернулся к Стиву:

— Ты смотрел вечерние новости? Есть что новенького?

— Да, — промычал Стив и включил телевизор. — Я их записал.

Через несколько секунд появилось изображение и раздался вкрадчиво-бархатный голос диктора:

— Итак, уважаемые телезрители и телезрительницы, Вы смотрите свежие новости. Уделите нам три минуты, и мы покажем весь мир. Добрый вечер!

Сначала новости, которые касаются корпорации «Оу-Си-Пи». Стало известно, что эта корпорация заключила соглашение с Международной японской корпорацией Конамицу, по которому большая часть контрольного пакета акций «Оу-Си-Пи» переходит к корпорации Конамицу. Они договорились вместе строить Дельта-Сити — город будущего, город наших детей.

Этому мешает только одно: зона преступности в Детройте, так называемая зона войны.

Для очистки этой зоны создана группа реабилитации. Это

офицеры полиции, которые состоят на службе в корпорации «Оу-Си-Пи» и выполняют определенные задания…

На экране выросло огромное здание главного управления корпорации «Оу-Си-Пи». Затем — улыбающееся лицо шефа группы реабилитации Пола Магдэгара.

— Мы здесь для того, чтобы помочь людям перебраться в реабилитационные центры, где их ждут новые рабочие места, — говорил Магдэгар, приветливо кивая головой и улыбаясь обступившим его людям.

— Разве вы можете заставить их сделать это? — последовал вопрос репортера. — По-моему, все выглядит совершенно иначе.

— Я не стану отрицать того, что есть небольшие группы недовольных, но мы здесь для того, чтобы помочь людям перебраться на новое место жительства. Мы — полицейские, и ничего большего в этом видеть нельзя.

— Ничего большего?

— Да. Мы не бездушные роботы, если вас это интересует.

Питер зло выругался и выключил телевизор. Возмущенный до предела, он наполнил стакан и вновь разом осушил его. Слегка отдышавшись, он снова включил новости.

Магдэгара бурлящим кольцом окружали многочисленные репортеры, обозреватели, хроникеры, телеоператоры, наперебой задававшие ему вопросы.

Пол Магдэгар был массивным мужчиной очень высокого роста, плотным, но без лишнего жира. Ему было лет сорок с небольшим и, не будучи особо красивым, он, тем не менее, привлекал к себе внимание — от него веяло силой. Пол больше походил на банкира, чем на шефа всесильной организации. И все же он был хитрым и решительным директором организации, влияние и финансовое могущество которой было весьма значительным.

Питер Джилмер положил на стойку четверть доллара и быстро пошел к выходу. Он снова забрался в машину и коротко доложил по рации обстановку, прежде чем возвратиться в свой район. Готовясь к монотонному одиночеству, которое сулил остаток ночи, Питер поудобнее устроился на сиденье.

Машина набрала скорость, но выезжая на центральную улицу, Питер притормозил. Вокруг него было все так же пустынно, но он по привычке медленно пересек небольшой деловой центр. И в этот момент увидел за квартад впереди какие-то предметы посредине дороги.

Питер коснулся акселератора, и машина рванулась вперед. В световой дорожке от четырех фар непонятные предметы все увеличивались, пока Питер не затормозил посреди дороги в

нескольких футах от них. Теперь он мог разглядеть — это были несколько человек, распростертые на мостовой.

Сержант включил красную полицейскую мигалку и стремительно выскочил из машины. Прежде, чем наклониться над лежащими, он быстро огляделся, готовый ко всяким неожиданностям. Рука его лежала на кобуре револьвера 38 калибра. Он ничего не увидел, кроме безмолвных домов и безлюдной бетонной мостовой. Успокоившись, Питер опустился на колено возле лежащих.

Те лежали кто на животе, кто на спине, обхватив головы руками, ноги были раскинуты, щеки некоторых прижаты к шершавому асфальту.

Питер подсунул руку под одного из них, чуть приподнял, стараясь уловить сердцебиение, но не смог ощутить никаких признаков жизни. Все они были мертвы.

Сержант торопливо вернулся к машине и схватил микрофон. Как только на его вызов откликнулись, он заговорил:

— Приблизительно на углу 34-й стрит и шоссе, посреди дороги лежат три человека, похоже, что все мертвы. Вокруг никого, и ни одной машины не было за последние несколько минут. Немедленно выезжайте и высылайте «скорую».

На мгновение замолчав, Питер подумал, достаточно ли ясно он все изложил.

— Оставайтесь на месте. Личность хотя бы одного из пострадавших установлена? — послышался голос дежурного полицейского.

— Нет, еще нет, — ответил Питер.

И тут взгляд его упал на знак, нарисованный на асфальте — рисунок изображал человеческий череп. Внутри у него похолодело.

— Это банда Плашера, — догадался сержант.

В ста ярдах от спокойного рабочего района находился Мелберри-парк. Это был самый опасный уголок Детройта. Он кишел нищими неграми, бездомными проститутками и прочим сбродом. По нескольку десятков мужчин, женщин и детей жили в одной комнате. Это было страшное место. Убийства случались там почти ежедневно, и многие дети годами не покидали своих комнат, боясь выйти в коридор, чтобы не стать жертвой какого-нибудь маньяка. В течение многих десятилетий все пороки и преступления огромного города исходили из этого места.

Особенно невыносимыми были дни и ночи, когда в городе бастовали полицейские. Об этом случае невозможно было вспоминать без содрогания, о нем рассказывали, словно о принудительном путешествии в ад.

Дело в том, что в последние годы город не славился деловой активностью, и это явилось причиной резкого сокращения муниципального бюджета и, соответственно, расходов на содержание городских служб. Сильнее других ощутила на себе экономию муниципальная полиция, служащие которой в большей степени чувствовали себя участниками театра военных действий, чем жителями мирного города.

Полиция не всегда успевала оперативно отреагировать на сообщения о перестрелках при разборках за сферы влияния банд, и зачастую служители порядка вынуждены были исполнять обязанности похоронной команды.

Впрочем, это было не самое страшное. Самое страшное случалось как раз тогда, когда полицейские вовремя успевали к месту происшествия и ввязывались в перестрелку. Если все оставались живы и невредимы — это был счастливый, но очень редкий случай.

Чтобы хоть как-то свести концы с концами, городские власти расформировали мелкие полицейские участки, а основные расходы по содержанию службы охраны порядка передали крупной промышленной компании «Оу-Си-Пи», которая тут же начала диктовать собственные условия муниципальной полиции. Это касалось и штатного расписания, и продолжительности дежурств, и социальных вопросов.

В конце концов вмешательства в работу городской полиции были настолько бесцеремонными, что профсоюз служащих полиции предложил провести забастовку.

И вот тогда в городе наступил настоящий ад. Толпы хулиганов, словно стаи голодных злых собак, бродили по городу, никого и ничего не боясь, круша все на своем пути. Камни летели в витрины магазинов, следом туда устремлялась с криками и свистом оголтелая толпа, разбивая и ломая все, что попадало под руку Мостовые были усыпаны осколками стекла, измятыми пивными банками, пустыми коробками. То там, то тут пылали подожженные автомобили.

Если до этого люди боялись выйти на улицы, то теперь они уже боялись и оставаться дома. На какое-то время слово «кража» исчезло из лексикона жителей города. Никто не крал. Просто, кто посильнее, сколачивал себе компанию, они врывались в квартиры, невзирая на то, есть там хозяева или нету, и брали все, что хотели. Если им пытались возражать, то обычно это были последние фразы в жизни хозяев квартиры.

Впрочем, чтобы получить пулю или несколько ударов, после которых уже невозможно было прийти в себя, не обязательно было возражать грабителям. Часто для этого было достаточно

просто находиться в своей квартире.

Истории о разбоях ходили по городу одна страшнее другой.

В одном доме трое неизвестных сначала изнасиловали женщину, а затем ее одиннадцатилетнюю дочь Когда мать бросилась ей на помощь, неизвестные задушили женщину, при этом выкололи ей глаза.

В другом доме семидесятилетнюю старушку, которая по причине своей глухоты решила переспросить у зашедших, что им надо в ее квартире, бережно взяли на руки и сбросили с балкона десятого этажа.

Преступники то ли были настолько разъяренные, то ли совершенно уверенные в своей безнаказанности, что часто даже не пытались скрыть свои следы.

Случайные группы со временем сколачивались в банды, а грабежи «ради собственного удовольствия» все больше принимали целенаправленный характер Это очень насторожило воротил подпольного бизнеса, и в городе каждый день были слышны перестрелки Новичков, которые только-только успели испытать вкус легкой наживы, все чаще можно было найти в подъездах, в квартирах, или прямо на тротуарах то с простреленной головой, то просто изрешеченных автоматной очередью, то сбитых пролетевшим на полной скорости автомобилем.

Дорого заплатили полицейские за свою забастовку, когда наконец опять приступили к исполнению своих непосредственных обязанностей. На каждом углу их поджидала смерть. О патрулировании в одиночку нечего было и думать. С одной стороны, преступники, уверовав, что зло может быть безнаказанным, изо всех сил противились восстановлению порядка. С другой стороны, жители города, до смерти напуганные массовыми разбоями, не торопились помогать полиции.

Стражи порядка буквально валились с ног, пытаясь обуздать преступников.

Особенно досаждала банда Плашера, которая орудовала в районе Кадиллак-Хайц. Необычность ее заключалась в том, что, наживая огромный капитал на производстве и продаже наркотиков, она привлекла в свои ряды малолетних детей, беспризорных мальчишек. Пристрастившись к употреблению наркотиков, они становились послушным орудием в руках главарей и приводили в бешенство полицейских — стрелять по детям у них не поднимались руки. Чего, кстати, нельзя было сказать о детях. На это и рассчитывал Плашер, в критические моменты используя их в качестве пуленепробиваемых жилетов.

В последнее время налеты банды Плашера на Кадиллак-Хайц

особенно участились, и жители буквально стонали от этих подонков. У них был и свой особый знак, который они оставляли на месте преступления — нарисованный на чем попало человеческий череп.

Этим самым банда преследовала две цели: показать полиции, что она ее не боится, и этим самым ввергнуть в ужас население района, давая ему понять, кто здесь настоящий хозяин.

Питер Джилмер был опытным полицейским. Ему необязательно было знать личности убитых, чтобы определить, что же здесь произошло не более получаса назад.

Не вызывало сомнения, что произошла обыкновенная разборка. Трое молодых горячих «бизнесменов», которые не захотели платить налоги в «казну», очевидно, пришли на переговоры с представителями банды Плашера. Их ловко обманули, так как они даже не пытались достать оружие из внутренних карманов. Да, судя по всему, Плашер вовсе и не собирался иметь под боком у себя конкурентов, и поэтому разговор с ними был коротким.

Питер не чувствовал к убитым ни ненависти, ни сострадания. За последние годы он перевидал столько смертей, что, воспринимай он их так же болезненно, как воспринимал когда-то в детстве и даже в юности, он бы, пожалуй, давно покончил с собой от безысходности и тоски.

Ночное дежурство только начиналось, а в его рапорте уже фигурировало три трупа.

«Плохая примета, черт бы ее побрал», — подумал Питер, барабаня пальцами по капоту машины.

Эта примета родилась у полицейских несколько месяцев назад, в самый разгул бандитизма. Кому первому она пришла в голову, теперь вспомнить было трудно, но тогда она как-то сразу же прижилась. Да и не удивительно — несколько месяцев назад редкое ночное дежурство не начиналось с трупов и так же редко ими не заканчивалось.

— Ну, что, похоронная команда, готовы к выезду? — зло шутили тогда в дежурке. — Попа не забыли?

Так что убедиться в правильности этой приметы не составляло особого труда.

Правда, потом обстановка в городе потихоньку начала стабилизироваться, во всяком случае, ночное патрулирование можно было совершать в одиночку, но примета так и осталась жить. И когда все остальное время дежурства обходилось без особых происшествий, полицейские под утро вздыхали: «Фу, черт, пронесло, надо же!»

Но, как ни странно, это только доказывало им правильность

приметы.

Питер затянулся «Президентом».

Похоже, к месту происшествия не сильно торопились ни «скорая», ни полиция, предпочитая, чтобы этим грязным делом занималась похоронная служба. Они, как и Питер, понимали, что, не успев завести это дело, они смело могли в нем на первой же странице ставить жирную точку.

Джилмер поднял голову и посмотрел на темные окна домов. Город спал. Лишь в нескольких окнах горел свет. Наверное, там маленькие дети, подумал сержант. А может, не спят влюбленные. Эта мысль добавила несколько минорных ноток в его настроение, поскольку у самого сержанта никогда не было детей, да и возлюбленной, пожалуй, тоже.

И тут его внимание неожиданно привлек шорох за спиной.

Стараясь не двигаться, сержант полез за пистолетом, пытаясь сообразить, что бы это значило. Возможно, за убитыми пришли их товарищи, что было мало вероятно, поскольку, скорее всего, в их команде и было только три человека. Возможно, к месту убийства возвратился кто-то из банды Плашера. Это было вполне вероятно.

Джилмер резко повернулся, отпрыгнул в сторону и вытянул вперед руку с пистолетом.

Возле одного из убитых стоял на коленях давно не бритый, в грязной, порванной одежде мужчина, по виду которого невозможно было определить возраст, но зато определить его профессию не составляло труда — это был безработный. И, по всей видимости, сейчас он собирался покопаться в карманах преступников.

— Ну, конечно, — обиженно сказал он, — убить человека вам ничего не стоит.

Вид направленного в его сторону пистолета нисколько не смутил оборванца.

— Это для вас привычное дело, конечно, — добавил он расстроено, недовольный тем, что не удалось проверить карманы убитых.

— Какого черта ты здесь шаришь?! — сержант опустил пистолет. Ведь он и правда мог выпустить в этого придурка целую обойму.

— Так ведь у каждого своя работа, — все так же расстроено сказал незнакомец. Возможно, у него только что был шанс заполучить деньги на пропитание на целую неделю, если не больше, и он не использовал его.

— Ночью, как ты говоришь, «работают» только воры да негодяи, которые должны сидеть в тюрьме.

— Но разве я вор или негодяй? Вот они — да, — он кивнул

головой в сторону убитых. — А я всего лишь хотел взять то, что им не принадлежит и, по закону, никогда не принадлежало. Но, если разобраться, оно ведь сейчас ничейное, лишнее. А значит, я имею на него такое же право, как любой гражданин. Разве я не прав?

— Нет, — уже с интересом разглядывая этого нищего философа, сказал сержант.

— Почему?

— Потому, что ты хоть и гражданин, но твое законное место не здесь, а в тюрьме, и если сейчас отсюда не выберешься, то я тебе в два счета докажу это.

В это время вдали, наконец, послышалась сирена приближающейся полицейской машины.

— Что ж, в моей ситуации спорить было бы глупо, — быстро заговорил нищий. — Хотя, если разобраться, опутав себя всевозможными законами, разве не превратили мы свою жизнь в жизнь заключенных? Попав в тюрьму, человек не может, когда ему этого захочется, оставить ее. Оставаясь на свободе, я не могу перейти пустую дорогу только потому, что горит красный свет. Почему кто-то все время распоряжается моей жизнью?

В это время вой полицейской сирены слышался уже совсем близко, и несостоявшийся философ поспешил удалиться.

* * *

Гарри Грант, отставной офицер морского флота, когда-то непревзойденный бабник, известный на весь район, а сейчас дряхлый старик с обвисшими щеками и непредставительными, казалось, кем-то общипанными усами и бородой, поздним вечером в своей небольшой квартирке писал письмо возлюбленной, — шестидесятилетней мадам Лотак.

Уже шестой месяц безрезультатно добивался он руки своей соседки и, видя, что долгие разговоры с бесконечными прозрачными намеками ни к чему не приводят, решил прибегнуть к более испытанному способу завладеть женским сердцем.

То, чего нельзя было произнести вслух, вполне можно было доверить бумаге. Он находил такие слова, такие обороты, какие нынешняя молодежь никогда в жизни не слышала, а авторы любовных мелодрам с удовольствием платили бы ему по доллару за каждое слово, если бы прочитали хотя бы одну фразу из его послания.

Да что там современные писатели. Пожалуй, сам Шекспир поднялся бы из могилы, чтобы предстать перед ним в низком

поклоне и тут же умереть от сознания своей второстепенности.

И лишь в благосклонности мадам Лотак Гарри Грант сомневался, и поэтому, волнуясь, уже в третий раз переписывая послание.

И в свои шестьдесят мадам Лотак выглядела вполне привлекательной, в отличие от него, старого дряхлого Гранта, который к тому же недавно сломал ногу, кубарем полетев с лестницы. Об этом знал весь дом, и в его нынешнем положении это был самый большой минус, поскольку, делая женщине предложение, он как бы брал обязательства оберегать ее, помогать ей, а тут получается, что за ним самим нужно ухаживать.

Гарри Грант спешил. Их старый дом собирались сносить, и кто знает, не сделай он сейчас предложения, сможет ли потом отыскать свою возлюбленную.

Старик ходил из угла в угол, громко стуча костылем

— Ваши глаза прячут в себе… прячут в себе… — Грант остановился, намотал на указательный палец бороду и несильно потянул за нее. — Ваши глаза скрывают в себе все прелести мира… Старик бросился к столу.

— … прелести мира, — с нежностью в голосе повторил он конец только что написанной фразы.

Костыль опять застучал по полу.

— Глядя на вас, понимаешь, что в вашем образе отразились мечты человечества о самом прекрасном…

В этот момент на улице послышался сильный грохот.

— Опять эти подонки черт знает что вытворяют, — со злостью произнес Грант.

Он крепко выругался и направился к окну.

Вдруг комната его содрогнулась, словно старая собачья будка, которую нечаянно задел пьяный хозяин фермы, возвращаясь поздно вечером домой. Окна задребезжали, стекла со звоном разбились об пол.

Гарри Грант оцепенел от ужаса…

* * *

Пастор Элф Флойд сегодня долго не мог уснуть. Кто бы мог подумать: его, священника, подчистую обобрали, словно какого-нибудь алкоголика или немощного старика. И кто?! Сопляки, можно сказать, дети, им-то еще вряд ли и по пятнадцать будет. И самое ужасное, что вместе с ними была и девчонка. Да еще и громче всех кричала:

— Снимай часы, зараза!

Пастор Элд Флойд тяжело вздохнул. Но сильнее всего его потряс даже не этот факт. Самое страшное для него было то, что эти малолетние грабители не полезли к нему драться, не схватили на дороге какой-нибудь камень или кусок железа.

Нет, они достали обыкновенный пистолет, самый настоящий, и равнодушно направили его в сторону Флойда, готовые в любой момент всадить в него пулю.

— Господи, что делается на грешной земле! — опять вздохнул пастор.

Он пробовал молиться, но мысли его все время путались. Перед глазами то появлялось, то исчезало лицо девочки, которая кричала, брызгая слюной:

— Чего стоишь, как столб?! Ты что — оглох?

Флойду казалось, что приближается конец света.

Иначе, откуда в людях столько злобы, столько ненависти? Откуда вдруг появилось столько жулья, которые, никого не боясь, днем и ночью разгуливают по городу, размахивая оружием, будто веточкой дерева отмахиваясь от назойливых мух.

Это не может продолжаться бесконечно. Но, казалось, не существует на земле силы, которая бы могла обуздать преступность, остановить обезумевших людей, вырвать общество из этой грязи, в которой оказались даже старики и дети. И только Божья кара могла положить всему этому конец.

Сын очень набожных родителей, Элф Флойд с раннего детства много слышал о приближающемся конце света. Тогда ему казалось, что с его наступлением все вокруг должен укрыть черный туман. Падают деревья, рушатся дома, но не слышно ни звука. Обезумевшие люди бегают по улицам с перекошенными лицами, но ни крик, ни даже шепот не могут у них вырваться из уст.

Наконец все поглощает непроглядная тьма, а через день или два, когда туман начинает рассеиваться, оказывается, что вокруг уже нет ни поваленных деревьев, ни разрушенных домов, ни перевернутых машин, ни умерших людей. Ни асфальтовых дорог, ни бетонных тротуаров, ни травы в парках и скверах. Вокруг лишь желтый песок, как в пустыне.

Вот только Флойд никак не мог представить, что же тогда будет с ним. Он не верил, что он умрет и больше уже ничего не увидит.

Теперь же, по прошествии стольких лет, конец света представлялся ему совершенно другим.

Он понял, что все так и должно быть: насилие, убийства. По улицам, словно стаи волков, бродят люди и убивают всех, кто

встречается им на пути. Сначала они будут разбивать стекла в домах, затем начнут поджигать и разрушать сами дома.

В это время действительно послышался звон разбитого стекла и дом вздрогнул, словно при землетрясении…

* * *

Давид Хелоран, молодой светловолосый человек с плоским, покрытым веснушками лицом и серыми глазами, пребывал в отвратительном настроении. Он сидел на диване и смотрел телевизор, с экрана которого диктор вещал о том, что ведется неустанная борьба с преступностью, что начались новые застройки квартала, в котором жила его семья, но Давид, казалось, ничего не слышал.

Давид Хелоран работал клерком на рыбоконсервном заводе. Несколько дней назад, без всякого предупреждения, служащие были распущены, а фирма ликвидирована. Все остались без работы.

Давид потратил сегодня много времени, обходя различные биржи и агентства, но удача не давалось ему в руки. Он знал, что отыскать работу очень трудно, но надеялся, что ему повезет найти хотя бы должность дворецкого.

В довершение к этому, пришло извещение о выселении его семьи из дома…

Он окинул взглядом квартиру. Она состояла из довольно большой гостиной, детской комнаты, крохотной кухоньки и ванной. Окно гостиной выходило на балкон. Оттуда доносились голоса и крики.

Давид услышал голос Кенко, жены, но смысл сказанного не доходил до него.

Он поднял голову и посмотрел на нее пустыми глазами.

— Я приготовлю ужин, — сказала она. Кенко ушла на кухню и принялась возиться у плиты.

На вид ей было лет 25. Она родилась в Токио от матери-американки и отца-японца. Отца своего Кенко не помнила, а мать умерла три года назад от сердечного приступа.

Кенко неплохо зарабатывала, выступая в ночном клубе. Правда, голос ее был довольно слабым, но микрофон отлично скрывал этот недостаток. К тому же у Кенко были определенные артистические способности, и она вкладывала в пение много эмоций, это очень нравилось публике.

Среднего роста, с фиалковыми глазами и волосами цвета вороного крыла, она была очень привлекательна.

Давид продолжал сидеть на диване, пока жена возилась на кухне. Он чувствовал себя слабым и никчемным. Аппетита не было, но он решил заставить себя съесть шницель, поджаренный Кенко.

— Все будет хорошо, Давид, — доброжелательно сказала ему Кенко.

Их семилетняя дочь Ника сидела целый вечер за компьютером и играла. Это было ее любимым занятием. Понимая, что родителям не до нее, она молчала.

— Ника, пожалуйста, иди спать, — ласково обратилась Кенко к дочери.

Вздохнув, девочка нехотя выключила компьютер, собрала все принадлежности и поплелась к себе.

Ее крохотная комнатка напоминала кабину космического корабля в миниатюре. Вместо игрушек, какие бывают обычно у детей ее возраста, Ника предпочитала иметь дело только с компьютером и электронными играми. Поэтому вся комната ее была оснащена именно этим оборудованием, а на стенах висели различные схемы и чертежи. Она часами просиживала за клавиатурой дисплея, над разработкой стратегии новой игры или собирала на экране нового робота.

Давид открыл дверь в комнату дочери. Она еще не спала, но глаза ее были закрыты. Он, было, собрался уйти, но Ника позвала:

— Эй, папа!..

Давид остановился.

— Ты уже, вроде, спать должна, — он посмотрел на часы.

— Скажи, это правда, что я слышала из новостей?

— Что именно?

— Что там, на улице, идет война. — Ника приподнялась.

Давид опешил. Ему было удивительно, что ребенок понимает ту ситуацию, которая сложилась.

— Нечего слушать, что там говорят. Все это чепуха. Не обращай внимания.

Он наклонился над дочкой, поправил на ней одеяло и поцеловал теплую нежную щечку:

— Малышка, не беспокойся, это наш дом, здесь мы в безопасности.

В этот момент он ощутил страшный удар, сотрясший квартиру. Что-то зазвенело, заскрежетало.

Давид, вскочив, зацепился за стул и упал на пол, больно ударившись о край кровати.

Казалось, началось многобалльное землетрясение.

Одна стена их квартиры раскололась и с грохотом рухнула, подняв невероятные клубы пыли. Потолок начал с хрустом

оседать… Стекла брызнули на асфальт тысячами зловещих осколков.

Давид, не помня себя, схватил Нику на руки и выбежал в коридор. К нему бросилась Кенко. В ее глазах были растерянность и ужас.

— Бежим, — схватил ее за руку Давид. — Скорей, скорей, дорогая.

Они едва успели выскочить из квартиры, как дом сотряс еще один мощнейший удар многотонного молота. В их квартире рухнул потолок. Им показалось, что рушится весь мир, наполненный ужасным, нескончаемым грохотом. Застигнутые врасплох, Давид и Кенко оцепенели. Нестерпимый грохот не умолкал. Казалось, барабанные перепонки не вынесут этого. Огромные куски штукатурки и клубы меловой пыли вздымались до неба, заполняя всю Вселенную.

Понемногу они кое-как пришли в себя и пошли по улице, прочь от дома.

* * *

Там они увидели бегущих людей, выгнанных из своих квартир. Откуда-то доносился надрывный вой мегафона:

— Внимание, внимание всем гражданам! Офицеры реабилитационной службы здесь для того, чтобы помочь вам, граждане…

Вся улица начала постепенно наполняться истошным воплем — пронзительным, нескончаемым.

Окинув взглядом улицу, жителей квартала, все прибывающих полисменов с автоматами в руках, Давид Хелоран сразу понял, что все это значит, и его охватило мучительное, сводящее каждую мышцу, оцепенение.

Их подхватило общим потоком людей. Рядом с ними прихрамывал дряхлый дедушка Грант, который с необычайной силой то размахивал костылем, то громко стучал им по тротуару. Ветер вздувал ему до самых глаз длинную седую бороду и развевал волосы. Грант в эти минуты был похож на сказочного колдуна.

С мрачной решимостью ковыляла рядом с ним пожилая дама, ее звали мадам Лотак. Она нахлобучила на голову старомодную шляпу с большими полями для защиты от солнца, но забыла завязать ленты, и они болтались у нее на плечах. Старуха ужасно гордилась своей шляпой и любила в ней щеголять — именно в таких головных уборах разгуливали модницы прошлого века…

Следом шагал пастор Элф Флойд, на лице его застыла гримаса брезгливого осуждения, но он не мог не идти рядом со своими прихожанами.

Продребезжал древний «форд». К рулю пригнулся сумасбродный мальчишка Джимми; в машине было полно его приятелей, таких же сумасбродов. Они вопили, свистели, мяукали — словом, были рады случаю пошуметь.

В поток идущих еще и еще вливались жители квартала, наперегонки мчались дети и собаки. Люди шли не только по тротуару, но и по газонам перед домами, и прямо по мостовой.

На главной улице, перед муниципалитетом, все росла и росла толпа. Начали подъезжать автобусы, из которых выпрыгивали полисмены реабилитационной службы. Они начали заталкивать в автобус жителей квартала, сопротивляющихся укрощали с помощью дубинок и кулаков.

Подбежал Томас Брэд, мясник из магазина. Край его белого фартука был заткнут за пояс, а высокий плотный колпак съехал на ухо.

Берта Стивенсон, секретарша, взобралась на какой-то ящик посреди тротуара, чтобы лучше видеть, что творится вокруг.

Сильвестр Максвелл, хозяин заправочной станции, что находилась напротив муниципалитета, стоял у обочины и усердно тер куском ветоши перепачканные смазкой ладони, словно знал, что ему вовеки не оттереть их дочиста, но стараться он обязан.

Гарри Силк с размахом подкатил на фургончике желтого цвета к бензоколонке и заглушил мотор.

Какой-то толстый тип в полицейской форме ударил Давида Хелорана по затылку чем-то увесистым. Рубашка сразу пропиталась пятнами крови. Давид упал на четвереньки, ему показалось, что в черепной коробке разорвалась бомба.

Кенко бросилась к нему на помощь:

— Давид, ты можешь встать? Попробуй подняться, — сказала она и заплакала. Давид некоторое время лежал без движения, затем все же с помощью Кенко поднялся на ноги, тряся головой.

В этот момент какой-то верзила схватил Кенко за волосы. Подбежали еще двое и набросились на несчастных, как голодные хищники на добычу. Все завертелось в бешеном круговороте. Один из напавших ударил Кенко по ногам носком тяжелого ботинка. Молодая женщина рухнула, сильно ударившись об асфальт. Верзила, шипя от злобы, как гремучая змея, вытащил пистолет и направил на Кенко.

В дикой ярости Давид швырнул камень в полицейского, держащего его жену на прицеле. Тот в ответ выстрелил, но пуля

попала в асфальт.

Верзила отпустил Кенко, сбил с ног Давида и навалился на него. Он скрутил ему руки, приподнял и швырнул в переполненный автобус, стоящий рядом.

— Мама, мамочка! — закричала Ника, но родители не могли ей помочь. Ребенка толпой отнесло дальше. Ника безудержно плакала. — Мама, папа, помогите! — умоляла испуганная происходящим девочка.

Ника с плачем вцепилась в обидчика-громилу и принялась колотить его своими маленькими кулачками. Полицейский отшвырнул ее, Ника, пролетев несколько метров, упала на мостовую, не переставая плакать и кричать.

Затем ее кто-то подхватил. Девочка боролась изо всех сил, брыкалась, кусалась, как пантера, пытаясь освободиться, но ее с легкостью удерживали.

Ника никогда не забудет то страшное, злобное лицо. Гигант держал обе ее руки своей одной и забавлялся тем, что с силой сжимал и разжимал тонкие пальчики.

Ника кричала от боли, напрасно пытаясь освободиться, изо всех сил пиная урода ногами.

— Мама, мамочка!.. — звала она на помощь. Слезы заливали лицо. Девочку охватили страх и ужас.

— Мама, папа… — слабеющим голосом звала насмерть перепуганная Ника.

Издевательство над ребенком увидел Большой Сэм. Он дико заорал и наклонился вперед, чтобы стряхнуть с себя трех полисменов, навалившихся на него и пытавшихся затолкнуть в автобус, где уже было много жителей квартала Кадиллак-Хайц.

Раздавая тумаки направо и налево, Большой Сэм не без труда выбрался из свалки. Он походил на огромного медведя, отбивающегося от злобной стаи волков. Еще какая-нибудь минута, и кулаки Сэма обрушатся на гиганта, как неудержимый горный камнепад…

Но, к несчастью, Большой Сэм споткнулся о чье-то тело, лежащее на асфальте, и распластался рядом.

Вдруг он услышал знакомый голос. Сэм повернул голову и увидел Берту Стивенсон.

Берта отчаянно кричала, размахивала руками, пытаясь привлечь к себе внимание:

— Не верьте им, не верьте! Они увозят вас в концентрационные лагеря! Вы больше никогда не вернетесь сюда, не увидите свободы! Я знаю, знаю, что нет никаких реабилитационных центров, с дубинками и револьверами туда бы не переселяли!

Глаза горели на ее темнокожем лице, искаженном неистовой яростью и ненавистью.

— Сумасшедшие, идиоты! Подонки! Будьте вы прокляты! Убирайтесь отсюда! — хрипела она.

На губах у Берты выступила пена. Она была страшна в своей отчаянной ненависти. Берта бросала в адрес полисменов из реабилитационных групп жестокие, унизительные ругательства.

— Ну, проклятая черномазая, считай, что ты уже допрыгалась! Сейчас я прикончу тебя, и тогда уж точно тебе не понадобится реабилитационный центр! — завизжал полисмен и, расталкивая ударами дубинки толпу, подскочил к Берте.

Губы Берты выпятились, она плюнула полисмену в лицо. Она даже не двинулась с места, когда тот вплотную подошел к ней. Только глаза горели бешенством, а маленькие руки сжались в кулаки. Как только полисмен протянул руку, чтобы схватить Берту, она вцепилась ногтями в ненавистную морду. Она царапала его, как кошка, и не вырвала ему глаза только потому, что он резко отклонил голову.

От ярости и боли полисмен ослеп. Он поднял руку, чтобы ударить Берту, но она с необыкновенной прытью метнулась в сторону, а его огромный кулак, минуя цель, с размаху врезался в стену. Полисмен заорал от нестерпимой боли и бессильной злобы.

Берта, воспользовавшись моментом, выхватила мегафон из его рук и бросилась бежать вдоль стены, к автобусам, пытаясь выбраться из этой свалки, но не успела. Дорогу ей загородил своим телом другой полицейский, отрезая путь к отступлению.

Женщина прижалась к стене, сложив руки за спиной, и следила за ним блестящими глазами.

На ее лице не было и тени страха, когда полисмен бросился на нее. Как только он изловчился, чтобы нанести Берте удар она, вскинув руку, хлестнула его по лицу собачьей плетью. Полисмен попытался завладеть орудием Берты, но она снова ударила его. Удар пришелся по лицу и обжег кожу так, будто к ней прикоснулось раскаленное докрасна железо. Полисмен закричал от боли и снова попытался выхватить плетку, но она, просвистев в воздухе, обрушилась на его голову. Берта с быстротой ящерицы метнулась в сторону, обернулась и снова ударила его плеткой по лицу. Одуревший от боли полисмен попятился назад.

Берта стала размеренно и методично хлестать плеткой по головам, спинам, шеям всех полисменов, попадавшихся ей в этой свалке. Им негде было скрыться от свистящей в воздухе плетки, которая снова и снова врезалась в кожу, оставляя на ней горящие огнем багровые вздувшиеся рубцы.

Вдруг внимание Берты привлек неистовый плач ребенка. Приглядевшись, она снова задохнулась от гнева: гигантский урод измывался над Никой. Одним прыжком Берта оказалась возле них, и ее хлыст впился прямо в глаз верзиле. Взревев от боли, он упал на колени. Возле них вдруг появился Большой Сэм. Берта вырвала малышку из рук негодяя и передала Сэму. Он взял малышку на руки и быстро втолкнул в желтый фургончик, стоящий неподалеку.

Берта, схватив мегафон, подбежала к автобусам, куда полисмены заталкивали людей.

— Слушайте меня, люди! — закричала она. — Нет никаких реабилитационных центров! Все, что они делают — незаконно! Они не имеют права выгонять вас из ваших собственных квартир и издеваться над вами.

Оставайтесь здесь, здесь — ваш дом! Если вы останетесь, никто не посмеет вас отсюда выселить!

К ней бросились несколько полисменов, кто-то из них сильно толкнул ее. Берта упала на тротуар.

— Что же ты, защитник, не умеешь с дамами обращаться? — издевалась она.

— Ах ты, наглая мразь, недолго тебе осталось орать! — несколько солдат бросились на нее.

Берта едва успела проскользнуть за груду металлических бочек. На одну из них она пришлепнула магнитную бомбу с часовым механизмом.

— Бегите отсюда, люди, торопитесь! — закричала Берта, отбегая от бочек.

Через несколько минут раздался оглушительный взрыв, тела нескольких полицейских взлетели на воздух…

Пробежав несколько метров, Берта увидела желтый фургончик. Дверь перед ней отворилась, она запрыгнула в машину.

Ника продолжала плакать. Женщина ласково прижала девочку к груди.

— Не бойся, малышка, — нежно сказала Берта, вытирая слезы со щек ребенка. Ну, тише, тише. Все будет в порядке. Теперь ты с нами.

Девочка обняла ее за шею, уткнувшись носиком в мягкую грудь и успокоилась.

— Ведь я найду своих родителей, правда? — тихо спросила она.

— Конечно, найдешь. Мы все вместе их найдем, не волнуйся, девочка.

* * *

Переполненные автобусы один за другим трогались с места и уносились неизвестно куда по ночным улицам города. Но тут же подходили другие машины, и полицейские бесцеремонно заталкивали в них оставшихся жителей района.

Дэвид Блэк, на которого была возложена операция по вывозу людей, стоял немного в стороне, предпочитая не вмешиваться в эту переделку.

— Быстрее! — кричал он полицейским. — Какого черта вы медлите? Быстрее, неженки несчастные!

Он готов был сам броситься в этот людской поток и гнать всех взашей к автобусам. Главное, не дать им опомниться. Но, видя злые лица людей, он боялся, что тогда непременно сорвется и начнет в них стрелять. И это стало бы началом большой бойни, за которую его вряд ли поблагодарит начальство.

— Быстрее! — кричал Блэк.

Его злили неповоротливые полицейские, злили эти бестолковые гражданские, которые вопили, кричали, будто их собирались сажать на горячую сковородку.

Его злило, что, судя по всему, срывался е. го очередной отпуск, а он так хотел поскорее, хоть на пару недель, выбраться из этого кошмарного города, из этой кошмарной страны. Он хотел к морю, куда вчера утром отправилась его жена и теперь, наверное напрасно каждый день будет ждать его приезда.

Блэк посмотрел на небо. Понемногу начинало светать. Они не укладывались в отведенные сроки.

— Ну, что вы медлите, болваны! — снова закричал Блэк и зло плюнул себе под ноги.

* * *

Гарри Грант, стараясь сохранять спокойствие и находиться как можно ближе к мадам Лотак, мысленно проклинал все на свете. Ему были ненавистны эти каменные физиономии полицейских, на которых не было видно ни капли сострадания.

— Подумать только, что делается! — не выдержал он. — Нас выгнали, словно скот, из своих же квартир. Теперь никому нельзя верить. Вокруг обман и жестокость.

— Успокойтесь, мой друг, — мрачно сказала мадам Лотак, — мы все равно не в силах что-либо изменить.

— Я спокоен, я совершенно спокоен. Но я не понимаю: в чем мы провинились? Перед кем?

На лице Гранта появилось недоумение.

— Все образуется, поверьте. Я в своей жизни пережила и не такое.

— Однако вы все же придерживайтесь меня, — робко сказал Грант, глядя в сторону. — Мало ли что еще может случиться.

— Хорошо, мой друг.

Мадам Лотак взяла его под руку. Это необычайно окрылило Гарри Гранта. Он почувствовал в себе прилив сил и смелости, будто ему теперь снова было лет тридцать, и он находился на своем корабле, а вокруг бушевал шторм.

— Это же бесчеловечно! Должны же быть какие-то законы, в конце-концов. Мы же люди, а не муравьи, на которых наступил ногой — и нет их.

Грант хотел показать своей спутнице, что он ничего не боится, и, если что, она вполне может на него рассчитывать.

Мадам Лотак покрепче сжала локоть старика, очевидно, вполне разделяя его чувства.

— Мы же люди! — продолжал Грант. — И у нас тоже есть человеческое достоинство, и мы не позволим, чтобы нам прямо в лицо какие-то грязные подонки, безумные служаки вот так вот — тьфу! — плевали.

Плевок Гранта угодил прямо в полицейского. Тот принял это как вызов и тут же обрушил на старика целый град ударов дубинкой.

Грант выпустил костыль и, не удержавшись на ногах, полетел на землю.

Мадам Лотак пронзительно закричала, хотела помочь старику подняться, но ее грубо оттолкнули.

Несколько полицейских подхватили Гранта и потащили в ближайший автобус. Людским потоком мадам Лотак понесло к другому автобусу.

Костыль остался лежать на дороге. Его обходили, на него наступали, кто-то об него споткнулся и, крепко выругавшись, отбросил в сторону.

Мадам Лотак пыталась вырваться из толпы, она хотела быть вместе с Грантом, но один из полицейских грубо толкнул ее обратно в людской поток.

* * *

Пастор Флойд шагал вместе со всеми с высоко поднятой головой. Он не только совершенно успокоился, но, казалось, смотрел на происходящее с явным удовольствием.

— Молитесь, братья и сестры, — тихо говорил он, будто обращался к самому себе. — Молитесь, и будете спасены. Господь долго терпел это беззаконие, эти ужасы, но всему приходит конец. Пришел конец и его терпению.

Кто-то сильно толкнул его, но пастор не обратил на это никакого внимания.

— Молитесь, братья и сестры, ибо пришел конец света. Смотрите, как заходится сатана в предсмертных судорогах. Не бойтесь его криков. Он показывает свое жало, но оно уже не ядовито.

В это момент он заметил, как какая-то женщина бросилась за груду металлических бочек, которые находились недалеко от него.

Она тут же выскочила обратно.

— Бегите отсюда, люди, торопитесь! — закричала женщина и сама бросилась в сторону.

Не успел пастор сообразить, что бы все это значило, как мощный взрыв сотряс воздух. Все вокруг бросились врассыпную, но пастор, ничего не соображая, остался стоять на месте.

— Моли… молитесь… — пытался и не мог закончить фразу Флойд.

Лицо его исказила гримаса боли. Он скорчился, но ноги уже не держали его. Земля, будто непослушный мячик, уплывала из-под ног, и он упал на колени.

— Госпо… госпо… — силился что-то сказать пастор, и в этих звуках были и его растерянность, и боль, и непонимание, и обида на весь этот жестокий мир.

Перед глазами все стало расплываться, он закрыл их, но открыть снова уже не смог…

Один из полицейских, совсем еще молодой парень с детским лицом, на котором застыло выражение вечной никому не известной вины, склонился над пастором.

— Кажется, мертв, — сказал он подошедшему напарнику, лет на двадцать старше его, успевшему перевидать в своей жизни немало смертей.

— Ну и черт с ним, брось его, — махнул тот рукой. — Потом без нас разберутся. Ну, что ты застрял, пошли, — нетерпеливо добавил он.

— Моя мать его хорошо знала, — неожиданно произнес молодой полицейский. — Ей нравилось, как он читает молитвы, торжественно и в то же время как-то нежно.

— В конце концов, не ты же его убил. Передай привет своей матери от той сумасшедшей, которая бомбу взорвала. Давай, пошли!

Молодой полицейский бросил последний взгляд на пастора и поторопился за напарником.

* * *

В машине было несколько человек, живших в рабочем квартале — аптекарь Сэм, Берта Стивенсон, мясник Томас Брэд, Сильвестр Максвелл.

Лица у всех были суровые и хмурые.

За рулем сидел Марено, высокий и худой парень, который, казалось, состоял только из рук и ног. У него было простодушное загорелое лицо. На первый взгляд его можно было принять за крестьянина, впервые попавшего в город, причем целую неделю спавшего одетым. Потертая фетровая шляпа, небрежно сидящая на его голове, завершала это впечатление. Его волосы, очень густые и непокорные, как ни пытался он их пригладить, торчали во все стороны. Время от времени он стриг их, случалось, пользовался и гребенкой, когда та подворачивалась под руку, но это происходило очень редко. Окружающие принимали его за не очень умного, но совершенно безобидного человека. И мало кто знал, что Марено обладал необыкновенными способностями: не было такого дела, за которое он бы взялся и не добился успеха.

То и дело мимо фургончика проходили полисмены из реабилитационной группы в форме мышиного цвета. Улица выглядела, как после сильного землетрясения. Некоторые дома были полностью разрушены, в них что-то горело. На улицах валялись перевернутые машины, над разрушенными домами висел дым, слышалось гудение пожара.

— Сограждане! — орал мегафон фальшивым голосом, будто на предвыборном собрании. От такого голоса сразу начинает тошнить. — Сограждане, призываю вас соблюдать тишину и спокойствие!

— Друзья, — сказала Берта укрывшимся в машине. — Нам грозят неприятности. Ну да это вы и сами, пожалуй, поняли. Нас здорово обманули, значит, надо всем вместе искать выход, нужно бороться. Нам нельзя уходить отсюда, попробуем продержаться хотя бы несколько дней. Запас продовольствия у нас есть, вполне хватит на неделю, а то и больше. И если даже запасы придут к концу, мы достанем еще. Но нам нужно нечто гораздо большее — оружие.

— Да, да, — согласился Сильвестр Максвелл. — Ну, конечно, все правильно, Берта. Мы постараемся сделать все, что только в наших силах.

— А дальше что? Что будет с нами и с нашими семьями дальше? — мрачно спросил мясник Томас Брэд.

Ника внимательно слушала и следила за всем происходящим.

Берте Стивенсон исполнилось сорок лет, но ни тяжелая работа, ни роды, ни разрывающие душу страдания, связанные со смертью единственного ребенка, не отразились на ее великолепной стати. Она была высокой, с роскошной копной курчавых волос и горделивой осанкой. Казалось, ей суждено дожить до ста лет — она была женщиной с сильным характером и мужественным сердцем.

Она была не из тех, кто много читает, но обладала огромным запасом лежащих в подсознании опыта и мудрости, собранных бесчисленными поколениями всей ее нации. Берта вполне могла успешно разговаривать с кем угодно на равных и противостоять всей книжной учености. В ее присутствии людям приходили в голову мысли, на которые они не считали себя способными, а собственные слова начинали казаться интересными им самим.

Она была по-житейски мудра, обладала здоровым чувством юмора, но сразу подмечала ложь и фальшь, никогда не прощала этих пороков, несмотря на то, что сердце у нее было доброе.

Самой замечательной чертой Берты Стивенсон была искренность, такая безграничная искренность, что она бросала свой свет на тех, кто общался с этой женщиной.

Берта минутку помолчала, затем сказала: — Создание реабилитационного отдела — это нечто очень крупное. Настолько крупное, что дело ведут федеральные власти. За всем этим стоит огромная предварительная подготовка, какие-то силы, которые в любой момент могут быть приведены в действие, поэтому они торопятся сделать свое грязное дело.

Я звонила в очень многие телеграфные агентства и редакции нескольких газет. Все очень живо интересовались, что у нас тут происходит. Я рассказала все, что видела и знаю. Одна телевизионная компания отправляет в наш квартал съемочную группу. Когда мне сейчас пришлось уйти из дома, непрерывно звонил телефон. И в редакцию тоже, наверное, звонят без передышки. Надо думать, газеты, радио и телевидение уже не выпустят нас из виду, правда все равно всплывет, как бы ее не утаивали.

Я не сомневаюсь, что и власти штата и правительство не бросят нас на произвол судьбы. Нашим положением уже всерьез все заинтересовались. Нам нужно подождать всего лишь несколько дней, пока придет помощь

Марено взглянул на улицу — она была пустынна.

— Что, едем? — спросил он.

— Ладно, за дело, — согласились все. Марено плавно тронул фургончик с места.

— Господи, что они сделали с нашими домами! — тяжело вздохнула Берта. — Пусть не надеются, что это им просто так сойдет с рук.

* * *

Полицейский инспектор западного района города Детройта Джонсон не скрывал своего раздражения по поводу проведения ночной операции.

Как всегда, этот бестолковый Блэк решил действовать по-своему и взять жителей отведенных ему домов на испуг, забывая, какое сегодня время, и чем все это в итоге может обернуться для них самих. Еще не известно, как к этому отнесутся в корпорации «Оу-Си-Пи». Сегодня они согласны на любые меры, завтра могут уволить за то, что какой-то полицейский не помог старушке перейти через дорогу.

Впрочем, Джонсон явно перестраховывался. Сказывалось медленное продвижение по служебной лестнице. Десять лет на одном месте — это уж чересчур!

— Итак, — раздраженно сказал Джонсон, — доложите, сколько убитых.

Блэк поднялся с кресла. Разговор принимал официальный характер и, чтобы не накликать беду, ему, пожалуй, стоило придерживаться устава.

— Трое полицейских, господин инспектор. И еще трое гражданских. Пастор. Случайно задело после взрыва магнитной бомбы. И еще мужчина и женщина. Личности пока нами не установлены.

— И вы мне докладываете, что операция прошла успешно?! И это, когда там рвались бомбы?!

— Но…

— Сегодня у кого-то нашлась бомба, завтра он прилетит сюда на военном вертолете и расстреляет ко всем чертям это здание вместе с нами. Нашли виновника?

— Нет, — глухо сказал Блэк.

— Почему? — вскипел инспектор.

— Это была какая-то сумасшедшая женщина, она как сквозь землю провалилась. Ведь операция происходила ночью. Там собралась уйма народу. Но мы найдем ее в самое ближайшее время, — уверенно произнес Блэк. Он с трудом проглотил застрявший в горле комок и уже не столь уверенно добавил:

— И потом… насчет бомбы… Это какая-то нелепая случайность, поверьте.

— Ладно, — задумчиво произнес Джонсон и неожиданно спросил:

— Ты что куришь?

— «Мальборо».

— Давай, годится.

Блэк облегченно вздохнул. Он хорошо знал характер и привычки своего шефа. Если тот просит сигарету, значит, можно расслабиться.

«Сейчас хорошо бы не сигарету, а пару глоточков виски», — подумал Блэк, но вслух произнес:

— А я вот все собираюсь бросить курить.

— Собираться можно на улицу в проливной дождь. А с курением надо так: или сразу бросать, или даже не думать об этом.

Блэк неопределенно пожал плечами.

* * *

Желтый фургон остановился перед высокими металлическими воротами, на которых огромными буквами красовалась надпись: «Полицейский арсенал».

Они могли трясти ворота сколько угодно, но те были наглухо закрыты. Вокруг — ни одной живой души.

Сэм, Берта и Томас Брэд взяли взрывчатку и побежали к воротам. Вскоре они вернулись обратно.

— Ну, Ника, затыкай уши, — улыбаясь, сказала Берта, ласково касаясь руки девочки.

В эту секунду раздался оглушительный взрыв. Когда языки пламени исчезли, а дым рассеялся, они увидели, что ворота распахнуты.

— Черт побери, неплохо получилось! Ну, ребята, вперед! — скомандовал Сэм.

Когда все вбежали на территорию полицейского арсенала, то замерли от ужаса, не в силах сдвинуться с места.

— Господи! — прошептала Берта побелевшими губами.

— Нет, нет, не бойтесь, это же робот! — радостно закричала Ника и подбежала к нему.

— Да у него оружия больше, чем во всем Детройте, — заревел Сэм ей вдогонку.

— Внимание! — услышали они низкий металлический голос робота, наводившего на них еще больший ужас не только своим

видом, но и действиями. — Вы пересекли границу собственности полиции. Вы нарушили закон. У вас есть двадцать секунд, чтобы покинуть эту территорию.

И мгновенно начал приводить боевые установки в полную готовность.

— Ребята, нас всех сейчас перестреляют! — вопила Берта, схватившись за голову и сожалея, что не доведет начатое дело до конца.

Сканер экрана, установленного на роботе, был включен.

Ника приблизилась к нему вплотную, присела у кодирующего устройства и быстро-быстро застучала по клавишам. Ее модулированный сигнал был тотчас же передан в электронный мозг робота. Почти мгновенно вспыхнул экран, и через ретранслятор в электронной системе робота были воспроизведены все изменения его программы.

— Зачем вы отпустили туда Нику и что она там делает, черт побери! — кричал обеспокоенный Сэм.

Робот продолжал информировать..

— Вы нарушили параграф 144, пункт 3 уголовного уложения и будете наказаны, согласно уголовному кодексу.

Ника оторвалась от своего занятия и, восторженно выплясывая вокруг робота, закричала:

— Вы не представляете, он может быть ласковым и послушным, как щеночек!

— У вас осталось 5 секунд… 4 секунды… 3 секунды… 2 секунды…

Этот металлический голос проникал в мозг каждого, парализуя движение. Все стояли, как вкопанные, не в силах сдвинуться с места.

— У вас осталась 1 секунда, после чего я открываю огонь… или… я буду верным и ласковым, как щеночек, — робот при этом опустил свои пусковые установки и замолчал.

Все не скрывали своего восторга, ведь минуту назад они были на волосок от смерти. Еще больше они переволновались за девочку, которая так бесстрашно полезла прямо в раскрытую пасть. И эта девочка спасла их всех.

— Смотри! — толкнул Берту Сильвестр Максвелл и указал на решетку из поперечных прутьев.

Все подбежали к складу. Решетка была заперта на электронный замок с кодом.

Томас Брэд вытащил из кармана полицейский жетон.

— Это принадлежало полицейскому, — сказал он и попытался всунуть пластину в замок, но тщетно.

Вдруг послышался гудок сирены, на табло высветилось:

«Допуск разрешен!!!»

Но выше высветилась еще одна надпись: «Тревога! Тревога!»

— О черт! — закричал Сильвестр Максвелл. — В арсенале полиции сработала сигнализация!

— Ребята, мы здорово влипли, — сплюнул Томас Брэд. — Наверное, они сняли его подпись.

— У нас осталось несколько минут, чтобы войти и взять оружие. Надо только дверь открыть!

— Но как же мы сделаем это? — воскликнул Томас.

В эту минуту Ника дала всем знак отойти в сторону, а сама быстро защелкала клавиатурой управления Для нее это было самой обычной игрой, похожей на ту, в которую она играла дома, управляя своим крошечным роботом.

Робот послушно сделал несколько шагов, развернулся и выпустил заряд прямо в замок. Вход был открыт.

Все с благодарностью посмотрели на Нику и побежали на склад за оружием.

Их взорам открылось длинное помещение со стеллажами, аккуратно заполненными оружием и боеприпасами всевозможных образцов, видов, калибров.

— Так-так, — Берта потирала от удовольствия руки. — Принимайтесь за дело, ребята. Раз уж мы сюда попали, то будем делать покупки.

Они начала складывать оружие в тележку, которую подкатил Томас.

— Берта, торопись, у нас осталось слишком мало времени, — подгонял он. — Нужно уходить.

Глаза Берты разбегались, она не знала, что схватить.

— Ну что такое, что ты копаешься? Живей, живей! — то и дело торопил ее Томас.

— Ух ты! — вдруг воскликнула Берта, увидев какую-то непонятную штуковину, напоминающую крылья. — Помоги-ка мне поднять эту штуку!

— Зачем? — недоуменно спросил Томас.

— По-моему, она очень дорогая, — ответила Берта.

— Идем, идем быстрее, — потянул Берту за руку убегавший Сильвестр Максвелл. Они начали уходить со склада.

* * *

Робот-полицейский молча смотрел вслед уходящим и включил режим записи изображения в память.

Неожиданно Ника остановилась, оглянулась на робота и со

всех ног бросилась к нему.

— Как тебя зовут? — спросила она, подбежав к механическому полицейскому.

— Мэрфи, — ответил тот.

— Странно, — пожала плечами девочка, — у тебя даже имя человеческое. И сам ты очень похож на человека, на которого надели железный скафандр. Пока, Мэрфи!

— Пока, — металлическим голосом ответил робот-полицейский.

Девочка побежала догонять остальных.

Мэрфи, глядя ей вслед, замер, словно внутри у него полетели все микросхемы. Если бы у робота была душа, его лицо сейчас бы исказила гримаса боли.

Но у него была лишь память, которая время от времени заставляла его возвращаться в прошлое, в другую жизнь…

Полицейская машина влетела на территорию заброшенного металлургического комплекса.

Сержант Мэрфи в который раз кричал в переговорное устройство:

— Мы преследуем преступников, ограбивших магазин. Сообщите, когда прибудет помощь.

Однако из Центра опять повторили, что с помощью придется повременить — в соседнем квартале идет ожесточенная перестрелка с бандой Джокера.

— Что будем делать, Льюис? — спросил Мэрфи у своей напарницы, которая сидела рядом с ним.

— Давай возьмем их! — предложила та.

Они выскочили из машины и бросились к оставленному у угла здания фургону. Двери автомобиля были распахнуты, а внутри никого не было. Лишь на полу фургона и на земле возле машины лежало несколько долларов. Еще несколько купюр валялось на лестнице, которая вела в старый корпус. Еще одна лестница была с другой стороны здания.

Мэрфи и Льюис разделились. Льюис побежала в обход, а Мэрфи бросился вверх по лестнице…

Услышав голоса, Мэрфи выглянул за угол. Двое преступников несли ящик с деньгами. Одни был высокий, лет сорока, в куртке и кожаной кепке. Другой чуть пониже и несколько помоложе его. Они вошли в комнату и поставили ящик на пол.

Мэрфи выскочил из-за угла и направил пистолет в сторону преступников:

— Не двигаться!

Высокий рванулся к стоящему перед ним табурету, на

котором лежал карабин. Мэрфи выстрелил, и тот покатился по полу, схватившись за живот.

Сержант вызвал по рации Льюис, но она не ответила. А через несколько секунд он услышал за спиной голос:

— Эй, парень, отпусти-ка его!

Мэрфи оглянулся. Метрах в пяти от него стоял узкоглазый тип с направленным с его сторону карабином. Еще один вооруженный преступник стоял на железной лестнице вверху. В это мгновение тот, который находился в комнате, резко бросился в сторону Мэрфи и вышиб у него пистолет…

Один из преступников ударил сержанта прикладом карабина по ногам. Он упал, как подкошенный.

— Где твой партнер? — услышал он над собой чей-то злобный голос.

Мэрфи молчал. Его снова ударили карабином, на этот раз в плечо. Неожиданно из-за угла послышался голос:

— Эй, ребята! Его партнерша была наверху. Такая сладенькая, как карамелька.

Мэрфи не видел говорившего, но вскоре услышал над собой его тяжелое дыхание.

— Я отправил ее вниз, ознакомиться с нашими достопримечательностями…

Пуля насквозь прошила ладонь Мэрфи, которая тут же превратилась в кровавое месиво. Мэрфи стал хватать ртом воздух. Боль была такая ужасная, что лучше было сейчас умереть. Тут же последовали новые выстрелы.

Бронежилет, который был надет на сержанта, спасал его от смерти, но не спасал от боли. Одна из пуль попала в раненую руку чуть пониже плеча. Заряд оторвал руку, лишь на плече остались окровавленные лохмотья кожи.

Последний выстрел пришелся ему в голову…

— Мэрфи, милый, что они с тобой сделали?! Кажется, это был голос Льюис. Послышался шум вертолета. Чей-то голос:

— Быстрей, ребята, быстрей!

Бесконечная черная ночь. Боли не слышно. Только хочется покоя, а мозг насквозь просверливает какой-то непонятный мучительный звон. Где-то далеко-далеко слышны голоса.

— Кровяное давление?

— Падает!

— Дыхание?

— Не прослушивается!

— Присоединяйте аппарат искусственного дыхания!

— Есть!

Несколько мгновений стоит жуткая тишина. Неожиданно она прерывается все теми же голосами:

— Зрачок не реагирует!

— Немедленно готовьте кровь для переливания! Какая у него группа?

— Четвертая.

Снова тишина. Потом появляется какой-то шум, словно крутят ручку старенького радиоприемника, настроенного на короткие волны. Выстрелы. Чей-то смех. Потом слова, которые он уже где-то слышал:

— Эй, ребята! Его партнерша была наверху. Такая сладенькая, как карамелька. Яотправил ее вниз, ознакомиться с нашими достопримечательностями.

Где он слышал эти слова? Где он мог их слышать? Чья партнерша?

Снова шум. И уже другие голоса, где-то совсем рядом:

— Что будем делать?

— Давайте электрошоковую терапию.

— Приготовьте место!

— Готово!

— Аппарат готов!

— Разряд!

— Есть!

Тишина. Сознание отключается. На несколько минут все проваливается в черную бездну.

Неожиданно появляется усталый голос:

— Похоже, мы больше ничего не сможем для него сделать. Который час?

— Шесть пятнадцать, — доносится откуда-то издалека. Вдруг что-то промелькнуло у него перед глазами.

Словно фотовспышка в темной ночи. Снова темно.

Он видит совершенно отчетливо. Рядом с ним стоят несколько человек.

— Он включен, — говорит один из них.

Затем появляется лицо девушки. Потом подходит еще один человек в строгом деловом костюме.

— Мы оставили ему левую руку, — говорит девушка.

— Что? Мы же договорились, что все будет заменено, — недовольно морщится человек в строгом деловом костюме.

Их глаза встречаются.

— О, Господи! Он что, и видит, и слышит нас?

— Это не страшно, потом мы все это сотрем из его памяти, —

отвечает ему мужской голос.

— А как насчет его тела?

— Вообще-то он мертв. Я уверен, никаких проблем с полицией у нас не будет. Сейчас мы можем делать с ним все, что угодно.

Каждое слово фиксируется в его мозгу, словно на магнитофонной пленке. Однако на что-либо другое его мозг не способен. Полученная информация не поддается никакой чувственной обработке, потому что самих чувств мозг не вырабатывает.

Он не знает, прошел день, два или, может быть, месяц. Неожиданно он снова видит залитую светом лабораторию. Над ним склоняется какое-то знакомое мужское лицо. Он где-то его уже видел. Где?

— Вся его кожа будет такой же крепкой, как и корпус. Это специальный сплав титаниума с кевларом, — довольно говорит знакомое лицо и снова исчезает.

Он идет по коридору участка. Его обгоняет какая-то женщина и останавливается.

— Привет. Меня зовут Льюис. А у вас есть имя?

Он ее где-то уже видел. Но где? И этот голос…

— Чем я могу быть полезен вам, офицер Льюис? Она склоняется к самому его лицу:

— Мэрфи, ведь это ты? Ты действительно не помнишь меня, нет?

Ему ужасно знакомо это лицо. Ему ужасно знакома произнесенная ею фамилия. Но соединить всю информацию в одно целое и проанализировать ее он не в состоянии.

— Извините, мне нужно идти. Где-то сейчас происходит преступление, — металлическим голосом отвечает от и быстро идет дальше…

* * *

Робот-полицейский вышел из оцепенения. Он, словно пьяный, сделал несколько шагов вперед, потом назад. Затем остановился, выпрямился и уверенными шагами быстро двинулся вперед, следом за Никой.

«Впереди опасность! Впереди опасность!» — непрерывно поступала в его мозг одна и та же информация.

В городе наступало утро. Окна высоких домов позолотили

первые лучи солнца. На дорогах все больше возрастало движение. Вскоре появились первые прохожие.

Город начинал жить новым днем, чем-то похожим на предыдущие дни, чем-то отличающимся от них.

И лишь в одном из районов всю ночь не смолкал шум экскаваторов, которые разгребали обломки разрушенных домов и сгружали весь этот хлам на непрерывно подъезжающие к ним тяжелые машины.

Здесь, по проекту, вскоре должен был возникнуть Дельта-Сити, самый лучший район во всем Детройте.

* * *

В диспетчерской полицейского участка, доверху набитой электронной аппаратурой, находилось несколько дежурных диспетчеров. Сидя за полукруглым столом, они напоминали карточных игроков, которые провели здесь ночь. Но карт на столе не было. Вместо них возвышался сифон с водой, стояли стаканы, пепельницы, полные окурков.

Было невозможно установить, какое сейчас время суток — комната не имела окон и освещалась несколькими лампами дневного света.

Сигнал боевой тревоги из полицейского арсенала моментально дошел сюда. Диспетчеры немедленно выслали три машины с полицейскими, которые на полной скорости, с сиренами и мигалками, помчались по улицам города. Не прошло и пяти минут, как они на полной скорости влетели на территорию полицейского арсенала. Из машин выскочили полицейские в черных формах. Блокируя выход, они легли возле машин с пистолетами наготове.

— Немедленно бросить оружие! Живо! Кому сказал! — закричал офицер.

— Господи, вот влипли. Неужели это ловушка? — в отчаянии подумала Берта.

Но в этот момент полицейским перекрыл дорогу робот. Это была довольно внушительная фигура ростом в несколько футов. На вид он напоминал средневекового рыцаря в доспехах.

Маленькие пальчики Ники снова застучали по клавиатуре миникомпьютера, с которым она никогда не расставалась, и электронный мозг робота немедленно уловил посылаемые ему сигналы.

Робот сделал несколько шагов в сторону полицейских, лежавших за машинами, и те услышали его голос:

— Ни с места! Вы находитесь в запретной зоне — на территории полицейского арсенала.

— Ах ты проклятая чертова кукла! Попался бы мне этот идиот, который придумал тебя! — выругался офицер.

— Приказываю бросить оружие! — продолжал робот. — В противном случае я открываю огонь!

Полицейские в недоумении смотрели то на офицера, то на робота, забыв, что у них в руках пистолеты.

После предупредительного отсчета робот открыл по полицейским мощный огонь.

— Умница, малышка! — крикнула Берта подбежавшей Нике. — А сейчас быстрее отсюда!

Марено с силой нажал на акселератор и желтый фургончик, рванув с места, сразу же набрал скорость.

Робот все еще стрелял по полицейским машинам, а фургончик был уже далеко.

Через пять минут робот автоматически отключился. Уцелевшие полицейские бросились было вдогонку, но фургон был вне досягаемости.

* * *

День начинался, как обычно. Полицейская Энн Льюис несла дежурство. Из диспетчерской передали, что в районе улиц Беверли Хиллз и 37 авеню случилось дорожное происшествие. Льюис поспешила туда. Подъехав к перекрестку, полицейская Льюис увидела большую толпу. Улица была запружена автомобилями и людьми. Не вызывало сомнения, что произошел несчастный случай.

Льюис подрулила к тротуару и затормозила. Толпа все увеличивалась.

— Черт возьми, что же здесь произошло? — воскликнула Льюис и, выскочив из машины, начала пробираться сквозь людское море к месту происшествия. Маленький двухместный открытый автомобиль стоял поперек улицы. Переднее крыло его было смято. Четверо мужчин толкали большой черный «паккард» к обочине. У него была разбита передняя фара и сильно поцарапан сверкающий корпус.

— Эй, ребята, в чем дело? — спросила Льюис, подходя поближе.

— Только я отъехал от тротуара, как вот этот нахал перерезал мне дорогу и врезался в мою машину, — объяснил водитель разбитого «паккарда».

«Нахалом» оказался пожилой мужчина, стоящий рядом с ним. Нарушитель бормотал что-то о тормозах. Он был бледен и заметно напуган.

В это время послышался звук сирены. Подъехали еще две полицейские машины с включенными радиопередатчиками.

Из одной выскочил краснолицый полицейский и, растолкав всех, подошел к Льюис. Она узнала Питера Джилмера и его напарника Гарри Силка, молодого двадцатилетнего крепыша. Несмотря на свой юный возраст, это был очень смышленый парень.

Поняв, что инцидент закончился благополучно, водители невредимы и, видимо, полюбовно решат вопрос, трое полицейских направились к своим машинам.

В машине Льюис включила сигнал срочного вызова центральной диспетчерской службы.

— Внимание! Внимание! Всем! Всем! Всем! — услышала она напряженно звенящий голос старшего диспетчера и, насторожившись, подкрутила ручку громкости.

Питер и Гарри остановились и тоже начали слушать.

— Только что совершено нападение на полицейский арсенал, — передал диспетчер.

— Льюис, разве ты одна? А где же твой приятель Мэрфи? — спросил Питер.

— О, за этого парня можно не беспокоиться. Он появится вовремя, — ответила Льюис, надевая на голову защитный шлем. Она всегда надевала его, когда ей предстояла быстрая езда на машине.

— Внимание! Внимание! Всем! Всем! Всем! — снова раздался голос диспетчера несколько минут спустя. — В ограблении, согласно сведениям, замешано несколько человек, которые при побеге использовали автомобиль-фургон желтого цвета с синей надписью.

Не успели они сесть в свои машины, как мимо них на большой скорости пронесся фургончик, по всем приметам похожий на разыскиваемый.

— А вот и он, черт бы тебя побрал, Шерлок Холмс, — сказала Льюис про себя.

— На ловца и зверь бежит! А это не такое уж частое везение, — обратился Питер к Гарри.

Три полицейские машины, почти синхронно включив сирены и мигалки, устремились в погоню за фургончиком.

Льюис включила передатчик и доложила в диспетчерскую:

— Говорит 477! Говорит 477! Машина в поле зрения, начинаю преследование подозреваемых.

Расстояние между полицейскими машинами и желтым фургончиком начало сокращаться.

— Марено, за нами погоня! — закричала Берта, увидев приближающиеся машины с мигалками и сиренами.

Все пассажиры прильнули к окнам.

Полицейские машины следовали за ними.

Вначале Марено ехал спокойно вдоль тротуара, затем выехал на широкую полосу асфальта, туда, где шло встречное движение. Сейчас впереди все было сплошь забито машинами, они застыли неподвижно, впритык одна к другой.

Впереди произошла авария, и сейчас на этом участке дороги образовалась пробка.

— Ну, ребята, держитесь крепче, — спокойно сказал Морено. — Сейчас рванем.

Впереди был дорожный знак — поворот на другую улицу, перед выездом на нее следовало остановиться. Однако Марено даже не сбавил скорость, фургон мгновенно пронесся по узкому переулку, едва не угодив под колеса огромного грузовика, сворачивающего на эту улицу.

— Твою мать! — выругался Марено.

— Ладно, парень, пока порядок, но впредь будь поосторожней, — дружески похлопала его по плечу Берта.

— Да смотрю, смотрю, не волнуйся, я еще тоже не готов отойти в мир иной, — он кивнул головой.

Все дружно зааплодировали. Грузовик занял всю улицу.

— Эй, Марено, хвост еще остался? — спросила Берта.

— Это еще не все! — сказал Марено. — Сейчас мы им покажем.

Льюис свернула в тот же переулок, где скрылся желтый фургон, и понеслась за ним.

Питер и Гарри проскочили дальше.

Улица была слишком узкая и короткая. Льюис уже почти проехала ее, как неожиданно на другом конце дороги вырос мощный, неотвратимо надвигающийся на нее грузовик. Разминуться было невозможно. Повернуть назад — тоже.

«Направо! — мелькнула спасительная мысль. — Да, только направо».

Она проехала почти вплотную к тротуару, настолько близко, что машину бросило вверх — два колеса прошли по панели. Было, однако, достаточно места, чтобы не разбиться вдребезги.

Грузовик остановился, водитель вышел из машины, оставив дверцу открытой и, не говоря ни слова, обернулся и посмотрел вслед удаляющейся машине. Вздохнул, сделал соответствующий жест пальцем у виска и помахал кулаком вдогонку.

Льюис, едва переводя дыхание от пережитой стрессовой ситуации, продолжила преследование.

Впереди был перекресток. Упустив столько времени, она очень надеялась, что проехавшие вперед Питер и Гарри успеют перекрыть фургону дорогу.

— Но это еще не все, что мы собирались им показать! — усмехнулся Марено, подъезжая к перекрестку. Он остановился у светофора, вытащил пульт дистанционного управления и стал нажимать кнопки. Затем резко рванул вперед.

Огни светофора беспорядочно замигали, направляя два потока машин навстречу друг другу.

Шедший рядом с машиной Гарри Силка «ягуар» на огромной скорости врезался в «альфа-ромео», обе машины с ревом вылетели на разворот. «Альфа-ромео» столкнулась с машинами Питера и Гарри, которые наехали на нее с обеих сторон.

Через несколько секунд сюда же на огромной скорости вылетела машина Льюис. Она резко нажала на тормоз, но поздно: ее машина врезалась в «альфа-ромео» и перевернулась несколько раз.

— Господи, и ремни оказались надежными, и мотор не взорвался! — перекрестилась Льюис, выбираясь из машины. Из этой заварушки ей досталась лишь пара синяков.

Из разбитой «альфа-ромео» выскочил испуганный молодой человек с трясущимися руками. Он бросился к Льюис, отчаянно жестикулируя и непонятно что выкрикивая. Смысл его слов не доходил до ошарашенной Льюис, она сама не понимала, как все произошло и не могла прийти в себя от неожиданности.

— Что вы наделали? Вы меня защищать должны. Вы не полицейский, а убийца-шизофреничка! — вопил водитель разбитой машины. — Это что, у вас шутки такие? О, Боже, мою новую машину превратили в груду металла! Я разрешаю вам, идиотка, купить мне новую, потому что эту я только вчера купил!

Он замолчал, глядя на свою машину. К нему подошли Питер и Гарри.

— Ребята, может, вы объясните мне, что это за игры у вас такие? Что же это такое, а? — молодой человек никак не мог прийти в себя. — У вас значки полицейских, а вы ведете себя, как гангстеры.

— Ах ты, сволочь, дерьмо поганое! Это что же, выходит, я решила покончить с собой ради твоей вонючей машины? — гневно прошипела сквозь зубы Льюис, которую уже начали раздражать вопли этого типа.

Она подошла к машине и включила рацию, вызывая на прием центральную диспетчерскую.

— Говорит 477! Говорит 477! Центральная? — аппарат молчал.

Льюис снова послала вызов.

— Я 477! Вызываю центральную!

— Льюис, Льюис! Погляди-ка сюда! — тронул ее за плечо подошедший Гарри. Он приподнял ее подбородок и кивком показал на знак, изображенный на столбе.

Льюис взглянула.

— Черт побери, это уж слишком, — прошептала она.

На столбе, плотно приклеенный, красовался маленький плакатик с изображенными на нем скрещенными костями и человеческим черепом.

— Это же банда Плашера…

Да, они находились в самом опасном районе Мелберри-парка, в месте сбора так называемых отбросов общества — гангстеров, рэкетеров, панков, опасных преступников, наркоманов. Именно здесь вовсю развернула деятельность банда убийцы Плашера, в которую входили подонки, циничные ублюдки с крашеными нечесанными волосами, торчащими во все стороны.

Полицейские, схватив пистолеты, бросились к машинам. Питер отбежал подальше, к кустам, чтобы в случае чего прикрыть друзей.

— Эй, куда же вы? Секундочку, секундочку! — побежал за Льюис водитель разбитой «альфа-ромео», раздосадованный тем, что он пострадал больше всех, но никого, похоже, это не волнует. — Я что-то не понимаю, что вы собираетесь делать? Зачем зарядили оружие? И что будет со мной?

— К сожалению, не для того, чтобы пристрелить тебя, чертов прилипала, — раздраженно бросила ему Льюис.

— Льюис! Мне кажется, мы здорово влипли! Если вылезет эта нечисть, мы не справимся! — крикнул Гарри.

— Держись, парень! Не торопись на свидание к красавице в саване, — ответила Льюис, прикрывая дверь машины. — Я успела вызвать подкрепление.

— Ну, да, конечно, подкрепление, — ехидно ухмыльнулся «прилипала». — И как вы вообще здесь оказались? Я бы на вашем месте здесь и не появлялся никогда.

— Слушай, зануда, — Льюис приоткрыла дверцу и схватила молодого человека за галстук. — Я бы на твоем месте тоже быстренько отсюда свалила. Послушайся моего очень доброго совета в этой ситуации — хочешь остаться живым, беги отсюда, да не наступи на свой длинный язык, паршивец!

— Пугай кого-нибудь другого, крошка, — водитель вырвал галстук из руки Льюис. — У тебя еще будет время вспомнить все

сегодняшнее — у меня брат полицейский.

С этими словами он вдруг повалился на асфальт.

Льюис, выглянув из машины, увидела на его груди небольшую дырочку, из которой вытекала кровь… кровавое пятно растекалось на рубашке все шире и шире…

Льюис снова связалась с диспетчерской:

— 477, 477 вызывает центральную! Нам срочно нужно подкрепление! Похоже, сейчас будет приличная заварушка с бандой местных подонков.

Она подняла глаза от радиостанции и оцепенела от увиденного.

На них с улюлюканьем, свистом, душераздирающими криками двигалась стая, насчитывающая десятка два головорезов-убийц. Льюис содрогнулась от вида этих жестоких, одержимых лиц. Глаза мрази пылали несокрушимой ненавистью и жаждой крови. Некоторые несли огромные плакаты: «Смерть! Да здравствует смерть! Убей, убей, убей!».

* * *

Отступать было поздно. А если вовремя не прибудет подкрепление, шансы на победу у них тоже не очень велики.

* * *

Когда-то Джонатан Плашер был примерным мальчиком. Он неплохо учился в школе и безумно любил своих родителей, которые тоже души не чаяли в своем единственном сыне.

Но случилось ужасное. Когда однажды вечером отец с матерью возвращались с шумной вечеринки домой на своем стареньком «форде», из-за поворота им навстречу выскочил «бьюик», водитель которого уже явно не различал, где левая, а где правая сторона дороги.

Отец Плашера резко повернул руль, и «форд» на полной скорости врезался в фонарный столб и несколько раз с грохотом перевернулся.

Ни отца, ни мать спасти не удалось. Отец умер на месте происшествия, мать скончалась в больнице.

Джонатану Плашеру тогда было тринадцать лет, и ему пришлось перебраться к тетке, единственной ближайшей родственнице, которая жила за несколько кварталов от дома Плашеров, в печально известном западном районе города.

Жизнь Джонатана резко изменилась.

Теперь он был уверен, что нет ничего противнее, чем ругань пьяной женщины, и этой женщиной всегда оказывалась тетушка Мэри.

Еще он понял, что нет ничего тягостнее, чем ложиться вечером спать на голодный желудок, зная, что в твоих дырявых карманах давненько не бывало ни одного цента.

А через год, когда Джонатану исполнилось четырнадцать, он понял, что дальше так жить совершенно невозможно, и удрал из дому, прихватив из тайника ненавистной ему тетушки Мэри триста долларов, которые, по его убеждению, он давно заработал у нее. Не один раз потом он с удовольствием представлял разгневанное лицо этой черноволосой морщинистой дамы, когда она обнаружит пропажу.

— Триста долларов! — наверное, должна она при этом кричать, вытирая рукавом бесконечные, как Ниагарский водопад, сопли. — Триста долларов! Целое состояние! Где этот чертов

гаденыш? Я ему всю задницу его же кровью разрисую! Триста долларов!

К этому времени у Плашера появились друзья, которые открыли перед ним совершенно другой город. Основная часть этого, неизвестного ему раньше города, находилась под землей или в старых, заброшенных, подлежащих сносу домах.

В свои пятнадцать лет Плашер понял, что большие — по детским меркам — деньги можно заработать всего лишь за один день, стоит только быть половчее в магазине и поворотливее, когда выхватываешь сумочку у какой-нибудь дамы.

В шестнадцать лет Плашер впервые в жизни попробовал наркотики, и с этого момента чуть ли не каждый последующий месяц являлся новым этапом в жизни Джонатана.

Первая девушка, лет на десять старше его, которую они вчетвером затащили на чердак и там поочередно изнасиловали, а потом еще и сняли с нее золотые кольца.

Первая драка за «право на территорию» с такими же пацанами, как и его дружки, во время которой он так ударил своего противника, что тот пролетел несколько метров, ударился головой об асфальт и уже не поднялся.

Первая схватка с полицией, когда шальная пуля, словно щипцами, откусила указательный палец его левой руки, и он заревел на всю улицу нечеловеческим голосом. С того самого момента Плашер возненавидел полицейских больше всех на свете, и мстил им при каждом удобном случае.

Шли годы, менялись потребности Плашера. Хитрость и безжалостность, тонкий ум и неутолимая жажда наживы сделали его лидером банды. Он все реже принимал участие в налетах, предпочитая руководить операцией из укрытия. Банда его разрослась до неимоверных размеров, но мало кто даже из ее членов знал, что основное занятие ее главаря и нескольких особо приближенных к нему человек не грабежи, а перепродажа наркотиков и оружия, что приносило огромные доходы.

Прикрываясь всем этим сбродом — наркоманами, ворами, бездомными, Плашер преследовал две цели. Во-первых, он держал в страхе весь район. Во-вторых, этим он не давал возможности полиции выйти на след его основной деятельности, заставляя ту думать, что банда Плашера — это обыкновенное дерьмо, которое ради наживы или развлечения может убить кого угодно, не особо заботясь о своей собственной жизни.

Они проводили большую часть времени по закоулкам, в подвалах, на чердаках, а то и в пустых квартирах, и лишь только в этом появлялась необходимость, как бандиты со всех сторон стекались в одно место, словно пауки, почувствовавшие, что в их

сети попалась добыча.

Вот и сегодня, когда черный «ягуар» на огромной скорости врезался в «альфа-ромео», бандиты не замедлили появиться на месте происшествия. Казалось, не существует такой силы, которая могла бы их остановить.

* * *

Плашер сидел в огромном мягком кресле, высоко запрокинув голову, словно отдыхая или о чем-то размышляя. Он не обращал внимания ни на вой полицейских сирен, ни на крики на улице рядом с его домом.

Рональд Коннорс, долговязый мужчина лет сорока, заложив руки за спину, ходил перед ним взад и вперед по комнате. Комнатка была небольшая, и он все время натыкался то на маленький журнальный столик, то на шкаф, то подходил к окну и осторожно оттягивал жалюзи, чтобы посмотреть, что делается на улице. Затем снова направлялся к противоположной стене.

— Итак, твое последнее слово. Сколько? — Резко остановился он возле Плашера.

— Пятьсот тысяч, — не двигаясь, будто сквозь сон ответил Плашер.

— Черт, это же несерьезно. В прошлый раз мы сошлись на трехстах.

— Прошлый раз — это прошлый раз. Я трех человек потерял, пока доставил это проклятое зелье.

— Ха-ха-ха, — не удержался Коннорс, — с каких это пор ты занялся учетом своих головорезов?

— С тех пор, как понял, насколько трудно достаются деньги.

— Ты считаешь, мне они сыплются с неба? Или я их сам печатаю?

— Это твои проблемы, — Плашер наконец оторвал голову от кресла. В его глазах появилась жестокость, а губы скривились в неприкрытой насмешке.

— Но ведь я же без проблем могу купить где-нибудь и за триста тысяч. В крайнем случае, за триста пятьдесят. Я ведь прихожу к тебе по старой дружбе.

— По дружбе, говоришь? А я слышал, ты собираешься порвать со мной все связи.

Коннорс замялся. Он не знал, что Плашеру уже все известно о его планах.

«Дьявол, а не человек, — выругался он про себя. — Откуда только ему все известно?»

— Разве не так? — Плашер сверлил его насквозь своим леденящим взглядом.

— Тебя не совсем правильно информировали…

— Неужели?

— Видишь ли… То есть, твои цены действительно очень высоки…

— А как же наш договор?

— Устный договор, — тут же поправил его Коннорс. — И потом, я ведь не рассчитывал, что ты будешь поднимать цену.

— Я благотворительностью не занимаюсь.

На улице началась перестрелка. Коннорс покосился в сторону окна. Лицо его задергалось. Он панически боялся стрельбы, а при виде полицейского его бросало в жар.

Плашер сохранял спокойствие. Казалось, вся эта переделка для него не более, чем детская игра.

— Ну так что же ты решил? — нетерпеливо спросил он и встал с кресла.

— Я думаю, на таких условиях мы с тобой не сработаемся, — неуверенно проговорил Коннорс.

— Мне очень жаль. Но я думаю, тебе стоит жалеть еще больше, — в голосе Плашера появились угрожающие нотки, но Коннорс не придал этому большого значения. Он был рад, что дело подходило к развязке, оставалась только одна важная деталь — задаток, который Плашер когда-то получил от него. Плашер всегда брал задатки.

— А как же мои деньги?

— Какие деньги?

— Задаток, который ты получил неделю назад. Сто тысяч долларов.

— Но ты ведь знаешь, что твой задаток пошел на приобретение наркотиков.

Коннорс от удивления широко раскрыл рот. Такого поворота он никак не ожидал.

— Черт побери! — закричал он. — Но мне не нужны твои наркотики!

— Как хочешь, — невозмутимо сказал Плашер, — я просто пытаюсь тебе объяснить, что сейчас у меня нет таких денег. Понимаешь? Нет таких денег.

Он отошел немного подальше от своего клиента, будто боясь, что тот сейчас набросится на него. Коннорс действительно был похож на затравленного зверя, которому ничего другого не остается.

— Послушай, Плашер, ты ведешь нечестную игру. Так дела не делаются!

— Подожди, я не понял: кем не делаются? — с наивностью ребенка спросил Плашер.

— Никем не делаются. Ты играешь с огнем, это плохо для тебя кончится!

Коннорс задыхался.

— Тебе сейчас нужно выпить немного воды и успокоиться. И почему так никем не делается, если я так делаю? Или ты меня не принимаешь за человека?

— Слушай, Плашер! Ты… ты…

— Ладно, успокойся. Я пошутил.

Коннорс снова разинул от удивления свой большой рот и замер посреди комнаты.

— Как пошутил? — словно не веря ему, негромко произнес он.

— Обыкновенно. Мы же с тобой старые друзья, неужели мы будем рвать друг другу глотки из-за каких-то паршивых денег?!

Коннорс не сообразил, что ему ответить. Он достал из кармана своего новенького черного пиджака платок и вытер вспотевший лоб.

— Сколько, ты говоришь, я тебе должен?

Плашер отвернулся от него и подошел к шкафу, но не открыл дверцу.

— Как сколько? Сто тысяч. Это задаток, который ты получил за наркотики, — каким-то чужим голосом медленно произнес Коннорс.

— Да, конечно. Сейчас ты их получишь. Даже больше, чем ты рассчитывал.

Плашер засунул руку в карман, потом резко повернулся и вытянул руку.

Коннорс не успел заметить, что было в его руке, но почувствовал опасность всем своим существом. Он дернулся в сторону, однако слишком поздно.

Два выстрела один за другим разорвали тишину маленькой комнаты.

— Как же ты… — прошептал Коннорс, хватаясь за грудь и медленно опускаясь на пол. Сквозь растопыренные пальцы потекли струйки крови. Он с трудом оторвал от груди левую руку. Она дрожала. Несколько мгновений Коннорс смотрел на нее, словно не веря, что на ней действительно его кровь. Стоя на коленях, он начал торопливо вытирать руку о свой новенький черный пиджак. Потом оторвал от груди правую руку, так же внимательно некоторое время смотрел на нее, и тоже начал вытирать кровь о пиджак.

Плашер скривился и выстрелил еще раз, потом еще, уже не

целясь.

Коннорс вздрогнул и рухнул на спину, раскинув испачканные кровью руки.

Плашер быстро подошел к нему, достал у него из внутреннего кармана толстый бумажник и, проверив его содержимое, спрятал у себя.

В это время дверь отворилась, и в комнату вбежал испуганный неожиданными выстрелами парень с автоматом в руках. На нем была черная кожаная куртка и полосатая кепка, которая делала его лицо каким-то очень угрюмым.

— Я слышал выстрелы! — крикнул он и тут только заметил на полу труп.

— Ты бы еще через полчаса прибежал, — зло бросил ему Плашер.

— Но на улице перестрелка. Я находился внизу, боялся, как бы сюда не заскочили полицейские.

— Что, наши дела так плохи?

— Там настоящая бойня.

— Ладно, — уже более спокойным тоном сказал Плашер. — Этого мерзавца, — он махнул головой в сторону трупа, — надо выбросить на улицу. Подальше куда-нибудь, где постреливают.

— Будет сделано.

Парень наклонился над трупом.

— Подожди, — остановил его Плашер и протянул парню стодолларовую бумажку. — Это тебе за работу. Закроешь за собой дверь.

— Хорошо, — парень быстро схватил бумажку и просиял от удовольствия. Затем он схватил труп под мышки и потащил к выходу.

— И это… — Плашер поморщился. — Кровь как-нибудь убери потом.

— Хорошо.

Когда дверь за парнем закрылась, Плашер подошел к шкафу, открыл дверцу и достал оттуда резиновую маску. Ловким движением он натянул ее на свою голову, затем подошел к большому зеркалу, которое висело на стене.

Перед ним стоял морщинистый старик. Редкие седые волосы на его голове торчали во все стороны, казалось, он не брился и не умывался, по крайней мере, недели две. Выглядел он болезненно, и только глаза бегали живо и совсем не по-старчески.

Плашер снова отошел к шкафу, быстро снял с себя костюм, а вместо него надел какие-то старые лохмотья. Затем он направился к окну и долго следил за происходящим на улице. Снова подошел к шкафу и уперся в него рукой. Шкаф легко

поддался и отъехал в сторону. За ним оказалась потайная дверь. Плашер открыл ее, придвинул на место шкаф и повернул ключ.

* * *

Парень вытащил тело Коннорса на улицу и посмотрел по сторонам. Похоже, в этой суматохе на него никто не обращал внимания.

Первое желание было — бросить тело прямо здесь, возле дома, от греха подальше. Но что-то подталкивало его вперед, туда, к перекрестку, где лежало несколько перевернутых автомобилей и шла стрельба.

Парень сделал несколько шагов — и вдруг что-то острое возилось ему в спину. Он выпустил труп и сам упал рядом с ним. Он не видел, как робот, который стрелял в него, повернулся в другую сторону и, не прицеливаясь, выпустил еще одну очередь.

* * *

Видя, какую свалку устроил Марено на перекрестке, пассажиры дружно захлопали.

— Марено, мальчик мой! — кричала Берта. — Какой же ты молодец! Провалиться мне на этом месте, если это не вы с Никой спасаете нас сегодня!

— Да, Марено, мы все тебе благодарны. И еще, мне кажется, тебе впору в цирке работать! — поощрительно похлопал его по плечу Томас.

Охваченные радостью они едва успели заметить, что из-за поворота вынырнула еще одна полицейская машина и «села им на хвост». Марено сделал несколько хитрых трюков, но машина, лишь на мгновение исчезнув из виду, снова появлялась и двигалась вслед за ними.

— Мне не хотелось бы думать, что мы рано начали веселиться. Этот слишком настырный парень мне не нравится, и я не так уж спокоен, как ему кажется, — заерзал Марено.

Берта внимательно смотрела в окно. Расстояние между машинами позволяло видеть того, кто был за рулем.

— Марено, ты полагаешь, это тот самый парень?.. — догадываясь, спросила Берта.

— А как полагаешь ты? Его друг — Ника, а мы даже не знаем, как с ним обращаться, — произнес тот.

— Берта, Марено, вы думаете, это — робот-полицейский? —

от радости Ника запрыгала на сиденье.

Преследование было недолгим, всего несколько минут. Затем полицейская машина вдруг резко развернулась и, не сбавляя скорости, поехала в обратном направлении.

Сидящие в фургоне замолчали. Они не ожидали такого исхода. Должно быть, само провидение помогает нам, решили они.

* * *

Однако успокаиваться было рано. Погоня могла возобновиться в любую минуту, и тогда им уж точно несдобровать. Понятно, что полицейские могут общаться между собой на большом расстоянии, используя переговорное устройство, и поэтому роботу ничего не стоило сообщить их координаты в диспетчерскую. Необходимо было срочно принимать какое-нибудь решение.

— Поворачивай налево, быстро! — неожиданно закричала Берта, когда машина проезжала очередной поворот.

Марено крутанул руль, и фургон, почти не снижая скорости, помчался по узенькой улочке.

— Теперь направо! — снова закричала Берта. Марено повиновался.

Пассажиры фургона ничего не понимали, но никто не осмеливался приставать к Берте с расспросами, ожидая, когда она сама все объяснит.

— А теперь заворачивай в этот двор, — уже спокойно сказала Берта.

Двор оказался ужасно запущенным и больше напоминал самую обыкновенную свалку. С одной стороны лежала целая гора в беспорядке сваленных досок. Там же высилась куча мусора. С другой стороны стояли два обшарпанных автомобиля трудно определимой марки, без колес и без дверей. Можно было не сомневаться, что и внутри у них отсутствовало не меньше половины нужных деталей.

Лишь несколько деревьев и кустов хоть как-то скрашивали этот беспорядок.

— Нам придется оставить наш фургон здесь, хотя бы до завтра, — сказала Берта. — По нему полиция быстро обнаружит нас.

— А как же мы? — спросил Сильвестр Максвелл. На его лице появилось беспокойство.

— Дело в том, что недалеко отсюда живет мой родственник

— дядюшка Симон. Мы сможем до завтра, пока все не успокоится, пересидеть у него. Если, конечно, мы не будем распространяться о той ситуации, в которой оказались, — Берта тяжело вздохнула.

— А твой дядюшка что — полицейский? — осторожно спросил аптекарь Сэм.

— Уж лучше бы он был полицейским, — неопределенно сказала Берта. Потом неожиданно добавила:

— Да нет, он, пожалуй, никто.

— Как никто?

— Обыкновенный старый человек, которому иногда кажется, что он президент страны.

Минут через десять они поднялись на второй этаж огромного дома. Берта нажала кнопку звонка. Казалось, прошла целая вечность. Но женщина не торопилась ни уходить обратно, ни еще раз звонить.

Наконец дверь открылась.

На пороге появился маленький толстенький старичок, который, не сказав ни слова, бросил короткий взгляд на стоящих, повернулся и прошлепал своими тапочками вглубь квартиры, будто он давно ждал гостей.

Берта, а за ней аптекарь Сэм, Ника, мясник Томас Брэд, Сильвестр Максвелл и Марено один за другим молча переступили порог их временного убежища.

— Знакомьтесь, — сказала Берта, когда они вошли в большую уютную комнату, со вкусом обставленную дорогой старинной мебелью, с которой разве только не очень гармонировали последняя модель телевизора «Сони» с большим экраном да видеомагнитофон, — это мой дядюшка Симон, а это… это мои друзья.

Дядюшка Симон сидел на диване, закинув ногу за ногу, и. внимательно рассматривал вошедших. Похоже, он не очень обрадовался гостям.

— Хорошо, что у тебя появились друзья, — сказал он. — Правда, я не ожидал, что ты решишь меня познакомить сразу со всеми.

— У нас небольшая проблема.

— Вот как? Ну, что ж, друзья, действительно, познаются в беде.

— Наши квартиры снесли, — прекрасно зная характер своего дядюшки и не обращая внимания на его тон, спокойно сказала Берта.

— Да? Ну, что ж, садитесь. Похоже, вы не очень торопитесь. Хоть я не уверен, что смогу каждому из вас предоставить отдельное кресло.

Ника села, а Сэм, Томас Брэд, Сильвестр Максвелл и Марено остались стоять. В комнате было лишь одно кресло.

Ника ужасно устала. Сегодня она пережила такое потрясение, что просто не чувствовала своего тела. Девочка закрыла глаза, ей было уже все равно, о чем сейчас будут разговаривать взрослые. Лишь бы их не выгнали отсюда, лишь бы снова не встречаться с полицией.

— Наш район хотят превратить в Дельта-Сити, город мечты, — сказала Берта. — Широкие зеленые улицы, площади с фонтанами и памятниками, гигантские торговые центры суперсовременной архитектуры, зоны отдыха с увеселительными заведениями и все такое прочее.

— Неужели наконец-то взялись за этот гадюшник? — просиял дядюшка Симон. — А я уже было начал думать, что эта компания «Оу-Си-Пи» тоже состоит из одних болтунов и мошенников. А теперь вижу, что там ребята, что надо.

— Вы бы видели, как они выгоняли на улицы людей, — не выдержал Сильвестр Максвелл. — Может быть, тогда вы бы изменили свое мнение о них.

— На улицы? Людей? — с насмешкой сказал дядюшка Симон. — Да там же одни преступники! Там же головорезы, жулье! Там же всех порядочных людей давно перерезали и перестреляли!

— Но… — опять начал было Максвелл, увидел недовольный взгляд Берты и замолчал.

— Если бы я был президентом страны, — сказал дядюшка Симон, — я бы за неделю навел там порядок. Я бы самих преступников заставил строить этот Дельта-Сити. Однако, насколько я понимаю, вам должны были выделить на время какие-то помещения?

— Да. То есть… — замялась Берта. — Понимаешь, они не смогли до конца все предусмотреть… В общем, завтра они все уладят.

— Я был бы им очень признателен за это, — пробурчал дядюшка Симон.

* * *

Сигнал тревоги, посланный Льюис, прозвучал совершенно неожиданно. Пронзительный звон раздался в электронном мозгу. Один из индикаторов, похоже, бился в конвульсиях. Остальные тоже подавали импульсы, извещая об опасности.

Мэрфи резко нажал на тормоза, развернул машину, и

помчался туда, где находился в опасности его друг. Мэрфи выехал на широкую дорогу с довольно интенсивным движением и прибавил скорость, обгоняя машины одну за другой.

Со стороны казалось совершенно невероятным, как может полицейская машина выделывать такие трюки на переполненной автотранспортом дороге.

Прохожие останавливались и раскрывали от удивления рты, а водители закрывали глаза и жали на тормоза или прижимались поближе к тротуару…

И тут на повороте, куда на полной скорости свернул Мэрфи, девочка лет десяти, не дождавшись зеленого света, совершенно неожиданно направилась на другую сторону улицы.

Сделав несколько шагов, она повернула голову налево, увидела приближающуюся к ней на большой скорости полицейскую машину и замерла от ужаса, закрыв глаза.

Небольшая беленькая сумочка выпала у нее из рук.

Кто-то из прохожих закричал, все посмотрели на дорогу, но никто не бросился на помощь девочке. Да вряд ли он успел бы ей помочь.

Машина летела, словно стрела.

И вдруг за несколько метров до ребенка она пронзительно взвизгнула тормозами и остановилась возле самой девочки, чуть не задев ее.

Мэрфи вышел из машины, поднял бледненькую сумочку, потом осторожно взял девочку на руки и направился с ней на другую сторону улицы.

— Смотрите, робот-полицейский! — восхищенно закричал кто-то.

Люди, которые к этому времени облепили тротуары с двух сторон улицы, возбужденно зашумели.

— Вот это да! Как он ловко, а?

— Я уже решила — все, нету девочки.

— Это же надо…

— Да…

Мэрфи бережно опустил ребенка на землю и, указав рукой на светофор, произнес:

— Нельзя переходить улицу на красный свет. Будут неприятности.

Он протянул ребенку его беленькую сумочку, затем быстро вернулся к своей машине, и она снова рванула с места, словно испуганная лошадь.

* * *

Дежурный инспектор, развалившись в кресле, сидел за огромным столом и внимательно смотрел на экран, с картой города.

По карте медленно двигалась горящая точка. По ней определялся маршрут робота-полицейского.

Дежурному диспетчеру нравилось это занятие. Глядя на карту, он представлял себе, как мчится по улицам города полицейская машина, приводя то в ужас, то в восхищение водителей и пешеходов.

Единственный недостаток этого занятия заключался в том, что роботом-полицейским нельзя было управлять отсюда, из дежурной части. А ведь это была бы неплохая идея. И полицейским тогда было бы совсем не обязательно подставлять свой лоб под пули.

Неожиданно движущаяся горящая точка изменила свое направление. Она повернула обратно.

Дежурный диспетчер быстро вбежал в кабинет полицейского инспектора западного района Джексона.

Инспектор сидел за письменным столом.

Джексона трудно было назвать любимцем подчиненных. Кому мог понравиться хмурый субъект с неподвижным, ничего не выражающим лицом, туго обтянутым кожей. Особенно неприятно было смотреть на тонкие губы, движущиеся с монотонной четкостью механизма.

Перед ним, по другую сторону стола, сидел, нервно сжимая руки, худой темнокожий человек. Это был сержант Рад.

Вид его вызывал жалость: глаза тревожно бегали по сторонам, движения были беспокойны.

Было заметно, что сержант Рад успел получить хорошую взбучку за происшедшее в полицейском арсенале, а его объяснения ничуть не привели Джексона в благодушное настроение.

— Сержант Рад, Мэрфи прекратил преследование и развернулся, — доложил диспетчер.

— Что?! — в один голос воскликнули инспектор и сержант.

Сержант, не спрашивая разрешения, вскочил и бросился в помещение диспетчерской службы. Дрожащими руками он схватил микрофон и стал вызывать Мэрфи.

— Мэрфи! Мэрфи, говорит Рад! — он буквально вопил в микрофон. — Немедленно, приказываю, немедленно продолжай преследование преступников в желтом фургоне!

— Но послушайте, Льюис в опасности, ей необходима моя помощь, — услышал он голос Мэрфи.

— Мэрфи! Подкрепление Льюис уже послано! Немедленно

выполняйте приказ! Вы знаете, что вам грозит за неподчинение? — голос Рада начал переходить на визгливые ноты.

Мэрфи отключил радиосвязь с диспетчерской и помчался еще быстрее. На мосту он остановился и посмотрел вниз.

Банда со всех сторон медленно окружала полицейских. Иногда они бросали в них горящие факелы. Кольцо постепенно сужалось.

По предположению Льюис, они вряд ли могли устоять против этих громил, и потому не оказали бы существенной помощи ни себе, ни другим, начни они перестрелку. Не стоит бросаться на типов, сила которых в десять раз превосходит твои возможности обороняться. К тому же Льюис всегда была противницей силовых единоборств между кем-либо, предпочитая им ум, ловкость и даже хитрость.

Она ждала помощи и не ошиблась.

В самую критическую минуту, как с неба, свалился Мэрфи. Его машина снесла оградительную линию моста и, сделав в воздухе сальто-мортале, упала в середину жесткого кольца. Мэрфи ударил по стеклу, оно разлетелось вдребезги, и он открыл огонь по бандитам.

Бандиты опешили. Они уже было почти праздновали свою победу, а сейчас друг за другом валились замертво на асфальт.

Мэрфи прекратил стрелять, открыл дверцу и вышел из машины. Он был очень высок. Все его тело — туловище, руки, ноги, голова — было покрыто металлическим панцирем. Его лицо напоминало неподвижную маску, и только блеск глаз выдавал живого человека.

— Полиция! Ни с места! — обратился он к оставшимся в живых бандитам. Мэрфи подошел к Льюис. Звук его шагов гулко раздавался на притихшей улице.

— Подкрепление вызвали? — обратился он к стоящей с раскрытым ртом Льюис.

Все потрясения этого дня совершенно выбили ее из колеи. Еще бы — дважды за день находиться на волоске от смерти.

— Спасибо, что заглянул, Мэрфи! — наконец очнувшись, благодарно произнесла Льюис. — Ты, как всегда, вовремя. Ну, что, работу закончил?

— Нет! Осталось еще трое.

Как ни быстры человеческие рефлексы, но они не могут соперничать с молниеносными рефлексами электронного мозга. Льюис еще не успела понять, что же, собственно произошло, как Мэрфи взмахнул рукой и в нескольких дюймах от ее лица поймал пулю. И сразу же открыл огонь.

— Теперь двое.

Льюис увидела, что двое подонков побежали по подземному переходу и скрылись за углом. Громко стуча металлическими подошвами по асфальту, Мэрфи отправился за ними.

* * *

…Один из бандитов, огромного роста и по-видимому, недюжинной силы, обнаружил Питера Джилмера в кустах и начал медленно подходить к нему.

Питер знал наперед, что у него ничего не выйдет — если попытаться позвать на помощь друзей, их тут же пристрелят. Единственным способом выиграть время в ожидании подкрепления было попытаться действовать силой. Не слишком надеясь на благополучный исход затеи, Питер все же бросился на бандита с кулаками.

Подонок повел себя очень осмотрительно: ложный выпад слева, потом удар справа. Питер принял его удар предплечьем и ответил мощным хуком в лицо. Разъяренный бандит, не помня себя от злости, бросился на Питера снова, умудрившись пробиться сквозь град наносимых ему ударов. Но сержанту удалось прижать ублюдка с торчащими во все стороны красными волосами. Это дало ему неплохую позицию и возможность провести серию удачных выпадов. Внезапно в руках подонка оказался кастет. Питер отлетел к стене и упал на колени, обезумев от боли. Бандит бросился к нему и, схватив за волосы, изо всех сил рванул. Питер увидел его лицо вблизи и похолодел от ужаса: это была отвратительная морда беспощадного зверя, упоенного радостью победы и собственной силы.

— Мне просто повезет, если я выйду из этой переделки живым, — подумал сержант и, кое-как выпрямившись и изловчившись, нанес короткий удар в голову и два прямых — в солнечное сплетение.

Они не возымели на бандита никакого воздействия, он вовсю продолжал орудовать кулачищами, молотя Питера так, что у того трещали ребра.

Еще раз напрягшись, Питер тоже нанес неплохую плюху в лицо и, по рычанию этого недочеловека, понял, что удар достиг цели.

Но разве возможно удержаться против такого здоровяка, который тяжелее тебя на двадцать фунтов? Этот громила расстреливал сержанта с близкого расстояния, посылая удар за ударом так молниеносно, что Питер не успевал даже увернуться.

Да это было и невозможно, как и немыслимо было их парировать.

Потом в голове сержанта словно что-то взорвалось, и он начал медленно погружаться во мрак.

Того, что происходило дальше, он уже не видел, равно как и не слышал нарастающего звука сирены полицейской машины, мчащейся на помощь.

Выплывая из небытия, Питер обнаружил, что находится в машине, которая, похоже, мчится в полицейский участок.

Его товарищи по службе с сочувствием смотрели на него.

Сержант с облегчением понял, что подкрепление пришло вовремя.

Питер медленно поднялся с сиденья, на котором лежал, и ощупал челюсть. Она распухла, но была цела. Облегченно вздохнув, он взял бутылку, протянутую кем-то из товарищей, сделал большой глоток. Это немного подбодрило его.

* * *

Бандиты забежали за угол бара и укрылись среди пустых бочек.

Один из них был пожилой, с изжелта-бледным морщинистым лицом, с длинными косматыми волосами, выкрашенными в светло-зеленый цвет. Когда он говорил, были видны чудовищные испорченные зубы. Маленькие глазки все время бегали по сторонам, посаженные близко друг к другу, о. ни придавали ему сходство с каким-то пакостным зверьком.

У другого был вид отпетого бандита и негодяя с продувной, жульнической физиономией. Все тело было расписано татуировкой. Этот прощелыга не гнушался ничем: только зазевайся, и он тебя так облапошит! Только дай ему случай, и он непременно подложит свинью.

Пожилой потянул молодого за рукав:

— Джек! Это бесполезно! Валить нужно отсюда, да побыстрее — этот парень, что подъехал, покруче нас с тобой, — быстро заговорил он, обнажая свои ужасные зубы.

Джек рывком отбросил его руку.

— Ну, уж нет! Ты же знаешь — не в моих это правилах, отступать, — завопил он. — Да, я видел эту железяку. Ну и что? Главное, запалить его, и он сгорит к той самой матери, которая, наверное, очень гордится своим сыном.

Джек перевернул одну из бочек и достал из нее несколько бутылок с горючей смесью.

— Джек, я знаю, ты парень, что надо, но если он нас спалит

раньше?

— Трусишь, что ли? — Джек схватил своего компаньона за горло и резко рванул его.

Джек сунул ему бутылку со смесью и они выбежали из своего укрытия.

Робот был в нескольких шагах.

Подбежав к нему, бандиты вначале бросили в него бутылки со смесью, а потом выстрелили из огнемета.

Робокоп вспыхнул, и огромный столб огня взметнулся в небо, разбрасывая вокруг себя языки пламени и снопы искр.

Но это исполинское чудовище не переставало двигаться в сторону бандитов, которых от ужаса не держали ноги. Они пятились, падали, перекатывались.

Вкатившись в бар, подонки спрятались за стойкой.

Джек достал пистолет, но пальцы его дрожали, а руки не слушались.

— Ну, пали! Пали! — истошно кричал другой. Горящий робот ударил рукой по витрине, она рассыпалась на мелкие кусочки.

Робот зашел в бар.

— Бей ему прямо в рот! Прямо в рожу пали, иначе нам конец! — орал бандит.

Робот направился к душу. Включил воду. Струйки воды быстро погасили пламя, но от этого он стал не менее страшным. Сейчас он был весь черный от копоти и сажи.

— Стреляй!

— Ну, что? — прогремел голос робота. — Попробовал, урод? А теперь попробую я.

Бандиты онемели.

Робот направил на них огнестрельное средство, от которого не было спасения.

— Вы имеете право сохранять молчание…

Робот услышал звук сирен полицейских машин. Это прибыло подкрепление. Мэрфи увидел, как в одну из машин полицейские острожно посадили Питера Джил-мера. Все лицо его было в синяках и кровоподтеках. Он только сейчас начал приходить в сознание.

Возле Питера стояли Льюис и Гарри. С ними все было в порядке.

Увидев Мэрфи, Льюис подбежала к нему и принялась вытирать его лицо от сажи.

— Боже мой! Мэрфи, дорогой, как ты себя чувствуешь? — взволнованно спросила она.

— У меня все в порядке, Энн, — ответил Мэрфи. — Спасибо, что поинтересовалась.

— Мэрфи, сказала Льюис, — Тебя нужно срочно показать доктору Лазарес. Садись в мою машину, я отвезу тебя.

Робот послушно сел в машину.

Когда они проезжали по рабочему району, Мэрфи нервно задергал головой. Его электронный мозг мгновенно уловил ту напряженную обстановку, которая царила там. До него долетали крики, плач, обрывки фраз:

— Пошел, пошел, не останавливайся! — кричали полисмены в серой форме, заталкивая людей в автобусы.

— Вы не имеете права так с нами обращаться! — раздавались возгласы возмущенных то тут, то там.

В храме, мимо которого они проезжали, Мэрфи увидел большое количество людей.

Робот не мог сразу разобраться, что все это значит. Он настроил свой электронный мозг на запись, чтобы потом еще раз все посмотреть и послушать.

Дверь храма медленно приоткрылась, затем распахнулась настежь. На пороге появилась девочка. Через открытое окно проезжающей мимо машины она заметила Мэрфи, и сейчас смотрела на него с улыбкой. Было видно, что девочка волнуется, но держалась она без робости и напряжения.

Мэрфи пристально посмотрел на ребенка. Она не шелохнулась. Улыбка застыла на ее губах. Она стояла так несколько минут, глядя на него в упор. Ни он, ни она не опускали глаз.

— Эй, малышка, иди-ка сюда быстрее, — послышался чей-то голос за дверью.

Девочка еще секунду постояла, затем потянула дверь на себя и закрыла ее.

* * *

У полицейского участка Мэрфи помахал Льюис на прощание рукой и в сопровождении двух инженеров направился на обследование в лабораторию.

Они уже скрылись за углом здания, а Льюис еще долго стояла и смотрела в одну точку.

У нее не было друга ближе робота-полицейского, хоть это и было поводом для бесконечных насмешек — само собой разумеется, не злых — со стороны ее сослуживцев.

Впрочем, это для других он был просто робот.

Каждое движение, взгляд, даже манера разговаривать напоминали Льюис сержанта Мэрфи. Они были знакомы недолго,

но воспоминания о нем не давали покоя Льюис почти каждый день и каждую ночь.

Вот и теперь, глядя вслед уходящему роботу, она видела удаляющегося сержанта Мэрфи. Он был живым и невредимым, как тогда, несколько месяцев назад…

Льюис со своим напарником с трудом втащили в двери участка арестованного — здоровенного мужика в наручниках. Полчаса назад он учинил настоящий погром в ресторане, якобы потому, что ему неправильно дали сдачу.

Верзила отчаянно сопротивлялся и, в конце концов, ему удалось отшвырнуть напарника Льюис в сторону. Она покрепче вцепилась в детину, все еще надеясь уладить дело мирным путем, но через несколько мгновений отправилась вслед за своим напарником.

Это ее окончательно вывело из себя.

Она быстро вскочила с пола и эффектным ударом ноги отправила арестованного в нокдаун. Тот отлетел к стене и взвыл от боли. Разозленная Льюис сделала еще три отличных удара кулаком в челюсть, и мужик обмяк, словно мячик, из которого выпустили воздух.

— Эй, Льюис, когда закончишь разбираться с задержанным, подойди сюда, пожалуйста! — крикнул ей сержант Рад, с удовольствием наблюдавший за всей этой сценой. Не хотел бы он оказаться на месте арестованного даже за сотню долларов. Об этом красноречиво говорило его лицо.

Льюис, передав задержанного напарнику, повернулась и решительным шагом направилась к стойке, у которой стоял Рад с незнакомым ей парнем. На ходу она сняла шлем и поправила рукой свои короткие волосы.

Сержант Рад указал рукой на незнакомца и сказал:

— Этот парень будет твоим новым напарником, Льюис. Мэрфи, познакомься с Льюис.

Она протянула руку и заглянула в глаза новичку. Казалось, она излучали тепло и нежность, что было совсем не характерно для полицейских.

— Очень приятно познакомиться, Мэрфи, — сказала Льюис, и на ее лице появилась улыбка.

— Отличная работа, — тоже улыбнулся Мэрфи, показывая глазами на задержанного. Он нехотя отпустил ее маленькую ладошку.

Они замолчали, не зная, как поддержать беседу. Льюис в замешательстве опустила голову.

— Льюис покажет тебе окрестности, — нарушил молчание сержант Рад.

— Отлично, — казалось, искренне обрадовался Мэрфи. — Я готов.

Утренняя смена уже началась. Все дежурные машины разъехались по своим кварталам. На стоянке остался лишь один автомобиль.

Льюис подошла к передней двери и открыла ее. — Лучше я поведу машину, пока ты не разобрался, что к чему, — сказала она и уже собралась сесть на место водителя.

Однако Мэрфи с улыбкой положил свою руку ей на плечо и сказал:

— Обычно, когда у меня новый партнер, я сам веду машину.

Она была не против.

— Ну, что ж, поехали.

Льюис насмешливо выстрелила пузырем жевательной резинки и обошла машину с другой стороны.

Лишь только она успела шлепнуться на сиденье рядом с Мэрфи, как тот резко отпустил сцепление и нажал на газ. Взвизгнув шинами, машина выскочила из гаража.

— Говорят, ваш район славится возможностью пострелять по живым мишеням? — спросил Мэрфи, когда она выскочили на центральную улицу.

— Это точно. Только учти, что, в отличие от неживых мишеней, эти тоже умеют стрелять. Порой так быстро и ловко, что ты даже не успеешь вытащить свой пистолет, как над тобой уже архангелы склоняются.

— Что ж, посмотрим, — неопределенно и, как показалось Льюис, немножко насмешливо произнес Мэрфи, свернул на небольшую улочку и сбавил скорость.

— А ты из какого участка к нам? — спросила Льюис, время от времени бросая на парня пристальный взгляд. Он ей определенно начинал нравиться.

— Из южного.

— Это, конечно, не мое дело, но обычно на наш участок просто так не переводят.

— Не знаю…

— Не хочешь говорить?

— Нет, просто не знаю, что сказать.

Мэрфи помолчал, внимательно глядя на дорогу. И неожиданно добавил:

— Я не люблю, когда из людей, не разобравшись, что к чему, выпускают кровь. Особенно, если этим делом занимаются полицейские.

Он снова замолчал.

— Бывают ошибки… — осторожно сказала Льюис и тут же пожалела об этом.

— Это не было ошибкой. Они хладнокровно расстреляли двух человек только по подозрению в преступлении. Но подозревать можно и меня, и тебя — всех. Если очень захотеть. К тому же я уверен, что они не были виновны.

— И ты написал рапорт?

— Нет, я просто набил этим двум умникам морды.

— Понятно. Только у нас здесь такое творится, что тебе, пожалуй, каждый день придется заниматься мордобоем. Однако отсюда тебя уже некуда будет переводить. Мы в самом центре ада.

— А что, здесь вся полиция такая?

— Да нет, здесь скорее преступники такие. Иногда непонятно, кто за кем охотится — мы за ними или они за нами. Наркоманы, воры, бродяги… Все ходят кучами, все орут, все угрожают. И далеко не всегда знаешь, с какой стороны ждать выстрела. Они уже отправили на тот свет столько полицейских, что теперь очередь в рай, наверное, растягивается не на одну милю.

Мэрфи ничего не ответил.

Льюис вздохнула и направилась в полицейский участок. Но воспоминания цепко ухватились за сознание и не хотели отпускать его…

Неожиданно по рации сообщили, что на Патнэм-стрит совершено ограбление магазина.

— Это далеко? — спросил Мэрфи.

— Нет, два квартала отсюда. На этом перекрестке поверни налево.

Машина полетела на полной скорости.

Льюис приготовила оружие и посмотрела на Мэрфи. Его лицо излучало спокойствие.

Когда машина резко затормозила у магазина, от него во все стороны разбегались люди. Затем в дверях показался молодой парень. Одной рукой он держал за локоть девушку, а другой приставил к ее виску пистолет.

— Я убью ее! Уйдите все! Я убью ее! Все уходите!

— кричал он.

Следом за ним в дверях показался парень еще моложе, лет восемнадцати. В руках он держал мешок, очевидно с деньгами. Увидя полицейскую машину, он пришел в замешательство.

— Быстрей же! — закричал ему тот, что постарше.

— Давай!

Парень с мешком бросился к «бьюику», который стоял возле магазина, и завел его.

— Слышите, я убью ее, если кто-нибудь двинется с места! — орал грабитель с пистолетом.

Он боком направлялся к своей машине, все время оглядываясь по сторонам.

Неожиданно он обо что-то споткнулся и полетел на землю. Тут же прозвучал выстрел Льюис, и парень заорал, хватаясь за раненную руку.

Девушка-заложница с криком бросилась от него.

Второй грабитель тут же нажал на газ, и «бьюик» рванул с места.

— Быстрее! За ним! — закричала Льюис, и хотела сесть за руль, но Мэрфи обогнал ее.

Полицейская машина чуть не взлетела в небо, будто у нее выросли крылья.

— Не уйдет, — совершенно спокойно сказал Мэрфи. — Никуда он не денется, сопляк.

— Ты плохо знаешь этот район, — возразила Льюис. — Здесь орудует банда Плашера, и если этот сопляк заманит нас на какую-нибудь глухую улочку, это может для нас обоих добром не кончиться.

— Тогда держись!

Мэрфи включил последнюю скорость и начал обгонять «бьюик».

— Что ты придумал? — с тревогой в голосе спросила его Льюис.

— Сейчас увидишь. «Бьюик» остался далеко позади.

— Ты спятил с ума! Мы же потеряем его! — закричала Льюис и оглянулась.

«Бьюик» маячил сзади. Наверное, его водитель тоже растерялся, не понимая, что задумали полицейские.

— Держись покрепче! — руки Мэрфи словно приросли к рулю.

Машина резко затормозила и развернулась на сто восемьдесят градусов. Быстро набирая скорость и виляя из стороны в сторону, она помчалась обратно, навстречу грабителю.

— Ты что, мы же разобьемся! — закричала Льюис. — Сумасшедший!

Машины сближались с невероятной скоростью. Казалось, избежать столкновения уже невозможно. Но неожиданно «бьюик» резко затормозил. Следом нажал на тормоза и Мэрфи.

— Ну, у тебя и выдержка! — сказала Льюис.

— Это у него нервы ни к черту, — улыбнулся Мэрфи.

* * *

Джуди Пол, секретарша полицейского инспектора западного района города Детройта Джонсона, брюнетка с восхитительной фигурой и весьма уверенными манерами, подняла глаза на вошедшего шефа службы безопасности Флата.

— Рада видеть вас, мистер Флат, — сказала она, ослепительно улыбаясь. — Проходите, шеф ждет вас.

— Вы прекрасны как всегда, но сегодня — особенно, — Флат улыбнулся ей в ответ.

— Мне часто приходится слышать это, но, тем не менее, благодарю, — сказала она, потупив глаза. — Идите, мистер Флат, не следует заставлять шефа ждать.

С этими словами она принялась энергично печатать на машинке.

Флат подошел к ней поближе. С минуту помолчав, он снова обратился к ней:

— Мне совершенно нечего делать сегодня вечером. Что вы думаете о совместном ужине? Вас это интересует?

— Я предпочитаю свою собственную кухню, — ответила девушка, на секунду прервав работу. — Еще раз благодарю вас.

Машинка застрекотала в прежнем темпе.

— Ну, кто не рискует, тот не пьет шампанское, — сказал Флат, направляясь к двери. — Что ж, может быть, как-нибудь в другой раз…

— Да, возможно.

Флат постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, вошел в просторный кабинет Джонсона.

Инспектор был погружен в изучение каких-то документов, грудой лежащих на столе.

Он мельком взглянул на вошедшего, указал рукой на кресло и снова принялся за чтение.

Флат молча сел, положил руки на подлокотники кресла и принялся терпеливо ждать.

Несколько минут спустя Джонсон подписал несколько документов, отодвинул бумаги, наклонился вперед и улыбнулся шефу службы безопасности:

— Рад тебя видеть, Флат. Как твои дела? — доброжелательно спросил он.

— Да так, ничего особенного… Завтра получите мой отчет, — ответил тот.

— Флат, через час состоится экстренное совещание у президента корпорации «Оу-Си-Пи» Блэка, — хмуро выдавил Джонсон.

— Я готов, — ответил Флат. Они встали и вышли из кабинета.

Лицо Джонсона было озабоченным. Он не любил экстренных совещаний у Блэка и сейчас чувствовал, что ничего хорошего эта встреча ему не принесет.

Они сели в машину и через несколько минут подъезжали к зданию корпорации.

Перед входом стояло несколько жителей города, которые пришли сюда в поисках защиты своих прав и с надеждой на улучшение положения.

Агенты полиции в штатском, поставленные перед входом, спрашивали посетителей о цели прихода и разъясняли затем, что с подобными просьбами им следует обращаться в сенат, а не в корпорацию, ибо эти просьбы относятся к разряду тех, которые не подлежат рассмотрению в корпорации.

Более рьяных искателей справедливости ожидали аресты…

Пройдя по лабиринтам коридоров, Джонсон и Флат вошли в кабинет президента корпорации Блэка.

Кабинет был огромный, а мебели мало: полукруглый стол, вокруг него — стулья, экран видеотелефона, дисплей, компьютер.

В кабинете уже сидело несколько человек.

Они прошли, сели и посмотрели на сидевшего во главе стола короля корпорации.

Блэк был шикарно одет. На нем был белый костюм, ботинки из оленьей кожи. На запястье красовался массивный золотой браслет. Толстое лицо Блэка было с надменно-брезгливым выражением, присущим только тем, кто обладает богатством и властью.

Безжалостный повелитель. Ему было не больше сорока. Смуглое лицо, злые сверкающие глаза…

Блэк важно кивнул, постучал сигаретой о край стола и не спеша поднес ее ко рту. Со всех сторон к нему потянулись зажигалки. Он выбрал одну, не поднимая глаз, снова кивнул и глубоко затянулся.

Зазвонил видеотелефон.

Блэк ждал этого звонка. Он нажал кнопку, надел наушники. На экране появилось лицо президента Всемирной компании Конамицу. Он что-то долго говорил Блэку по-японски. Блэк внимательно слушал перевод.

— Мистер Конамицу, — заговорил наконец Блэк. — Я понимаю, что у нас есть определенные проблемы, но я даю вам

слово джентльмена: все, что в человеческих силах, будет сделано для выполнения нашей программы.

Морщинистое лицо Конамицу чуть тронула сдержанная, легкая улыбка.

Президенту Всемирной компании исполнилось шестьдесят пять лет. Он был маленьким и тщедушным, а его морщинистое лицо цветом походило на старый пергамент, но быстрые черные глаза глядели по-юношески пронзительно.

Обладая невероятной амбициозностью, он все еще надеялся сесть когда-нибудь в сенаторское кресло. Свою карьеру в компании он начал простым служащим, но выгоду из этого сумел извлечь огромную. В награду за особые услуги, оказанные во время войны, ему для начала поручили пост администратора в управлении. Сейчас, когда он стал главой, его компания процветала.

Блэк выключил видеотелефон. Экран погас.

— Господа! — обратился Блэк к присутствующим. — Вы, конечно, понимаете, что у нашей корпорации сейчас переходный период. Это является результатом происходящих событий.

Наш председатель, я говорю о бывшем председателе, если вы помните, был одержим одной-единственной мечтой — он хотел построить Дельта-Сити.

Блэк сделал паузу, подошел к другому экрану и нажал кнопку. На экране высветился макет предполагаемого города.

Инспектор Джонсон громко зааплодировал, вскочив с места.

Его никто не поддержал.

— Ни к чему это, Джонсон, — оборвал его Блэк. Джонсон смутился, сел.

— Величайший город Детройт был избран местом строительства Дельта-Сити. Но, как оказалось, появилась одна маленькая проблема — детройтцы устроили военную зону на улицах, они сопротивляются.

— Сэр… — Джонсон запнулся. — Сопротивление сломлено. За исключением совершенно незначительных, слабых и мелких групп сопротивления…

— Ах, маленьких групп сопротивления?! — голос Блэка перешел на визг. — Джонсон! Так почему же вы до сих пор никак не можете справиться с ними, а?

Блэк трясся от гнева. Он наклонился вперед и спросил:

— А что скажете вы, Флат? Вы возглавляете службу безопасности, но куда уходят средства, которых вы с каждым годом требуете все больше и больше?

— Видите ли, сэр, — начал медленно Флат. — Я хотел бы заверить вас, что этой проблемой занимаюсь лично я сам.

— Вот именно лично, повторяю — лично!

Джонсон и Флат сидели, опустив головы.

— Господа! — обратился Блэк ко всем присутствующим. — Выселение жителей из района Кадиллак-Хайц становится проблемой. А когда передо мной встает проблема, я делаю одно из двух — или разрешаю ее, или ликвидирую. И, заметьте, не трачу ни на то, ни на другое много времени и денег. Если я не могу использовать вверенных мне людей, они становятся ненужными мне, и я их ликвидирую.

Он обвел глазами присутствующих. Перед ним сидели властелины большого бизнеса. Блэк злорадно усмехнулся при виде растерянно уставившихся на него со всех сторон лиц.

— Надеюсь, я выражаюсь более, чем ясно? Если вы не сможете справиться с этими незначительными группками сопротивления, я справлюсь с вами. Вы не просто потеряете надежного компаньона, а вылетите из корпорации к чертовой матери!

Глаза его сузились, голос стал ледяным. Он ткнул большим пальцем в сторону двери. Присутствующее тихо, по одному покинули кабинет.

Остался только шеф реабилитационной группы Пол Магдэгар.

— А если я не хочу, чтобы в моей команде работал робот? — спросил он.

— У нас осталось четыре дня, Магдэгар! — закричал Блэк. — Район Кадиллак-Хайц должен быть очищен в пятницу к полуночи, иначе нам… иначе наша компания разорится, развалится!

Магдэгар поднял ладони вверх.

— Хорошо, мы договорились, — сказал он. — Я выполню свое обещание.

Он резко повернулся и пошел к двери, но вдруг остановился:

— Кстати. Если вы только что поняли, что граница между большим бизнесом и войной столь обильно поливается кровью, то я не понимаю, как вы могли достигнуть такого высокого поста в вашей компании.

Он скрылся за дверью.

* * *

Льюис толкнула входную дверь полицейского участка, медленно прошла по длинному коридору и наконец оказалась в дежурной части.

— Ну как, все в порядке? — спросил сержант Гриттен,

темнокожий здоровяк, попивая горячий кофе из маленькой чашечки.

— Да, хорошо попарились.

— А где же твой дружок?

— Мэрфи?

— Ну-да.

— В операционной… То есть, он в лаборатории, — поправилась Льюис, — на обследовании.

— Что, досталось ему?

— Да уж.

— Кофе хочешь?

— Нет, спасибо.

Сержант Гриттен подошел поближе к Льюис и негромко сказал:

— Я слышал, что твоим дружком начальство не очень довольно.

— Это еще почему?

— Говорят, совестливый очень, — широко улыбнулся Гриттен.

— Не шути.

— А я и не шучу. Не знаю, чем он там думает, микросхемами или мозгами, но он становится уж больно справедливым, понимаешь?

— Понимаю. Ну и что?

— Лично я против этого ничего не имею.

— Спасибо.

— Но начальство считает, что он со своим повышенным чувством справедливости однажды может направить оружие не в ту сторону. А ты понимаешь, какой огневой мощью мы его обеспечили?!

— Но если возникло такое опасение, значит появилось и подозрение, что мы заслуживаем такой участи. Ведь так? Или я не права?

— Ну, по мне, так все мы страшные грешники.

Лицо сержанта приняло такой мученический вид, будто ему пришла пора расплачиваться за все свои грехи. Он тяжело вздохнул и сделал большой глоток кофе.

— Ты, кажется, хотел предложить мне кофе? — неожиданно сменила тему разговора Льюис.

— Да.

— Тогда предложи еще раз, если можно.

— С удовольствием.

Льюис опустилась в жесткое кресло за длинным столом, заваленным различным бумагами.

Она снова вспомнила о Мэрфи. Нет, не о роботе-полицейском, а о своем бывшем напарнике сержанте Мэрфи.

У него тоже было обостренное чувство справедливости.

Как-то вечером после дежурства, переодевшись, они зашли немного отдохнуть в небольшой уютный бар. Такие минуты выпадали у них довольно редко. Было необычайно приятно сидеть за столиком, ни о чем не думать и потягивать через соломинку холодный коктейль.

Впрочем, Мэрфи всегда предпочитал коктейлю виски, чем совершенно не отличался от всех остальных мужчин, с которыми была знакома Льюис.

Играла приятная легкая музыка. Бар утопал в полутьме. Проворный бармен быстро и в то же время каждым движением подчеркивая свое достоинство, скользил по бару, с полуслова угадывая любое желание посетителей.

Льюис обратила внимание, что Мэрфи все время куда-то смотрит. Судя по выражению его лица, что-то его сильно раздражало.

Льюис обернулась, пытаясь понять, что же так взволновало Мэрфи.

У нее за спиной, через столик, находилось несколько человек, очевидно, отмечавших какое-то событие. Куча бутылок, которыми был заставлен почти весь столик, было тому подтверждением.

Один из этой компании, высокий мужчина лет сорока, в расстегнутом белом пиджаке и белой рубашке, с которой не очень гармонировал его красный галстук, склонившись над молоденькой испуганной девушкой, одной рукой держа ее за шею, а другой тыча ей в самое лицо бокалом с вином, шипел недовольным голосом:

— Я же сказал, ты должна это выпить!

— Но я не хочу, — сопротивлялась девушка. — Я не хочу пить.

— Ты не должна так говорить, детка, — мычал мужчина в красном галстуке.

— Не должна! — помогали ему напарники.

Их было двое. Один толстый, с двойным подбородком мужчина, который подзаправился уже достаточно, чтобы, почти не черта не видя перед собой, угодливо повторять за другом все его слова.

Второй был, кажется, более трезвый, на лице его лежала мрачная маска, а глаза жадно скользили по всему телу молодой девушки.

— Разве интеллигентные люди говорят «не хочу»?

— Да она просто хочет оскорбить нас!

— По-моему, она оскорбила нас, и ей надо как-то загладить свою вину.

Бокал коснулся губ девушки. У нее не было сил сопротивляться. Она закрыла глаза.

Мэрфи резко встал из-за своего столика и направился к этой компании.

— Послушайте, — спокойно, но твердо сказал он, — разве вы не видите, что девочка не хочет пить это паршивое вино?

— Что ты говоришь? — состроил удивленную рожу мужчина в красном галстуке.

Он поставил бокал на столик и уставился на Мэрфи, будто перед ним появилось привидение.

— По-моему, парень ошибся адресом, — сразу же протрезвел толстяк. — Ты ведь туалет искал, да? Я вижу, что у тебя штаны мокрые.

— Я сказал, оставьте девушку в покое, — угрожающе произнес Мэрфи.

— А может, она моя жена, — сказал мужчина в красном галстуке. — Крошка, ведь ты моя жена, да? Ха-ха-ха, — зашелся он смехом. — Друзья, у меня появилась молодая жена. За это надо выпить. Ладно, парень, — обратился он к Мэрфи, — мы не обижаемся на тебя. Давай-ка, выпей с нами, у тебя сегодня плохое настроение. Эй, там, принесите еще один бокал и бутылочку виски.

— Я в последний раз предупреждаю, оставьте девушку в покое!

— Слушай, ты, благодетель! — взорвался мрачный мужчина. — А ну-ка проваливай отсюда, пока мы тебе все кости не переломали!

Он поднялся из-за столика и медленно направился в сторону Мэрфи.

— Запомни этот вечер, подонок, начиная с него и до конца своих дней ты будешь работать на лекарства, если только выберешься отсюда живым.

Он замахнулся и направил свой кулак в лицо Мэрфи, но тот увернулся и тут же ударил нападавшего в челюсть. Тот отлетел в сторону. Его напарники повскакивали с мест и бросились на сержанта. Испуганная девушка закрыла лицо руками и помчалась к выходу.

Мэрфи, не дожидаясь нападения, ударил толстяка в морду, а второго схватил за галстук и со всей силы толкнул в проход между столиками.

В это время подскочил мрачный мужчина и, сжав кулаки, пошел на сержанта. Но не успел он сделать и нескольких шагов,

как получил сильный удар ногой в живот и задом отправился на свое место на полу.

Льюис подошла к Мэрфи и положила ему руку на плечо.

— Пойдем отсюда, а то ты еще убьешь кого-нибудь случайно, потом будем расхлебывать целую неделю.

Но тут сзади к ним подошел мужчина в красном галстуке и, сжав кулаки, бросил Льюис:

— Эй ты, сучка, отойди в сторонку, нам надо побеседовать с приятелем.

Льюис сморщилась от неприязни к этому непонятливому джентльмену и повернувшись, вдруг неожиданно сильно ударила его ногой в живот.

— О-о! — заревел мужчина в красном галстуке, жадно хватая ртом воздух. — Ну, ты даешь!

И грохнулся на пол.

Они неторопливо направились на улицу. У входа стояла, прижавшись к стене, та самая девушка, из-за которой началась драка.

— Спасибо вам, — сказала она, вытирая ладонями мокрые от слез глаза.

— А чего же ты теперь хнычешь? — удивленно спросил Мэрфи.

— Не знаю, — сказала девушка и улыбнулась.

— А ты где живешь?

— Здесь совсем рядом, вон в том доме, — показала она рукой.

— Не побоишься добираться?

— Нет, что вы, — снова улыбнулась девушка и, не сказав больше ни слова, легкой походкой стала удаляться от них в сторону своего дома.

— Ну, вот, одну проводить не удалось, — притворно вздохнул Мэрфи. — Если еще и ты откажешь…

— Конечно, меня не очень устраивает роль второй женщины в твоих глазах, но у меня сегодня хорошее настроение, и я разрешаю тебе немножко пройтись рядом со мной.

— Большое спасибо, ты сегодня очень добра ко мне, — отзываясь на ее шутку, произнес Мэрфи.

Они направились вверх по быстро пустеющей вечерней улице.

— Сегодня отличный вечер, — сказала Льюис, — не правда ли?

— Да, — согласился Мэрфи, — я думаю, те ублюдки тоже его надолго запомнят.

— Да нет, — засмеялась девушка, — я имела в виду погоду.

— Ну, я и говорю: отличная погода: небо, звезды, луна.

— Ну, луны как раз и нету.

— Черт, и в самом деле! Вечно она куда-нибудь девается!

Они миновали несколько небольших домов. В окнах уже горел свет. Возвратившись с работы, люди занимались своими обычными делами: ужинали, смотрели телевизор, читали свежие газеты. Все повторялось. Все, что было вчера, позавчера, месяц, год, десять лет назад. И завтра будет то же самое: завтрак, работа, ужин, телевизор, газеты. Казалось, человек только и создан для этого однообразия, и жизнь его течет по какому-то заколдованному кругу, течет незаметно, и лишь появление морщин на лице, частая усталость да различные болезни доказывают то, что она не стоит на месте.

— Ну, вот, — неожиданно сказала Льюис, — мы пришли к моему дому.

— А дома, конечно, сердитый муж ждет не дождется, когда же появится его очаровательная жена.

— Нет, не ждет.

— А, понимаю, он настолько старый, что ему уже все равно, где и с кем его жена проводит вечера.

— Нет, опять не угадал.

— Понимаю. Бог его обидел вкусом. И вместо фотографии жены он держит на своем столике портрет какого-нибудь диснеевского чудовища.

— Нет, не держит.

— Все равно он с приветом, — сделал заключение Мэрфи.

— Да нет же, у меня просто нет никакого мужа, — засмеялась Льюис.

— Вот как?! Да… Представляешь, так хочется… Значит, целый вечер только… Вот… как-то…

— Я так поняла, ты напрашиваешься на чашечку горячего кофе?

— Совершенно верно. Ты просто телепат.

Льюис улыбнулась и ничего не ответила. Они поднялись на лифте на шестой этаж. Льюис открыла дверь своей квартиры и зажгла в прихожей свет.

— Проходи. Чувствуй себя как дома.

Она провела его в большую комнату и зажгла свет.

— Располагайся. Кофе скоро будет. Я сейчас.

Она скрылась за дверью, а Мэрфи принялся рассматривать комнату.

Возле одной стены, почти полностью завешенной большим ковром, стоял красивый диван. Противоположная стена пряталась за книжным шкафом старинной работы. Посреди комнаты находился кофейный столик с бронзовой статуэткой на нем. В

углу стояло большое кресло с торшером над ним. В противоположном углу на маленьком столике расположился телевизор. Рядом стояло еще одно кресло.

Льюис появилась через несколько минут в длинном белоснежном платье. В руках она держала поднос с кофе.

— А вот и я, — немного смущаясь, произнесла Льюис, и поставила чашки на столик.

Цель была достигнута. Мэрфи смотрел на нее, не в силах оторвать взгляда.

— Ты просто великолепна, — восхищенно сказал он наконец.

— Да нет, это просто платье… Ведь ты видел меня уже не один раз, однако подобные мысли тебе почему-то в голову раньше не приходили.

— Ну, это не совсем так…

— Разве?

— Точнее, это совсем не так.

— Даже если это обыкновенный комплимент, мне все равно приятно. Давай пить кофе, пока не остыл.

— У тебя неплохая библиотека, — сказал Мэрфи, когда они сделали по несколько глотков.

— Это от отца осталось. Он любил книги. И даже сам пробовал кое-что сочинять.

— Неужели?

— Да. У него даже книжка вышла, небольшая, правда. Сейчас я тебе ее покажу.

Она поднялась с кресла, подошла к книжному шкафу и достала оттуда книгу своего отца — действительно, небольшого формата.

— Вот, «Звонок ниоткуда». Хорошее название, правда? Интригующее.

— Да, — согласился Мэрфи. — Это что, детектив?

— Там все — и детектив, и мистика.

— Странно, но ведь в его библиотеке одни серьезные книги: Драйзер, Диккенс, Фолкнер…

— Отец любил хорошую литературу. Но он считал, что все главное, что можно было сказать о человечестве, писатели уже сказали. А детективы, фантастика… Это так, развлечение и для писателя, и для читателей.

— Наверное, он получил за нее огромный гонорар? Я слышал, писатели — очень богатые люди.

— Да нет, чтобы зарабатывать на детективах большие деньги, надо сначала сделать себе имя. А отец был только начинающим писателем. Хотя его книга и не задерживалась на книжных прилавках.

— А почему ты о нем все время говоришь в прошедшем времени?

Лицо Льюис сразу сделалось грустным.

— Потому что его уже десять лет нет в живых, — негромко сказала она.

— Извини.

— Понимаешь, — продолжила Льюис, — он считал, что лучший сюжет тот, который взят из жизни, а не придуманный за письменным столом. И чтобы писать о полицейских, необходимо самому хотя бы чуточку быть в душе полицейским.

— Твой отец служил в полиции?

— Нет, но когда в соседней квартире произошло убийство, отец решил сам расследовать его. К тому же они с Джорджем Эндикоттом, нашим соседом, которого убили в собственной квартире, были хорошими приятелями.

Льюис замолчала. Она очень любила своего отца, и воспоминания о нем всегда приносили ей страдания.

— Он нашел убийцу? — спросил Мэрфи.

— Мы с отцом дружили, и он всегда мне рассказывал о своих делах. Однажды вечером он возвратился домой очень довольный, зашел в мою комнату и прошептал мне, чтобы не слышали мать с братом: «Я все понял!»

«Что ты понял?» — спросила я.

«Я понял мотив этого преступления!»

«Но ведь полиция уже давно сказала, что Джорджа

убили из-за денег и драгоценностей! Ведь из квартиры вынесли все золотые вещи, которые он коллекционировал!»

«Это полиция так решила. И преступники, точнее, один преступник, а в том, что он был именно один, я нисколько не сомневаюсь… Так вот, и преступник тоже очень рассчитывал на то, что полиция примет эту историю за обыкновенное ограбление с убийством».

«Но разве это не так?»

«Дело в том, что у Джорджа было не так уж и много драгоценностей. Потом, о них ведь почти никто не знал. Ну, я, само собой разумеется. И родственники. А вот это очень интересный факт».

«Ты думаешь, что его убили родственники… из-за коллекции золотых изделий?» — удивилась я.

«Ну при чем здесь эта коллекция?! Ведь у него было большое состояние, недвижимость в Мирамаре. Целый особняк, да какой! Однако все это еще необходимо доказать. А чтобы доказать — нужны факты. А факты… А с фактами не так-то все просто».

Льюис замолчала. Потом, взглянув в пустые чашки, спросила:

— Может, еще кофе?

— Нет, спасибо, — ответил Мэрфи. — И что же было дальше?

— Дальше? — переспросила Льюис. — А дальше отца обнаружили поздно вечером мертвым на мостовой. Как нам объяснили в полиции, его сбил автомобиль. И что отец был пьян. Странно. Отец ведь не пил. Никогда.

Льюис поднялась с кресла.

— Вот так и закончилась эта история, — печально сказала она.

— И что, машину, которая сбила твоего отца, так и не нашли? — спросил Мэрфи.

— Нет, — ответила Льюис. — Да ты и сам прекрасно знаешь, что творится в нашем районе. А тут всего лишь наезд на пешехода. Всего лишь…

— А мать? — осторожно спросил Мэрфи и тоже поднялся со своего места.

— А мать умерла. От рака. Через пять лет после смерти отца.

Было уже поздно. Стрелки часов приближались к двенадцати.

Мэрфи подошел сзади к Льюис и осторожно положил ей на плечи руки.

— Льюис, — позвал он.

— Да?

— Ты не представляешь, как мне сейчас хорошо с тобой.

Она промолчала и коснулась щекой его руки.

— А вот и кофе, — оторвал ее от воспоминаний сержант Гриттен.

— О, спасибо.

Льюис взяла чашечку и сделала маленький глоток. Кофе был отличный. Сержант Гриттен знал какой-то особый способ его приготовления, чем и прославился на весь полицейский участок.

— А что с твоим настроением? — спросил сержант.

— Да нет, все нормально, — улыбнулась Льюис и неожиданно подмигнула Гриттену.

— Вот это другое дело, — просиял тот. — И вообще, зачем такая очаровательная девушка пошла в полицию?

— По стопам своего отца, — серьезно ответила Льюис. — Семейная традиция.

— А разве твой отец был полицейским? — удивленно спросил сержант.

— Нет, не был, — так же серьезно ответила Льюис. Гриттен недоуменно пожал плечами, но не решился продолжать расспросы.

Льюис допила кофе и поставила чашечку на стол.

— Спасибо, Джеффри, — сказала она, направляясь к выходу.

— Ты куда? — бросил ей вдогонку сержант, отрываясь от каких-то бумаг.

— В лабораторию, к Мэрфи.

— Передавай ему привет от меня. Пусть быстрее поправляется.

— Хорошо, передам.

Льюис исчезла за дверью.

* * *

Доктор Лазарес старательно изучала показания приборов. Особой необходимости в этом не было — о любых нарушениях тот час же сообщал компьютер — голосом или напрямую входя в сознание человека.

Лаборатория Лазарес была заполнена всевозможными дисплеями, индикаторами, минироботами, электронно-вычислительными машинами.

Она нажимала различные кнопки, включающие лампочки на панелях. Продолжая оперировать абстрактными категориями и расшифровывать возникавшие в сознании образы, доктор Лазарес набирала на клавиатуре запрос об общем состоянии Робокопа.

Компьютер сообщил об отсутствии неисправностей.

Перед ней, словно на чертеже, развернулись внутренности Робокопа: мини-ЭВМ, устройство связи, преобразователи, блок управления…

Мэрфи сидел неподвижно, положив руки на колени и углубившись в свои мысли.

Доктор Лазарес отключила экран: Мэрфи был спокоен, его мозг работал нормально.

— Как ты себя чувствуешь, Мэрфи? — спросила она.

— Бывает и получше, — пошутил робот.

— Ну, ты знаешь не хуже меня, что если бы на твоем месте был человек, я бы уже вызывала родных и близких.

— У меня не очень много друзей, а близких и родных вовсе нет.

Вдруг Мэри заметила в лаборатории еще одного человека. Заработавшись, она и не заметила, как он вошел. Это был Рональд Флат. Она внимательно посмотрела на него.

Лицо его было неприятным — недобрые глаза и поджатые губы. К тому же, сразу было заметно, что Флат чем-то взбешен.

* * *

Неожиданно доктор Лазарес почувствовала страшную усталость. Она и так измоталась за день, а тут еще этот Флат. Чтоб он провалился куда-нибудь! Маячит перед глазами, как неприкаянный…

И вдруг в ее памяти почему-то начали всплывать эпизоды ее жизни, связанные с этим пронырой. Этого еще только не хватало, прямо наваждение какое-то!

Флат работал тогда руководителем лаборатории научных исследований. Как ученый-исследователь, он никак не проявил себя, зато выказывал живой интерес к хорошенькой Мэри Лазарес, а однажды даже сделал ей предложение.

Мысленно Мэри окинула свое прошлое и убедилась, что оно накрепко сплелось с образом вездесущего Флата.

Тогда она была еще совсем молоденькой девчонкой, безумно влюбленной в науку, жаждавшей проводить всевозможные научные эксперименты.

В лаборатории, куда она попала после окончания университета, усердно занимались изучением человеческого мозга, возможностью его пересадки, и Мэри сразу же с удовольствием окунулась в эту необыкновенно интересную проблему.

Однажды вечером, когда она, немного задержавшись на работе, уже закрывала на ключ дверь лаборатории, мимо проходил незнакомый ей молодой человек.

Поровнявшись с ней, он неожиданно остановился и спросил:

— Вам помочь?

— Нет, спасибо, — ответила Мэри, хотя была не в силах повернуть этот проклятый ключ.

— Но у вас, кажется, проблема? — постояв немного возле нее, с улыбкой произнес парень.

— Кажется, да, — сдалась Мэри и впервые с интересом посмотрела на своего собеседника.

Незнакомец подошел к двери и, осторожно повернув ключ сначала влево, потом вправо, неожиданно легко закрыл дверь на замок.

— Вот и вся проблема, — снова улыбнулся он и протянул Мэри ключ.

— Спасибо.

— Рональд.

— Что? — не поняла Мэри.

— Меня зовут Рональд. Рональд Флат.

— Мэри Лазарес, — представилась она и покраснела. Она первый раз в жизни вот так просто знакомилась с мужчиной.

— Рабочий день уже давно закончился, — сказал Рональд,

шагая рядом с ней по коридору.

— Да, я немного задержалась.

— Кстати, я могу вас подбросить до дома.

— Нет, что вы, мне недалеко.

— Тем более.

Они вышли на улицу. У здания на площадке для машин одиноко стоял серый «роллс-ройс» последней модели.

— Прошу, — пригласил Флат, открывая дверцу машины.

Когда они подъехали к ее дому, он сказал, пряча на лице довольную улыбку:

— Да, чуть не забыл, ведь я новый руководитель вашей лаборатории…

На следующий день утром он зашел в лабораторию, представился сотрудникам и таинственно подмигнул ей. Правда, этим тогда все и ограничилось.

Через неделю они встретились в лифте, а на следующем этаже двое рабочих втащили в него огромный компьютер, который занял почти половину площадки.

Флат придвинулся поближе к ней, касаясь лицом ее волос. Так они молча и ехали, пропустив нужный этаж.

А еще через неделю он пригласил Мэри в ресторан.

Она почему-то очень волновалась. Может, потому, что ее еще никогда не приглашали в ресторан, а может потому, что Флат ей начинал нравиться.

Мэри надела свое самое нарядное платье и целый час провела у зеркала. Впрочем, так и осталась не совсем довольна собой.

Ресторан назывался «Черный принц». От других заведений подобного типа он отличался тем, что здесь готовили национальные блюда чуть ли не всех народов мира. Плюс ко всему, в ресторане имелись и свои

фирменные блюда, которыми он славился на весь город.

Она заказали яйца, фаршированные грибами, котлеты из ягненка и блюдо, которое имело таинственное название «сердце привидения». Из напитков они взяли «Мартини» и «Амаретто».

«Сердце привидения» по форме действительно напоминало сердечко, а по вкусу нельзя было разобрать, из чего оно приготовлено — Чем не привидение?

— Жаль, что здесь не подают что-нибудь вроде «мозга дьявола», для нас это более актуальное название, — пошутил Флат. — К тому же интересно было бы попробовать на вкус то, чем мы занимаемся.

Мэри ничего не сказала, лишь улыбнулась краешком рта — она все еще немножко волновалась.

Однако уже после первых глотков «Амаретто» ей стало легко и весело. Она с удовольствием ела и непринужденно болтала с Флатом.

— Что? Да, очень вкусно… Налей, только немножко… да, достаточно…

Флат довольно улыбался.

— Вся наша жизнь — это гонка, бесконечная гонка: за деньгами, за престижной работой, — глядя куда-то сквозь Мэри захмелевшими глазами говорил он. — И чем больше мы имеем, тем больше нам хочется. Гонка, гонка без начала и конца. В принципе, остановиться можно. Но тогда начинают исчезать и деньги, и престижная работа.

— Да, — соглашалась Мэри, совершенно не понимая, о чем он говорит.

— А еще наша жизнь — это борьба за выживание. Если не я тебя съем, то ты меня. Другого просто не дано. Это доказано всей историей человечества. А против истории не попрешь, как это ни горько порой осознавать.

Принесли корзинку с фруктами.

— Однако, что это я о грустном, — словно очнулся Флат. — Давай поговорим о чем-нибудь приятном. Давай поговорим о нас с тобой.

— Давай, — согласилась Мэри. — Я очень рада, что мы встретились.

— Я тоже тогда сразу обратил на тебя внимание. Помнишь, когда ты не могла дверь закрыть?

Мэри счастливо улыбнулась.

«Роллс-ройс» мчался по вечерним улицам города. Шел небольшой теплый летний дождь, и мокрый асфальт блестел, отражая свет фонарей.

Вокруг было пустынно. Лишь изредка блеснет фарами встречная машина, или покажется на тротуаре поздний прохожий, прячась от дождя под зонтиком. — Но ведь мы едем не в ту сторону, — сказала Мэри, всматриваясь в полутемные улицы.

— Сегодня все дороги наши, в какую бы сторону мы с тобой ни ехали, — рассмеялся Флат.

Он пропустил ее вперед и, закрыв на замок входную дверь, включил в прихожей свет.

— Вот мы и дома.

— У тебя большая квартира, — заметила Мэри.

— Ну, я бы предпочел иметь еще больше. А лучше — свой особняк.

— И ты что, один здесь живешь?

— В общем, да.

— И кто же следит за порядком? Неужели все сам?

— Ну, у меня ведь тоже руки есть.

Флат достал из шкафа, встроенного в стену, небольшую бутылку и два бокала.

— Это всего лишь сок. Апельсиновый. За нашу встречу в этом доме.

У Мэри кружилась голова, и когда он легонько подтолкнул ее к широкой кровати, которая занимала чуть ли не полкомнаты, она почувствовала в этом даже какое-то спасение для себя. Все расплывалось перед ее глазами, и она закрыла их, проваливаясь в черную успокаивающую бездну.

На следующий день рано утром он привез Мэри к ее дому, махнув на прощание рукой, и тут же уехал. Она была немного обескуражена его поведением, так как рассчитывала, что они вместе поедут на работу. Неторопливо поднялась по лестнице на пятый этаж, хотя можно было воспользоваться лифтом, вошла в свою маленькую квартирку, так же неторопливо переоделась, хотя понимала, что опаздывает в лабораторию.

Целый день она пыталась встретиться с ним взглядом, но он, будто нарочно, не замечал ее, слишком громко разговаривая и хохоча по любому пустяку с другими женщинами. Она обиделась, решила разговаривать с ним только как с руководителем лаборатории, да и то, когда в этом была острая необходимость. Но когда через неделю он снова пригласил ее в ресторан, она не выдержала и согласилась.

Но чем больше она его узнавала, тем меньше он ей нравился. И когда он однажды прямо в коридоре их учреждения сделал ей предложение, она пожала плечами и, не проронив ни слова, пошла прочь. Это его страшно взбесило, но тут судьба их развела. Мэри Лазарес направили в другую секретную лабораторию, где шла работа по созданию робота-полицейского.

Правда, вскоре они опять встретились; Флат предстал перед ней в образе шефа службы безопасности. Но прежние взаимоотношения возобновить было уже невозможно…

* * *

— Доктор Лазарес, — позвал Флат. — Вы не хотите рассказать мне, что произошло?

Лазарес отошла от Мэрфи, помыла руки, вытерла их полотенцем и взглянула на Флата.

— Ничего особенного. Просто его привезли сюда вчера на проверку, — ответила она, делая вид, что не понимает вопроса.

— Это я знаю, — сухо ответил Флат. — Меня интересует, что с ним. И вы понимаете, о чем я говорю! — Вдруг заорал он, даже не пытаясь скрыть своего раздражения. — Он не подчинился приказу, и я хочу знать, почему!

— Вы хотите знать мое мнение?

— Я хочу знать правду.

Мэри внимательно посмотрела на него. Его недобрые глаза сузились еще больше. Флат перехватил ее взгляд.

— Я слушаю. Мэри, села за стол.

— Я думаю, что единственной причиной является то, что он готов выполнять приказы, но только не те, с которыми не согласен, — сказала она, снимая очки. — Извините, он принял не такое уж плохое решение его друг был в большой опасности, и Мэрфи решил спасти его.

— Вы тут все рехнулись! У него не может быть никаких друзей! — заорал Флат.

Он подбежал к сидящему роботу и постучал по металлическому скафандру.

— Если «Оу-Си-Пи» хотела построить просто робота, то зачем ему дали человеческий разум? — закричала в ответ Мэри, но быстро взяла себя в руки.

— Там ничего человеческого не осталось, в этих мозгах, — гнул свою линию Флат.

— Мистер Флат, в этих мозгах осталось очень много человеческого, — спокойно возразила она. — Это не железка, а автономный организм, способный самостоятельно принимать любые решения.

— Хорошо, — согласился Флат. — А все эти годы исследований, тренировок, разве они ни к чему ни привели?

— Его эмоциональный багаж помешал этому.

— Эмоциональный багаж?.. — казалось, он не понимал, о чем идет речь.

— Да, — твердо сказала Мэри. — Какие-то кусочки памяти, обрывки прошлого остались у него…

— Ясно, — Флат дал понять, что не желает слушать ее объяснения. — Что ж, если это какие-то эмоции и обрывки памяти, то нужно избавиться от них. Надо стереть эти кусочки памяти, которые только мешают нам.

К ним подошел доктор Эндрюс. Он до сих пор не вступал в разговор, хотя зашел в кабинет в самый разгар перепалки, решив узнать, что случилось.

— Это возможно сделать, если включить дополнительную цепочку обратной связи в виде вот этой нейтронной схемы. Можете приступать.

— Выполняйте! — он бросил Мэри целлофановый пакетик с маленькой пластиной, который подал ему Эндрюс.

Мэри, подхватив пластину, с нескрываемой злостью посмотрела на Эндрюса, который поспешил удалиться, довольно улыбаясь и аккуратно прикрывая за собой дверь.

— И запомни, дорогая, мне наплевать, насколько ты умна, меня интересует только то, чтобы этот полицейский работал, как следует, — нравоучительно подчеркнул Флат.

— Я не новичок в лаборатории, так что прошу не давить на меня, — оборвала его Мэри.

— Вот и прекрасно. Мы хотим, чтобы он работал, и он будет работать. Он, как и ты, принадлежит компании «Оу-Си-Пи». Так что давай, будь добра, выполняй свои обязанности, не забывая об ответственности, — сказал на прощание Флат и, ухмыльнувшись, направился к выходу.

В дверях он едва не столкнулся с Льюис, которая зашла, чтобы посмотреть на Мэрфи.

Доктор Мэри Лазарес, посмотрев ему вслед, произнесла:

— Господи, неужели я когда-то была в него влюблена, подумать только!

В лабораторию снова вошел доктор Эндрюс:

— Мэри, дорогая, я могу сам заняться Мэрфи, — сказал он заискивающе улыбаясь.

— Нет-нет, благодарю, это несложно, я разберусь сама, — ответила Мэри. — У вас достаточно своих обязанностей, идите, вы свободны.

Доктор Лазарес подошла к Льюис, которая стояла рядом с Мэрфи, и с беспокойством посмотрела на экран, отражающий мысли робота. На экране то и дело возникали все новые и новые лица, какие-то эпизоды, обрывки фраз.

Мэрфи сидел неподвижно.

— Что у тебя творится в голове, Мэрфи?! — удивленно воскликнула она.

Льюис слышала конец разговора с Флатом, поэтому, повернувшись, она вопросительно посмотрела на Мэри.

Мэри дотронулась до ее плеча:

— Я бы хотела побыть одна, — тихо попросила она. Льюис, нахмурившись, вышла.

Доктор Лазарес села за стол, крепко сжав голову руками. Она достала из кармана пластину, покрутила ее в руках, затем достала из нижнего ящиха стола молоток и с яростью ударила по пластине. Все, что от нее осталось, Мэри аккуратно собрала и выбросила в урну.

* * *

Рано утром Берта Стивенсон со своими напарниками собиралась в дорогу.

— Вы слышали радио? — в который раз спрашивал дядюшка Симон. — Какие-то идиоты оказали сопротивление реабилитационной службе! Подумать только, им обещали новые квартиры, гигантские торговые центры, площади с фонтанами и памятниками, зоны отдыха… им обещали рай, а они устроили войну!

— Какую войну? — будто ничего не понимая, спросила Берта.

— Какую войну? Они стреляли в офицеров реабилитационной службы! Они взрывали бомбы! Это же преступники!

— Но…

— Молчи! А командовала ими, представьте себе, женщина! Я всегда говорил: там живут одни преступники. И с ними всеми надо поступать, как с преступниками. Как с преступниками! Никакой пощады!

— А ее нашли? — осторожно спросила Берта, заметно волнуясь.

— Кого?

— Ну, эту женщину.

— Нет, к сожалению. Говорят, она с приятелями укатила в каком-то желтом фургоне. Но, будь уверена, ее обязательно схватят. И ее дружков тоже.

— Может быть, — загадочно произнесла Берта.

— Что значит «может быть»? Я всегда говорил твоему отцу, что тебя плохо воспитывают. Никакого послушания! Ты лезла в любую драку, хуже голодного бездомного мальчишки. И в твоей голове эта дурь еще осталась.

— Дядюшка, но я всегда защищала тех, кто слабее, разве это плохо?

— Защищать должен закон. Иначе никогда не будет у нас порядка.

— Но ведь он не защищает!

— Молчи! Законы у нас… Конечно, их надо ужесточить, я всегда об этом говорил. Потому и развелось столько преступников!

Берта пожалела, что затеяла этот спор. Теперь надо было терпеливо ждать, пока дядюшка Симон не выговорится.

— Никакой пощады! — почти кричал старик. — Иначе они

скоро будут управлять всем городом. Тогда уж останется одно — пустить себе пулю в лоб!

Аптекарь Сэм, Ника, мясник Томас Брэд, Сильвестр Максвелл и Марено стояли, переминаясь с ноги на ногу. Им казалось, что эта лекция дядюшки Симона никогда не кончится. Уж лучше бы они заночевали где-нибудь на улице.

— Ну ничего, скоро со всеми ними будет покончено, — наконец сделал заключение старик. — Говорят, они собрались в каком-то храме. Я думаю, что это их последнее убежище.

Берта вздрогнула, услышав последние слова дядюшки Симона.

— Мы тоже так считаем. Однако нам пора уходить, — заторопилась она. — Иначе мы можем остаться без новых квартир. Там, наверное, уже началась раздача.

Она направилась к выходу. Друзья облегченно вздохнули и последовали за ней.

— Да веди себя благоразумнее, — проворчал дядюшка Симон. — Что-то не нравится мне твое настроение. Помни, о чем я тебе говорил.

— Я обязательно запомню, — бросила ему на прощание Берта уже из-за двери.

— Как ты все это терпишь? — удивился Максвелл, когда они вышли на улицу.

— Он мой дядя. Когда-то он носил меня на руках. И потом, у меня больше никого не осталось из родных. Да я уже давно привыкла к его философии.

— Ну, и куда же мы теперь направляемся? — спросил мясник Томас Брэд.

— В храм, — решительно сказала Берта. — Там наши знакомые, соседи. Мы тоже должны быть там. Мы должны защищать свои дома, а не трусливо прятаться. Иначе они будут делать с нами все, что захотят.

На удивление всем, желтый фургон стоял на месте.

— А кому он нужен, такой старенький, — улыбнулась Берта.

— Ну, полиция как раз была бы не против сейчас его заполучить, — сказал аптекарь Сэм.

— Только вместе с нами, — добавил Марено.

— А действительно, как мы на нем поедем по городу? — встревожился Максвелл.

— Ну, с таким водителем, как Марено, мы можем в нем самого президента возить, — улыбнулась Берта.

Марено смущенно опустил голову.

* * *

Когда Льюис зашла в полицейский участок, инспектор Джонсон уже проводил инструктаж с полицейскими района по поводу борьбы с повстанцами.

Льюис прошла вперед и села рядом с Питером Джилмером.

— Прежде всего помните, что это не просто бездомные люди, а террористы, готовые на все. На экране вы сейчас увидите места возможного расположения повстанцев и групп сопротивления. Если вы кого-нибудь опознаете, немедленно приступайте к действию. В выборе средств я вас не ограничиваю, и это не только мой приказ.

Джонсон включил компьютер. На экране появился район Кадиллак-Хайц.

— Льюис, я думаю, тебе это будет интересно. Знаешь, что они сделали с Мэрфи? — спросил Питер шепотом.

Льюис пожала плечами.

— Вжик-вжик — и все, — сообщил Питер и покрутил пальцем у виска, объясняя, что именно он имел в виду, говоря о Мэрфи.

В коридоре послышались тяжелые шаги.

Джонсон замолк. Все полицейские повернули головы к открывающейся двери.

Вошел Мэрфи. Льюис подбежала к нему.

— Мэрфи! Ты ничего не хочешь мне сказать? С тобой все в порядке? — тихо спросила она.

Мэрфи молчал. Он смотрел на экран. В его электронном мозгу немедленно включилось воспроизведение, и он увидел храм и маленькую девочку, стоящую у двери.

Он подошел к ЭВМ и подключился к ней.

Сейчас же на экране, сменяя друг друга, замелькали лица мужчин, женщин, стариков — жителей района Кадиллак-Хайц.

— Список возможных участников групп сопротивления, — прочитала Льюис надпись на экране.

Мысли Мэрфи вихрем носились по замкнутому кругу. Он не осмеливался сказать правду — это значит следовало бы публично обвинить инспектора полицейского управления Джонсона в лжи. Его охватило тупое отчаяние. Резко повернувшись, он вышел, и такими же тяжелыми шагами быстро пошел по коридору.

Льюис побежала следом, едва поспевая за ним.

— Эй, Льюис! Возьми бронежилет! — крикнул ей вдогонку Питер.

— Не стоит, у меня выходной, — ответила она. Мэрфи, ни слова не говоря, подошел к полицейской машине и сел в нее. Льюис устроилась рядом.

— Но мне-то ты можешь объяснить, что с тобой случилось, что происходит?

— У тебя есть семья? — спросил Мэрфи.

— Разве ты забыл об этом? — удивилась она вопросу. — Брат живет в Питсбурге. Тот, что звонит только тогда, когда открыткой напомнишь ему об этом.

Робот молчал.

Льюис дотронулась до его руки:

— Я же вижу, чувствую, что что-то происходит. У тебя все в порядке?

— Спасибо, Энн. Ты слишком добра ко мне. Да, конечно, я прекрасно себя чувствую.

* * *

Плашер, развалившись в кресле, попивал виски.

Судьба, как никогда, была к нему в последнее время благосклонна. Он заработал на наркотиках огромные деньги, и теперь надо было решить, во что их вложить.

Плашер давно мечтал о красивой, шикарной загородной вилле где-нибудь на берегу моря, о собственной яхте, на которой можно было бы летом каждый месяц отправляться на пару деньков на какой-нибудь необитаемый островок.

Пора вылезать из этой грязи и заняться наконец чистым бизнесом. Что-то подсказывало Плашеру, что уже надо остановиться, бросить этот город и эту страну, уехать куда-нибудь, где его никто не знает.

Еще ему необходимо было подыскать себе женщину, которая была бы верной ему, как собака, и на которую бы заглядывались мужчины.

При мысли о женщинах Плашер окунулся в легкую, уже хорошо знакомую ему грусть. Прошло немало лет, а он до сих пор хранил в душе память о молоденькой длинноволосой девушке, которая незаметно для самого Плашера стала для него идеалом женской красоты. О девушке, которую он видел только раз в жизни, и которой уже давно не было в живых.

Плашеру тогда едва исполнилось девятнадцать лет.

Ввалившись с напарниками в небольшой бар, который находился на самой окраине Кадиллак-Хайца, она заказали виски. С криками, хохотом направились к ближайшему столику. Несколько посетителей, которые в это время находились в баре, бросали на них недовольные взгляды, но сделать замечание никто не осмеливался.

Когда они уже собирались уходить, молодой бармен подошел

к Плашеру и положил ему руку на плечо.

— Вы забыли рассчитаться.

Плашер резко повернулся и крепко сжал руку бармена.

— Запомни, парень, я никогда ничего не забываю. Ты понял меня?

Бармен молчал.

— Ты понял меня, я спрашиваю? — взбесился Плашер, от виски у него кружилась голова.

Их тут же окружила вся компания.

— Сейчас он все поймет! — закричал бритоголовый

Стэнли и со всего размаху ударил парня в челюсть. Тот отлетел к стойке и сильно ударился головой.

— Ну как, теперь ты все понял? — подошел к нему Стэнли и крепко схватил бармена за рубашку.

Тот и на этот раз промолчал.

— Ну тогда полежи вон там и хорошенько подумай, а мы потом зайдем, — сказал Стэнли. Поставив парня на ноги, он снова ударил его кулаком в челюсть. Тот полетел спиной к ближайшему столику, за которым только что сидела вся компания. Зазвенели, падая, пустые бутылки из-под виски.

Немногочисленные посетители молча наблюдали за этой сценой.

Драка еще больше распалила бандитов.

Компания высыпала на улицу и, с криком переворачивая мусорные урны на тротуарах, пугая редких прохожих, направилась к одному из старых заброшенных домов, который служил пристанищем для ночлега и отдыха.

Со стороны казалось, что этот дом вот-вот развалится, столько трещин было в его кирпичных стенах. Однако внутри он выглядел довольно прилично.

Впрочем, уже тогда Плашер подумывал о собственной квартире со множеством тайников и потайной дверью. Но своей мечтой он не хотел делиться даже с самыми верными друзьями.

Они уже почти подошли к дому, когда на их пути неожиданно появилась незнакомая девушка. Сгущались вечерние сумерки, и девушка очень торопилась.

— Вы случайно не ко мне торопитесь? — преградил ей путь бритоголовый Стэнли.

— Нет, — ответила девушка и попробовала обойти его. — Я домой иду.

— Вот как? — схватил ее за руку Стэнли. — И я домой иду. Значит, нам по дороге?

— У нас с вами разные дороги.

— О, не надо быть такой самоуверенной! Все дороги когда-

нибудь пересекаются.

Девушка попыталась вырвать руку.

— Отпустите! — закричала она.

— Увы, наши желания не совпадают, — рассмеялся Стэнли и потянул девушку за собой. — Я хочу пока зать вам наш прекрасный замок.

— Отпусти! — еще громче закричала девушка и ударила Стэнли по лицу.

Это вывело его из себя. Он ответил ударом на удар и потащил девушку в дом. Компания двинулась следом.

На девушке была коротенькая юбка и белая прозрачная блузка. У нее были длинные каштановые волосы и большие черные глаза, в тот момент полные ужаса.

— Нет! — дико закричала она, когда Стэнли с силой бросил ее на старый обшарпанный диван.

Но силы были неравными, и она взвыла от боли и ненависти, сопротивляясь все слабее и слабее.

Лишь в последний момент она ухватила Стэнли за ухо, потянула на себя, а потом неожиданно ткнула ему в глаза пальцами с длинными ногтями.

Стэнли дико заревел, вскинул голову, а затем ухватился руками за шею своей жертвы и начал душить ее.

Потом встал и, застегивая штаны, тяжело выдохнул:

— Есть желающие?

— Да ведь она, кажется, мертва, — вдруг тихо сказал кто-то за спиной Плашера.

Плашер осушил остатки содержимого бокала. Ему до сих пор было жалко эту девушку. Ей было тогда лет восемнадцать, не более, и она была прекрасна.

Неожиданно входная дверь его квартиры отворилась. Осторожно, словно кто-то пытался незаметно войти.

— Что случилось, Джек? — спросил Плашер. Он быстро поднялся с кресла.

— Ты стал пугливым, Плашер, — в проеме двери, почти полностью закрывая его, появился Тоби Тайлер, один из воротил подпольного наркобизнеса в их городе, тучный мужчина лет сорока.

У Плашера похолодело в душе.

«Почему Джек впустил его? — мелькнуло у него в голове. — Он не имел права впускать кого-либо без разрешения».

Но вслух Плашер произнес как можно спокойнее, направляясь к шкафу:

— Да шастают здесь кто попало, вот и приходится остерегаться.

Тайлер зашел в комнату и стал рассматривать обстановку, заложив руки за спину.

— А ты неплохо устроился, я погляжу. Наверное, и девочку какую-нибудь завел?

— Как ты нашел меня?

— Ну, человек ты довольно известный, тебя многие знают. Вот и указали добрые люди дорогу. Но ты вроде бы не очень рад мне?

— Отчего же? Садись, — указал он на кресло. — Но насколько я знаю, просто так ты в гости не ходишь.

— Это смотря к кому. К хорошему человеку можно и просто так зайти. Посидеть, поболтать о чем-нибудь. Разве я не прав?

Но в кресло он не сел.

«Где же Джек? — мучительно думал Плашер. — Если они убили его, то…»

— Что ж, давай поговорим.

Тайлер подошел к окну, некоторое время молчал, словно раздумывая, с чего начать.

— Что-то в последнее время я стал внимательнее относиться к своим друзьям. Может, старею, а? Новых приобретать поздно, а старых терять жалко, — он внимательно посмотрел на Плашера. В глазах его был жгучий холод.

— Друзья это хорошо, — сказал Плашер.

— Еще бы. Только вот какая штука жизнь. Живет себе человек, живет, кажется, никому ни разу дорогу не перешел, и тут однажды раз — находят его убитым.

— Ты это о ком?

Теперь Плашеру все было ясно окончательно. Оставалось лишь узнать: его пришли убивать или требовать денег. Если только денег, то все еще можно было уладить.

— О Рональде Коннорсе, разве не догадался? — вскинул брови Тайлер.

— Да, я знаю, его убили. А разве он был твоим другом? Я не знал.

— Ну, еще каким другом. Я зарабатывал на нем огромные деньги.

— Вот как?

— Так ты знаешь, что его убили?

— Да, я слышал об этом. Кстати, это было недалеко отсюда, у перекрестка.

— Так может ты знаешь и о том, кто его убил?

— Говорят, полицейские. Там страшная заваруха была недавно.

— Ага, понятно. А может, это было не возле перекрестка, а

вот в этой комнате? И убили его не полицейские, как ты говоришь?

— А кто же?

— Ты, черт возьми! — взорвался Тайлер. — Ты ухлопал его, а потом твой пес вынес тело Коннорса на улицу. Да и сам подлез под пулю. Разве не так?

— С чего ты это взял?!

— Послушай, Плашер, ты меня не проведешь. Я, знаешь, на чем видал таких умников?!

— Да, это я его убил, — сказал Плашер. Отпираться дальше было смешно. Так, пожалуй, и самому не долго нарваться на пулю. Он слишком хорошо знал Тайлера, чтобы играть с ним в кошки-мышки.

— Это я знаю и без тебя, — заорал Тайлер. — Я хочу знать, почему?!

— Он ни черта не заплатил мне за наркотики! Он решил, что я здесь занимаюсь благотворительностью.

— Брось, Плашер! Я прекрасно знаю, какие цены ты заламывал за свой товар. Ты нарушил правила игры, понимаешь? — брызгал слюной Тайлер.

— Он оскорбил меня, — вырвалось у Плашера.

— Оскорбил? Он назвал тебя свиньей? Или может он назвал тебя ненасытным всеядным пауком? Так он был бы прав. Но дело в том, что Коннорс даже этого, слышишь, даже этого никогда не скажет.

— Он хотел убить меня.

— Убить? Тебя? Да он бы никогда не пришел убивать тебя в твою же квартиру. Коннорс никогда не отличался большим умом, но даже на это у него мозгов хватило бы. И давай прекратим эту бессмысленную болтовню. Я устал от нее.

— Хорошо. Сколько ты хочешь?

— Я? Ты считаешь, что все дело во мне? Или ты поверил, что Коннорс был моим дружком? Да по мне пусть бы ему каждый день кто-нибудь всаживал бы по пуле в лоб, если бы он не делал мне бизнес. И не только мне. Ты же прекрасно понимаешь, что все мы связаны одной ниточкой. Ты же не дурак, Плашер. Помнишь Джона Гормли?

— Его застрелили полицейские.

— А Дэвида Хэдли?

— Он повесился. Но ведь не с моей же помощью!

— А в их смерти тебя никто и не обвиняет. Все мы смертны. Но никто из них не нарушил наших правил, Плашер. Чем же ты лучше других? Умнее? Хитрее? Потому что постоянно носишь маску на морде? Может, ты и сейчас в маске, а?

— Ты пришел убить меня? — уставшим голосом спросил Плашер.

— А ты хочешь предложить что-нибудь другое?

— Тайлер, у меня много денег. У меня очень много денег. Говори, сколько стоит моя жизнь?

Тайлер захохотал.

— Нисколько. Считай, что эти деньги тебе уже не принадлежат.

— Почему?

— Ты труп, Плашер. Ты говорящий труп. Неужели ты еще не понял этого?

— Ты их никогда не найдешь. Они уйдут вместе со мной на тот свет.

— Ошибаешься, Плашер. Люди умирают, а деньги остаются. Сейчас мы перевернем твою квартирку…

— Последний раз говорю, ты не найдешь их. Я дам тебе двадцать миллионов!

Тайлер вытаращил глаза и раскрыл от удивления рот. Он медленно опустился на кресло.

— Сколько?

— Двадцать миллионов.

— А ты, парень, зря время здесь не терял. Откуда же у тебя такая сумма, а?

— Ты согласен?

— Двадцать миллионов. Так ведь что-то еще и себе решил оставить, да?

— В отличие от тебя, я работал мозгами. Но крепкие руки мне тоже нужны. Так что могу тебя взять в компаньоны, — стараясь выглядеть спокойным, произнес Плашер.

Кажется, меч, который в очередной раз занесла над ним судьба, просвистел рядом, не задев его.

— Меня? В компаньоны? А я не мелковат для тебя? Я ведь столько денег зарабатывать не умею, — в голосе Тайлера прозвучала не то насмешка, не то недоверие.

— Я говорю вполне серьезно.

— Хорошо. Я сейчас, — поднялся с кресла Тайлер. — Отпущу людей.

Он направился к выходу.

— Стой! — закричал Плашер.

Тайлер остановился и с удивлением посмотрел на Плашера.

— Ты что?

— Вернись обратно!

Плашер выхватил из кармана пистолет.

— Ты с ума сошел! — сказал Тайлер. Глаза его бешено

забегали по комнате, словно ища, куда бы укрыться. — Не шути так, Плашер. Брось пистолет.

— Вернись обратно! — снова закричал Плашер. — Мне терять нечего!

Тайлер сделал неуверенный шаг назад, а потом быстро рванулся вперед.

Плашер нажал на курок.

Тайлер схватился за плечо и полетел на пол.

— Сюда! — заревел он.

В квартиру влетели двое с автоматами.

Плашер, не целясь, выстрелил, и один из бандитов, выронив автомат, взмахнул руками, ударился затылком о стену и стал медленно опускаться на пол. Изо рта его появилась тоненькая струйка крови.

Но выстрелить в другого Плашер уже не успел.

Автоматная очередь оглушила его и невероятная боль пронзила все тело.

Плашер вздрогнул, схватился за бок рукой, которая тут же стала липкой от крови, опустился на колено, но удержаться не смог. Пистолет выпал у него из рук.

Вторая пуля попала в бедро. Плашер почувствовал, как пропитываются кровью его брюки, и понял, что игра со смерть окончена. Смерть победила, и она уже приготовилась схватить его в свои объятия.

— Ну что, падла, — подошел к нему Тайлер, держась за раненое плечо, — перехитрить меня вздумал?

Он отшвырнул ногой в сторону пистолет Плашера.

— А теперь говори, где деньги?

— Я же сказал тебе, что заберу их с собой на тот свет, — с трудом шевеля губами, ответил Плашер. — А ты не веришь, дурак.

Он хотел улыбнуться, но улыбка не получилась.

— А вот сейчас мы это проверим, заберешь ты их или нет, — бросил ему Тайлер. — Роджер, а ну-ка обыщи квартиру. Каждый миллиметр.

Напарник Тайлера поставил у стены автомат и принялся перетряхивать комнату. Сначала он вывернул все содержимое шкафа: в одной половине его была одежда, в другой снизу находились папки с бумагами, сверху — небольшой бар. Денег или каких-нибудь драгоценностей не было.

Тогда Роджер подошел к небольшому дивану, достал из кармана нож и в нескольких местах разрезал его обшивку. Там тоже ничего не было.

— Что ж, поищи в другой комнате, — сказал ему Тайлер. — А

мы пока побеседуем.

Он достал из бара бутылку виски.

— Надеюсь, оно не отравлено? Он сделал несколько глотков.

— Может, ты тоже хочешь виски, а?

Тайлер подошел к лежащему на полу Плашеру и начал выливать содержимое бутылки ему прямо на лицо.

— Ну как, вкусно? Еще хочешь? Пожалуйста, попей еще. На том свете, виски наверное не производят. Как ты считаешь? Ты пришли мне оттуда весточку, хорошо?

Плашер молчал.

Вдруг Тайлер швырнул пустую бутылку в сторону и приподнял Плашера за рубашку.

— Говори, сука, где деньги!

Плашер отвернулся.

— Не хочешь, да? Сейчас захочешь. Сейчас ты сам мне все расскажешь и покажешь.

Он достал из кармана зажигалку и потряс ею перед лицом Плашера:

— Ты у меня заживо сгоришь, понял?!

Плашер облизал пересохшие губы и, задыхаясь, тихо сказал:

— Хорошо… Я скажу.

Он с трудом повернул голову в сторону шкафа.

— Отодвинь его…

Тайлер удивленно посмотрел на Плашера, затем медленно подошел к шкафу и толкнул его здоровой рукой.

Шкаф легко отъехал в сторону.

— Вот это да, — покрутил головой Тайлер.

— Теперь открой дверь…

— А где же здесь дверь?

Тайлер уперся рукой в стену, и она неожиданно легко поддалась, пропуская его в маленькую темную комнатку.

Тайлер в нерешительности остановился.

— А ты молодец, — вырвалось у него. — А где здесь у тебя свет включается?

— Подожди…

— Что?

— По… подожди, — совсем тихо сказал Плашер, истекая кровью.

Тайлер с нетерпением посмотрел на него.

— Ну?

— Ты убил… Джека?

— Какого Джека? Ты что, сумасшедший?

— Джека… моего охра… охранника… Вы убили… уби… его…

— А черт! Нашел о чем вспоминать.

— Он был… моим… моим другом… понимаешь? — Плашер закрыл глаза.

— А черт! — выругался Тайлер.

— Теперь иди… Там… у двери… шифр…

Тайлер зашел в комнатку и посветил зажигалкой.

— Ну, вижу.

— Код… семь… три… пять…

— Семь, три, пять, — повторил Тайлер. — Нажал. Что дальше?

— Кнопка… рядом…

Тайлер нажал кнопку.

Оглушительный взрыв потряс воздух. Прохожие на улице повернули головы в одну сторону и закричали от ужаса: один из домов, укрываясь в огромных клубах пыли и дыма, рухнул на землю…

* * *

Машина Мэрфи остановилась в нескольких шагах от храма.

Мэрфи и Льюис направились туда. Казалось, внутри было пусто и безмолвно.

После яркого света Энн почти ничего не видела во мраке. У Мэрфи сразу же сработал термограф-датчик теплового излучения. Его глазные щитки широко разошлись — храм был полон людей. Отовсюду на них смотрели испуганные глаза. Опасности для общества эти несчастные не представляли…

С улицы донесся какой-то шум.

— Всем выйти из здания! — загремел чей-то повелительный голос, усиленный мегафоном.

Льюис и Мэрфи вышли из храма. Здание было окружено полисменами в серой форме. Все были вооружены автоматами.

— Стоять на месте и не двигаться!

— Мы — офицеры полиции, — мгновенно сориентировался Мэрфи.

— Вы нам не нужны, — ответил через мегафон шеф реабилитационной группы Магдэгар. — Эта группа получила задание очистить район Кадиллак-Хайц, полностью покончив с повстанцами. Для этого она и была создана. У нас же есть данные о том, что в здании находятся участники групп сопротивления — преступники. Поэтому я прошу вас отойти и не мешать нам их захватить.

— Мы были в храме. Там — гражданские лица, — отчеканил Мэрфи.

— Да, они зашли туда всего лишь погреться, — решительно добавила Энн.

Мысли Мэрфи беспорядочно метались. Он пытался найти правильное решение, опираясь на заданные ему директивы:

«Директива N1 — СЛУЖИТЬ ОБЩЕСТВУ»;

«Директива N2 — ЗАЩИЩАТЬ НЕВИНОВНЫХ»;

«Директива N3 — СОДЕЙСТВОВАТЬ ВЫПОЛНЕНИЮ ЗАКОНА»;

«Директива N4 — НЕ ПРИЧИНЯТЬ ВРЕДА СЛУЖАЩИМ ФИРМАМ "ОУ-СИ-ПИ"».

— Последнее предупреждение: отойдите в сторону, в противном случае мы будем вынуждены применить силу, — выйдя из себя, орал в мегафон Магдэгар.

— Хочу заметить, что вы совершаете ошибку, — предупреждающе сказал Мэфри.

Взревев, Магдэгар взмахнул рукой, и солдаты бросились, было, в атаку.

Но Мэрфи был готов к ее отражению. Он поднял огневое средство мощнейшей ударной силы, вмонтированное в руку, но… Он переводил установку с одной группы полисменов на другую и везде получалась осечка. Срабатывала защитная сила четвертой директивы: «Не причинять вреда служащим фирмы "Оу-Си-Пи"». А все полисмены реабилитационной службы именно к этой категории и относились, впрочем, как и сам Мэрфи.

Пришлось перенести огонь на передвижные средства и на асфальт прямо перед полисменами, не давая им шагнуть.

Полисмены попятились назад.

— Ну, что? Убедились, что и мы шутить не любим? — закричала Льюис. — Если вы хотите зайти туда, то вам все равно не пройти мимо нас!

— Что ж, — воскликнул вконец рассвирепевший Магдэгар, — у меня не будет никаких проблем, когда я пристрелю вас!

Магдэгар вскинул карабин и выпустил всю обойму в Льюис. Льюис навзничь упала на ступеньки…

Мэрфи вновь поднял огневое средство, сделал наведение на цель, но все снова блокировалось четвертой директивой.

— Ну, что, проклятая железяка, чья взяла? — Магдэгар поднял карабин и перевел его на Мэрфи.

Последовала вспышка, послышался сухой треск. Мэрфи упал рядом с Льюис.

Он перекатился в сторону, пытаясь приподняться. Не сразу, но ему это удалось. Еще мгновение — и Мэрфи снова на ногах. Сделал шаг, другой. Подошел к двери храма, встал в дверях, заслоняя собой вход.

К нему подошла Ника.

В его механизме она услыхала прерывистый сигнал тревоги. Девочка открыла щиток на его груди, посмотрела на экран и прочитала:

«Внимание!!! Тревога!!! Повреждение системы эффективности работоспособности — 72 процента».

— Этот робот пострадал, и очень здорово, — сказала Ника подбежавшим к ней Берте и Томасу.

Через несколько минут возле них уже были Марено и Большой Сэм.

— Идем скорее с нами, — попросила девочка и потянула робота за руку.

— Прикройте меня, и мы уйдем, — ответил Мэрфи.

Берта и Томас, вытащив несколько дымовых шашек, бросили их в сторону противника. Густая завеса дыма, казалась, закрыла навсегда солнце.

— Идите все в храм, — приказала Берта. — А Марено и Сэм пусть забаррикадируют дверь.

Мэрфи поднял Льюис на руки и внес в храм.

Кто-то зажег свечи.

Энн была еще жива, но лицо напоминало восковую маску, а тело корчилось в невыносимых муках. Собрав последние силы, Льюис чуть улыбнулась:

— Мэрфи! Как же так? Этого не должно было случиться…

Мэрфи наклонился над ней и поддержал голову.

— Тише, Льюис, помолчи. Боль скоро пройдет, — пытался успокоить он.

У Мэрфи включилась запись изображения. Все, что происходило дальше, навсегда запечатлел его электронный мозг.

— Мэрфи, мы всегда были с тобой друзьями. Сделай то, о чем я прошу, ради меня: разделайся с ними, — попросила Льюис и, протянув руку, погладила своего верного напарника по щеке.

Глаза ее тосковали и молили.

— Я обещаю, — твердо сказал Мэрфи.

— Мэрфи… — она не успела договорить. Глаза закрылись, голова запрокинулась. Лицо стало спокойным и умиротворенным — боль навсегда ушла из Энн.

— Полицейский умер, — сказал Мэрфи и склонил перед Льюис голову.

Он не чувствовал боли, но что-то непонятное творилось в его электронном мозгу.

В его памяти с неимоверной быстротой, путаясь в хронологической последовательности, проносились эпизоды из прошлого, связанные с Льюис.

— Привет. Меня зовут Льюис. А у вас есть имя? Ее лицо ему кажется ужасно знакомым, но он никак не может вспомнить, где они уже могли встречаться.

— Чем я могу быть полезен вам, офицер Льюис? Она оглядывается по сторонам, затем неожиданно наклоняется к самому его лицу:

— Мэрфи, ведь это ты? Ты действительно не помнишь меня?

Их машины одна за другой мчатся по центральной улице города. На окраине они резко тормозят и сразу же попадают под перекрестный огонь.

Мэрфи бросается к машине Льюис, и пока та выскакивает из нее и прячется за ближайшим деревом, ведет беспрерывный огонь.

Преступники, видя, что их выстрелы не наносят роботу-полицейскому никакого вреда, пытаются скрыться, но это удается далеко не всем.

Автоматные очереди настигают их и обжигают спины, ноги, руки.

Когда все утихает, Льюис подходит к нему и кладет руку на плечо:

— Спасибо тебе, Мэрфи. Без тебя мне было бы чертовски трудно.

В это время один из преступников неожиданно поднимается с земли и быстро направляет ствол автомата в их сторону. Мэрфи толкает Льюис, она падает на дорогу. Пули плющатся о металл, робот полицейский спокойно вытягивает вперед руку и стреляет. Пули прошивают преступника насквозь, он дико кричит и валится на асфальт, корчась от боли.

— Фу, какой ты грубый кавалер, — говорит Льюис и весело смеется.

— Этот парень будет твоим новым напарником, Льюис. Мэрфи, познакомься с Льюис.

Она протягивает ему свою маленькую руку, и он с готовностью пожимает ее.

— Очень приятно познакомиться, Мэрфи, — на лице Льюис нежная улыбка.

— Отличная работа, — говорит он и кивает головой в сторону какого-то человека, который лежит у стены.

— Спасибо, — смущается немного она.

— Ты сошел с ума! Мы же потеряем его! — кричит Льюис, все время оглядываясь на заднее окно машины.

— Держись покрепче! — он резко тормозит и разворачивает машину на сто восемьдесят градусов. Они мчатся навстречу автомобилю с грабителем.

— Ты что, мы же разобьемся! Сумасшедший!

Не доезжая нескольких метров друг до друга, машины почти одновременно тормозят.

— Ну, у тебя и выдержка! — говорит Льюис.

— Это у него нервы ни к черту, — не соглашается Мэрфи.

Небольшая комната. Полумрак. Льюис опускает с кровати ноги и, немного волнуясь, говорит:

— Мне бы очень не хотелось, чтобы то, что произошло сейчас, было просто случайностью.

— Я тоже не хочу этого.

— И даже если ничего больше не повторится, мы будем вспоминать об этой встрече всю оставшуюся жизнь, правда?

— Да.

— Нет, ты скажи мне серьезно.

— А я и говорю тебе серьезно.

— Поклянись.

— В чем?

— Что ты никогда не забудешь эту ночь.

— Клянусь.

— Нет, не так.

— А как?

— Повторяй за мной: я клянусь…

— Я клянусь…

— …что никогда не забуду эту ночь.

— …что никогда не забуду эту ночь. Она прижимается щекой к его груди.

— Вот теперь точно не забудешь.

Все это время Ника, не отрываясь, смотрела на Мэрфи и Льюис. Ее маленькое сердце разрывалось от жалости и боли, слезы текли по детскому личику.

— Пошли, малышка, — Берта потянула Нику за руку. — У нас слишком мало времени.

— Ника, поторапливайся, — позвал Марено.

— Я тебя очень прошу, пошли с нами, пожалуйста, — девочка с надеждой посмотрела на Мэрфи.

— Девочка, ты сошла с ума! — в гневе закричал Марено. — Он же из полиции, он за них!

— Нет, Марено, — спокойно возразила Берта. — Теперь этот парень на нашей стороне.

Берта поняла, что все происшедшее, смерть Льюис перевернула душу Мэрфи. Сейчас она не видела в нем машину, ей было по-человечески жаль его.

— Ну, что ты делаешь, Берта? — поддержал Марено Томас. — С каких это пор принимать решения будет ребенок, несмышленая

девочка?

— Ну, положим, у нас есть более несмышленые. А Ника… Ника права, — тихо сказала Берта, гладя Нику по плечу.

— О Господи! Да ты только посмотри на него! — не унимался Марено. — Он же от первого до последнего винтика принадлежит полиции!

Послышался глухой удар в дверь. Полисмены начали вышибать ее. Несколько выстрелов в замок или в петли, а потом дружный нажим — и все, дверь не выдержит, и тогда люди с оружием войдут сюда.

— Пойдем, пойдем отсюда! — закричал Сильвестр Максвелл. — У нас нет времени ссориться.

— Он прав, — сказал Мэрфи. — Мы все должны уйти.

Дверь трещала под непрерывными ударами. Через несколько минут она распахнулась, в храм ввалились полисмены с автоматами в руках. Впереди был Магдэгар. Он трясся от гнева:

— Обыскать каждый сантиметр! Выполняйте немедленно! — заорал он.

Он еще раз обвел глазами весь храм — нигде ни души.

— Черт! — такого провала он не ожидал. Оставалось ждать результатов обыска.

К нему подошел офицер с датчиком, на котором сигналила красная лампочка.

— Мы зарегистрировали, он передвигается. Датчик хорошо его ощущает, — сказал он и протянул Магдэ-гару аппарат. Тот взял его в руки, не веря глазам.

— Не может быть, не может быть… — прошептал он, глядя на датчик. И вдруг догадка осенила его. — Подземный ход! Это подземный ход! Ищите подвал!

* * *

Солдаты обнаружили в здании храма колодец. Видимо, через него и скрылись повстанцы.

Магдэгар подошел к отверстию, встал на колени и направил вниз луч мощного фонаря. Внизу не было видно ничего подозрительного, но Магдэгар не очень-то этому верил. Он подозвал к себе офицера:

— Возьмите с собой группу людей и спускайтесь вниз, — приказал он.

Без малейших колебаний пятеро здоровенных полисменов с фонарями исчезли в черной глубине.

Магдэгар терпеливо ждал.

Прошло несколько минут. Наконец, из колодца выбрался один из полисменов и доложил, что повстанцы скрылись именно через этот ход.

— Показывай дорогу! — закричал Магдэгар и полез вслед за полисменом.

От колодца шел туннель, вырытый совсем недавно. Крепежными стойками ему служили ящики, взятые на складе. Двигаться было неудобно — проход был слишком узкий и низкий, на голову все время сыпалась свежая земля.

Туннель переходил в канализационный отсек. В некоторых местах пол резко уходил вниз и был покрыт водой с тошнотворным запахом. В неярком свете вода казалась черной и маслянистой.

Магдэгар вдруг обнаружил, что все вокруг буквально кишит серыми тварями. Он никогда не видел таких огромных, жирных крыс. Некоторые из них падали в воду и пронзительно визжали, барахтаясь там и пытаясь выбраться.

Магдэгар почувствовал приступ тошноты.

— Дальше идти нельзя, мы застрянем, — сказал офицер.

— А между тем, это единственный путь, по которому прошли террористы! Продолжайте преследование, — приказал Магдэгар, а сам с группой офицеров повернул назад.

* * *

Путешествие по подземной галерее было не из легких. Каждый из мужчин нес тяжелые боеприпасы, включив все свои осветительные приборы. Мэрфи старался идти медленно, чтобы его новые друзья не отставали.

Ника, прерывисто дыша, шла с ним в ногу. Он то и дело останавливался, чтобы помочь ребенку пройти наиболее трудные участки.

— Нужно торопиться, — подгоняла всех Берта. — Да, путь не из легких, но не пройдет и получаса, как они устремятся по нашим следам. Мы должны успеть на базу, так что веселее, веселее, ребята!

Берта быстро прошла вперед.

За четверть часа они преодолели довольно приличное расстояние и вышли на небольшую площадку. В этом месте галерея раздваивалась.

— Нужно пройти налево еще метров двести, — сказала Берта. Все поспешили за ней.

Вдруг Мэрфи замедлил ходьбу. Споткнувшись, он

прислонился к стене. Все его тело задергалось. Он попытался заговорить, но раздалось какое-то дребезжание. Снова запищал сигнал тревоги. На экране загорелось: «Тревога!!! Повреждение систем. Эффективность работоспособности — 25 процентов».

— Слушай, что с тобой? — с тревогой спросила Ника. В ответ Мэрфи рухнул на землю.

— Эй, помогите, помогите! — закричала Ника. Все подбежали к Мэрфи и попытались поднять его.

— Черт! — раздраженно выругался Томас Брэд. — Не хватало еще эту железяку тащить на себе!

Но тащить далеко не пришлось.

Берта подошла к решетчатым дверям в стене и постучала. Послышался скрежет отодвигаемого засова. Дверь открылась, показался человек лет пятидесяти.

— Извини, Кунц! Пришлось немного задержаться. Мужчины, напрягаясь изо всех сил, втащили Мэрфи. Его усадили на широкий стул возле колонны.

Помещение, куда пришли повстанцы, было огромных размеров. Яркий электрический свет заливал груды оружия и боеприпасов, сложенные возле высоких колонн.

— Он плохо выглядит, — сказала Берта, внимательно посмотрев на Мэрфи.

— Я думаю, ты бы выглядела не лучше, если бы у тебя на груди разорвалась граната, — пошутил Маре-но.

— Следят… — с трудом проскрежетал Мэрфи, вздрогнув при этом.

— О чем это он? — спросил Марено.

Сильвестр Максвелл вытащил из кармана датчик, улавливающий инфракрасное излучение человека.

— Датчик, датчик! Они регистрируют местоположение датчика и поэтому висят у нас на хвосте!

Ника подошла к Мэрфи, неподвижно сидевшему на стуле, ловко сдвинула щиток на его левой ноге и вынула оттуда маленькую пластинку. На ней мигали две зеленые лампочки. Эта пластинка и посылала сигналы.

Марено бросился к ящикам с боеприпасами и вернулся оттуда с висевшей на боку сумкой с инструментами. В вытянутой руке он нес черный металлический цилиндр, держа его как можно дальше от себя. Кунц отшатнулся от него.

— Бомба на предохранителе и взорваться не может, не валяй дурака, Кунц! — расхохотался Марено. — Мне почему-то очень хочется куда-нибудь ее присобачить!

Он взял у Ники пластинку, вышел во коридор и пошел в обратную сторону, к площадке. Там он оттащил в сторону

тяжелый брезент, лежащий на полу, и увидел в бетоне крышку люка. Он с трудом открыл ее и бросил пластинку в воду.

Что-то ворча себе под нос, он приварил металлические фланцы бомбы к крышке канализационного люка. Проверил, плотно ли держится цилиндр, а потом повернул какой-то рычажок и вытащил черный стержень чеки. Раздался негромкий сухой щелчок — взрыватель был взведен.

Удовлетворенно потирая руки, Марено поспешил удалиться. Там, позади, он уже услышал шум приближающихся полисменов, в темноте слабо замерцали огоньки их фонарей.

— Ты что, поставил ловушку нашим друзьям из фирмы «Оу-Си-Пи»? — спросила Берта, когда он вернулся к ним.

— Что ж, возможно, — загадочно улыбнулся он. Через несколько минут раздался оглушительный взрыв.

Ника заткнула уши. План Марено удался.

— Ребята, возьмите же себя в руки, — сказал Марено, глядя на взволнованные лица друзей.

— На этот раз они подобрались уж слишком близко, — медленно начал Кунц.

Все посмотрели на него.

Кунц швырнул в сторону винтовку и вдруг закричал визгливым голосом:

— Ничего не получится! Здесь ничего не работает! Марено подошел к нему и схватил за плечи:

— Слушай, ты можешь помолчать? — сказал он сквозь зубы. — Если нервничаешь, сделай глубокий вдох и медленный выдох. Понял?

— Кунц, — успокоительно заговорила Берта. — Мы должны держаться вместе. Район Кадиллак-Хайц небольшой, но это наш дом, это все, что у нас есть. И если ты думаешь, что наш дом не достоин того, чтобы его защищали, то что ж, уходи, никто тебя держать не будет.

Берта включила радиостанцию:

— Говорит Берта, говорит Берта. Ответьте базе.

Мэрфи сидел молча. Наверное, была задета какая-то микросхема — он сильно дергал головой.

Ника сидела возле него на корточках и гладила по руке.

* * *

Доктор Лазарес, одетая в светло-серый спортивный костюм, сидела дома и читала. От этого занятия ее оторвал звонок видеотелефона. Она нажала кнопку и перевела взгляд на

вспыхнувший экран. Мэри увидела лицо Флата.

— Что-то случилось? — спокойно спросила она. Флат издевательски заухмылялся:

— Молодец, девочка, отличная работа! — сказал он, явно издеваясь.

— О чем вы?

— Ты еще не знаешь? Включай быстрее телевизор — не пропусти новости!

Мэри щелкнула кнопкой дистанционного управления. Передавали вечерние новости. На экране она увидела лицо Пола Магдэгара, окруженного корреспондентами, наперебой задававшими ему вопросы.

— Вы можете объяснить нам, что происходит? — услышала она вопрос.

— Я могу сказать только одно — произошла страшная трагедия, — начал свое интервью Магдэгар. — Трудно поверить, что робот обратил свои действия против гражданских лиц…

Он исчез. На экране появилось лицо диктора, который начал размеренно читать:

— Только что были получены неприятные сведения, и мы хоти предупредить всех граждан: кто увидит небезызвестного вам робота, опасайтесь его действий.

— Господи, ну что за чепуха, — Мэри махнула рукой и выключила телевизор.

— А теперь слушай меня, умница, — продолжил Флат. — Если завтра утром, даже не утром, а к семи утра, ты не подготовишь список необходимых действий, как можно разобраться с этим делом с наименьшими потерями, то тогда, может быть… может быть, наша фирма не выдвинет против тебя обвинения в суде…

Флат повесил трубку.

Мэри облегченно вздохнула. Ей было неприятно видеть его самодовольное лицо даже на маленьком экране, не говоря уже о почти ежедневных встречах в лаборатории.

«Господи, а ведь он мне когда-то нравился, — в который раз ужасалась сама себе Мэри. — Но ведь он тогда казался совсем другим. Никогда не орал на подчиненных. Был вежлив и улыбчив. Наверное, это была обыкновенная маска, за которой скрывалось лицо хищника. И ведь уже тогда карьера для него была превыше всего.

Черт, а он, кажется, до сих пор не может мне простить того, что я отказалась стать его женой. Зато я об этом нисколько не жалею»

Мэри захлопнула книгу. Читать больше совершенно не

хотелось.

Она подумала о роботе-полицейском. Мэри давно догадывалась, что в мозгу Мэрфи сохранилась память о его прошлой, человеческой жизни. Это подтверждали и ее лабораторные исследования.

Когда она включала воспроизведение его памяти, то на экране вместе с четким изображением событий, зафиксированных Мэрфи, неожиданно появлялись какие-то неясные, словно в тумане, очертания домов, деревьев, машин. Все время появлялись какие-то люди, но распознать их лица было очень трудно.

Очевидно, для более качественного изображения необходимо было что-то изменить в микросхемах, которые обеспечивали воспроизведение памяти, но что именно надо было изменить, Мэри без помощи инженеров разобрать не могла.

Сообщать же кому-либо о своем открытии доктор Лазарес пока не хотела.

Но она все больше убеждалась в другом: мозг робота-полицейского непонятно каким образом не только функционировал согласно заложенным в него программам, но и вырабатывал какие-то чисто человеческие качества.

И потом, откуда эта странная привязанность Мэрфи к Льюис? Ведь в полицейском участке работают сотни человек, из них, если на то пошло, немало женщин, но почему-то он выбрал именно Льюис, с которой, говорят у него что-то было до ТОГО.

И ведь Льюис к нему тоже очень привязана. Почему? Она же не знает, кем был Мэрфи раньше, не должна знать, потому что ЭТО держится в строжайшем секрете.

Опять зазвонил телефон. Но Мэри не хотела никого ни видеть, ни слышать. Тем более, если вдруг что-нибудь опять понадобилось Флату.

Пусть думают, что ее нет дома.

Мэри спрятала лицо в ладони. Надо было решать, какой отчет предоставить завтра Флату. Она бы давно оставила работу в этом учреждении, ей был ненавистен Флат, ей была ненавистна вся эта фирма «Оу-Си-Пи», которой управляли одни мерзавцы.

Единственный, кто ее удерживал здесь — это Мэрфи. Он был для нее, словно брат, мужественный и в то же время совершенно беспомощный.

И ей было очень жалко его.

Время было за полночь. Неумолимо приближалось утро.

Мэри сидела в кресле. Она совершенно не знала, какой отчет предоставить сегодня утром Флату.

* * *

Рано утром инспектору полиции Джонсону и шефу службы безопасности Флату была назначена аудиенция у президента компании «Оу-Си-Пи» Блэка.

Подъезжая к зданию корпорации, они увидели большую толпу возле парадного входа. Заметно было, что люди чем-то очень взволнованы.

Оказывается, один из сотрудников фирмы, которому грозило увольнение, выбросился из окна. И это не первый случай за последнее время.

На здание кто-то повесил плакат: «Фирма "Оу-Си-Пи" — сборище грязных мерзавцев и сволочей!»

Полисмены в серой форме пытались разогнать толпу, но люди сопротивлялись, шумели.

— Увольнения идут вовсю, — сказал Джонсон, когда они поднимались в лифте.

— Да, — поддержал Флат. — Ходят слухи, что компания скоро обанкротится.

— И на бирже паника, наши акции резко упали, — сообщил Джонсон.

— Ну и ну… — удивленно протянул Флат.

Они вышли из лифта. Мимо, задев их обоих, прошел какой-то странный человек высокого роста. Лицо у него было крупным и грубым, широкий нос и плоские скулы отталкивали своим уродством, однако не внушали страха. Тело было массивным, и даже одежда не могла скрыть той физической силы, которую оно излучало.

Джонсон и Флат, переглянувшись, пожали плечами.

Джонсон продолжил:

— Да нет, мы не можем проиграть. С такой компанией, как Конамицу, мы всесильны и непобедимы.

— Выживание, вот о чем нам нужно сегодня думать, — Флат не торопился разделять иллюзии Джонсона.

— Ну, не может быть, что бы все было так уж плохо, — похоже, Джонсон сам старался убедить себя в том, что говорит.

В коридорах компании царила суета. По кабинетам туда-сюда бегали служащие, живо обсуждая события последних дней.

Флат остановился и посмотрел на Джонсона:

— Честно говоря, я для себя уже припас пулю на всякий случай.

Джонсон ничего не ответил. Он постучал в кабинет Блэка и, не дожидаясь ответа, открыл ее.

— Вот что я тебе скажу, Джонсон, — не унимался Флат. — Идет война, но это наша война. Какого хрена компании Конамицу лезть в это дерьмо?

Блэк, сидевший за столом и разговаривавший в это время с человеком, который нервно курил возле окна, резко повернулся и сделал знак вошедшим замолчать.

— Отома-сан, — обратился он к верзиле-японцу, стоящему возле окна. — Мы уже получили ордер на арест Робокопа. Мы его уничтожим. У нас еще есть возможность найти его и разобраться с ним. Да, это не так уж просто, но возможно.

Не говоря ни слова, Отома-сан докурил сигарету, поклонился Блэку и направился к выходу. У двери он снова задел плечом Флата, да так, что тот пошатнулся.

Лицо Блэка стало злым. Он повернулся к вошедшим и поманил пальцем.

— Флат, на пару слов, сынок.

— Простите, сэр, что мы так ворвались, — залебезил Джонсон, переминаясь с ноги на ногу.

— К вашим услугам. Чем могу помочь как шеф службы безопасности? — проговорил Флат.

Глаза Блэка налились кровью:

— Шеф? Службы безопасности? — взревел он. — Ты уволен. А на прощание можешь поцеловать меня в задницу, чтобы подсластить расставание.

Флат побледнел. Его едва держали ноги, настолько было неожиданным услышанное.

— Оглох, что ли? — все больше распалялся Блэк. — Ты уволен к чертовой матери!

Флат медленно повернулся и на ватных ногах пошел к выходу.

Краем глаза Джонсон заметил, как рука его медленно полезла в карман, туда, где обычно носят пистолеты.

— И скажи спасибо, что под суд тебя, мерзавца, не отдал! — крикнул вдогонку Блэк.

Джонсон, похолодевший от страха в ожидании приговора, стоял перед Блэком навытяжку.

Блэк, казалось, не замечал его. Он метался по кабинету с багровым лицом и вздувшимися на лбу венами.

— Три дня осталось… Всего три дня, а потом все полетит к чертовой матери, если мы не решим это вопрос.

— Простите, сэр, — робко начал Джонсон. — А как насчет того, чтобы привлечь еще немного людей в э-э… службу реабилитации?

Он говорил медленно, с паузами, сбиваясь, однако его слова возымели успех.

Блэк заинтересовался предложением.

— Нам ни к чему брать наемников, — продолжал Джонсон, —

нам ни к чему брать наемников, мы лучше обратимся в полицию и будем платить им дополнительные деньги. К тому же, они уже имеют опыт работы.

Лицо Блэка расплылось в улыбке:

— Что ж, неплохо… Ты не плохой парень, Джонсон, голова у тебя варит, особенно когда чувствует, что ей недолго оставаться на прежнем месте, — Блэк похлопал его по плечу. — Я уверен, что ты вполне отрабатываешь свои деньги на должности инспектора полиции.

В этот момент за дверью раздался пистолетный выстрел.

Джонсон вздрогнул так, будто это в него попала пуля. Он знал, что это означает. Флат…

Блэк был безучастен.

* * *

Район Кадиллак-Хайц жил своей жизнью. Он превратился в район баррикад и укрепительных сооружений. База повстанцев усиленно охранялась. С каждым днем силы сопротивления росли. К повстанцам примкнули и жители соседних районов, поддерживающих справедливые требования соседей.

На базе каждый был занят своим делом. Ника целыми днями занималась компьютерными программами, пытаясь найти какой-то выход, чтобы хоть как-то помочь Робокопу, но пока тщетно.

Ника подошла к Мэрфи. Он, как парализованный, лежал на высоком столе, похожем на электронный стенд.

Над ним склонился Марено, который так же, как и Ника, ломал голову над тем, как помочь Мэрфи.

Но разобраться в тех системах, которыми был начинен робот, ему было не под силу. Да, Марено мог сделать или починить многое, но только не робота.

Они с Никой грустно посмотрели друг на друга и пожали плечами.

Подошла Берта. С минуту она стояла молча, рассматривая внутренности грудной клетки Мэрфи.

— Вы сможете его починить? — в голосе ее чувствовалась просьба и надежда.

— Пойми, — нахмурившись, произнес Марено. — Это работа не для электриков. Я никогда раньше не ремонтировал роботов. Здесь нужен специалист, и только, ведь мозг его функционирует.

— У нас осталось три дня. И нам очень нужна его помощь. Кто знает, сможем ли мы без него продержаться.

Марено и сам понимал это не хуже Берты. Он стоял перед ней

с видом провинившегося школьника.

— Берта, прошу тебя, пойми, у меня нет ни схем, ни оборудования, чтобы помочь ему. Ты бы смогла сделать операцию человеку, будучи только санитаркой в больнице?

— Кто же может помочь? — спросила Берта. Экранчик на груди Мэрфи засветился:

— Лазарес. Найдите доктора Мэри Лазарес.

На поиски решили отправить Нику. Точнее, она сама настояла на том, чтобы отправили именно ее.

— Ведь мне это сделать проще, чем кому-либо из вас, не спорьте.

— Почему? — в один голос спорили Большой Сэм и Марено.

— Потому что вас наверняка не пропустят в лабораторию. Она же секретная!

— А ведь действительно!

— Но как же ты туда попадешь?

— Не волнуйтесь, придумаю что-нибудь, — загадочно улыбнулась Ника.

— Хорошо, — согласилась Берта. Марено, проводи девочку к выходу.

— Не надо, — запротестовала Ника. — Я сама знаю все выходы отсюда.

Она очень хотела быть полезной своим друзьям.

За эти несколько дней что-то перевернулось в ее душе, на многие вещи она стала смотреть по-другому, совсем не по-детски. Ее рассуждения ничем не уступали рассуждениям взрослого человека, а по находчивости она часто превосходила своих друзей.

Ника выбралась наружу и со всех ног бросилась бежать по городу.

Район Кадиллак-Хайц представлял собой убогое, ни с чем не сравнимое зрелище.

Многие дома были разрушены, и там вовсю орудовали бездомные. Такого количества добра, которым можно было поживиться, не представало перед их глазами еще никогда в жизни. Одежда, драгоценности, холодильники с едой… Такого они не могли представить себе даже во сне. Оставалось только жалеть, что все это нельзя вынести сразу.

Но не успевали они выйти с награбленным на улицу, как к ним тут же подскакивали полисмены, били их дубинками, выкручивали руки, сажали в полицейские фургоны и увозили в неизвестном направлении.

Ника бежала, не останавливаясь.

Вдруг она услышала, как прямо за спиной у нее затормозила

машина. Девочка вздрогнула, но продолжала бежать. Тогда машина обогнала ее и снова затормозила.

Нервы Ники были напряжены до предела. Девочке казалось, что ее сейчас схватят, как несколько дней назад схватили мать и отца.

— Эй! Подожди!

Из темно-коричневого «бьюика» показалась голова дядюшки Симона.

— Что за жизнь! — пробурчал он. — Все куда-то спешат, все куда-то бегут. Все стреляют. Однако, если нам по дороге, я могу тебя подбросить.

— А вы куда едете?

— В полицию, — недовольно сказал дядюшка Симон. Очевидно, эта поездка была ему в тягость.

— Значит, нам действительно по дороге! — обрадовалась Ника.

— Да? — удивился старик. — Ну, что ж, садись, если тебе тоже…

Но лишь только «бьюик» тронулся с места, дядюшка Симон, казалось, тут же забыл о присутствии Ники и разговаривал с самим собой.

— Подумать только, они требуют! Они заставляют старого, больного человека, который еле переставляет ноги, у которого уже совершенно плохое зрение, они заставляют его переться к ним…

Однако совершенно плохое зрение не мешало дядюшке Симону мчаться по городу так стремительно, будто за ним мчалась банда головорезов или стадо бизонов.

— …переться к ним для дачи показаний. Я что, преступник какой-нибудь?! Или они решили, что им позволено все на свете?

— Вас что, тоже хотят арестовать? — удивленно спросила Ника.

— Меня? Арестовать? — дядюшка Симон искоса посмотрел на Нику. — Скорее у них уши на лбу вырастут, чем они меня арестуют. Я чист перед законом. Они вызывают меня из-за моей племянницы. Наверное, она опять что-нибудь натворила. У меня всю жизнь из-за нее одни неприятности. Кстати, ты не знаешь, где сейчас Берта и какие у нее проблемы с полицией?

— Нет, не знаю… — замялась Ника. — У нее все в порядке, не волнуйтесь.

— Конечно, «не волнуйтесь», «у нее все в порядке». Только у меня вот из-за нее не все в порядке.

— Вот увидите, все образуется.

— Да уж, образуется.

Машина резко затормозила у полицейского участка.

— Приехали, — сказал дядюшка Симон. — Только мне интересно знать, какие у тебя могут быть дела в полиции? Или тебя тоже вызывают?

— Нет, у меня другие проблемы. И мне вовсе не надо в полицию, — крикнула Ника уже издали и помахала дядюшке Симону рукой.

— У всех проблемы, все куда-то торопятся. Что за жизнь? — пробурчал старик.

Ника вошла в большое здание и хотела незаметно проскочить мимо полисмена, но тот вовремя заметил ее и поманил пальцем:

— Кажется, ты хотела мне что-то сказать?

— Да.

— Я слушаю.

— Мне нужна доктор Лазарес.

Сердце девочки от страха вырывалось из груди. Но она смотрела прямо в глаза темнокожему полисмену и старалась держаться совершенно спокойно.

— Зачем тебе доктор Лазарес?

— Обнаружен робот полицейский и срочно необходима ее помощь.

— Наконец-то, — вздохнул полисмен. — Эта чертова жестянка могла наделать кучу неприятностей. Беги вот по этому коридору, а в конце свернешь налево.

Ника облегченно вздохнула и, не теряя ни секунды, побежала в указанном направлении. Полисмен посмотрел ей вслед, сел в мягкое кожаное кресло и развернул газету.

* * *

Когда Ника вошла в лабораторию, там никого не было. У Ники глаза разбежались при виде роботов всех размеров, форм и расцветок, которых здесь было множество. А компьютеры, дисплеи!

Вдруг кто-то тронул ее за плечо.

— Эй, ну что такое? — услышала она чей-то звонкий голос.

— Я — друг Робокопа, — улыбнулась Ника, догадавшись, кто перед ней.

Девушка удивленно подняла брови и развела руками:

— Ну, здесь его нет, извини.

— Да, я знаю, что его здесь нет, — детские глазенки внимательно смотрели на Мэри. — Но вы мне верите?

— Ох, по правде говоря, я уже не знаю, кому верить, —

задумчиво сказала девушка.

— Знаете, а он просил вам передать, что очень благодарен за то, что вы не полностью стерли ему память…

— Что ж, очень мило с его стороны. Хоть я до сих пор не уверена, что поступила правильно, — лицо Мэри неожиданно сделалось грустным.

— Почему?

— Потому… потому что он никогда не сможет стать человеком. И ему, наверное, очень больно осознавать это. Хотя, кто знает, может, это как раз нам надо завидовать ему.

Ника молчала. Она никогда раньше не думала о том, что сейчас сказала Мэри. Робот был для нее обыкновенной говорящей игрушкой, которую, правда, она не променяла бы ни на что на свете. Теперь же ей сделалось очень жалко Мэрфи.

— Однако, мне показалось, ты пришла ко мне не только для того, чтобы передать эту благодарность от Мэрфи?

— Знаете, ему очень нужна ваша помощь.

— Помощь?

— Да. Он уже почти не может говорить. Он не может двигаться.

— Но где он находится? О нем здесь говорят страшные вещи. Будто он стреляет в гражданских!

— Это неправда! — крикнула Ника. — Вы никому не верьте. Он ни в кого не стреляет.

— Но я и не верю. Мэрфи, никогда не станет стрелять в безоружных людей. Я его очень хорошо знаю. Однако ты не сказала мне, где он.

— Он в храме. В подземелье.

— В подземелье?

— Да.

— И мне надо идти туда? — на лице Мэри появилась растерянность.

— Да. Только вы можете ему помочь. Он в подземелье вместе с повстанцами.

— Но как он там оказался? Почему? Ведь в него заложена четкая программа, которую он не может нарушить. Неужели… Нет, этого не может быть…

— Когда полисмены начали стрелять в нас…

— Стрелять? Полисмены? — Мэри широко раскрыла глаза. — Ты ничего не перепутала?

— Нет. Это была реабилитационная служба во главе с каким-то Магдэгаром.

— Боже мой… — тихо произнесла Мэри и опустилась в низкое жесткое кресло.

— Когда они начали стрелять, — продолжила Ника, — мы спрятались в храме. И тут появились Мэрфи и женщина-полицейский.

— Это Льюис. Они всегда работают вместе, — задумчиво сказала Мэри.

— Да, ее звали Льюис. Так ее называл Мэрфи. Когда они зашли к нам, с улицы в мегафон закричали, чтобы все покинули храм. Мэрфи и Льюис вышли. Мэрфи сказал полисменам, что в храме одни гражданские. А Льюис добавила, что мы просто зашли сюда погреться. Тогда им приказали отойти в сторону, иначе против них применят силу. Но Мэрфи и Льюис остались стоять на месте. И тогда…

— Они начали стрелять? — вздрогнула Мэри.

— Да, они убили Льюис… — почти прошептала Ника.

Мэри закрыла лицо руками.

Они неплохо знали друг друга, хоть это и нельзя было назвать дружбой. Просто Мэри нравилась веселая девушка, которая неизвестно почему связала свою жизнь с полицейской работой, да еще и в дежурной части. Мэри немного ревновала ее к Мэрфи, но эта ревность была не злой, даже какой-то радостной: она была счастлива, что у Мэрфи есть друг. К тому же она догадывалась, что для Льюис он нечто большее, чем просто робот-полицейский, без души и сердца.

И вот теперь… Какие же они страшные люди, все эти флаты, магдэгары.

— …и тогда Мэрфи пошел с нами. Но уже тогда эффективность его работоспособности была не более двадцати пяти процентов.

Казалось, Ника вот-вот заплачет.

— Нам надо торопиться, — быстро поднялась с кресла Мэри.

— Вы поможете ему, да? — обрадовалась Ника. — Правда?! Вы поможете?

— Конечно, девочка.

* * *

Темнокожий полицейский дочитал последнюю страницу газеты и сладко зевнул. Он бы не отказался сейчас вздремнуть часок-другой.

В это время в коридоре появились Мэри и Ника.

— Идете обезвреживать робота? — расплылся в улыбке полисмен. — Надеюсь, хотя бы вас он не тронет?

Мэри ничего не ответила и равнодушно прошла мимо.

* * *

Отома-сан быстрыми шагами направился к лестнице, чтобы подняться на этаж выше. На мгновение он остановился, перегнулся через перила, чутко прислушиваясь. Было тихо.

На площадке было окно, выходящее на крыши соседних зданий. Он открыл его и бросил взгляд на площадку. Затем, ухватившись за водосточную трубу, вылез наружу. Продолжая держаться за трубу, он встал на узкий карниз и захлопнул за собой окно.

Дождь поливал его, стоящего на скользком узком карнизе и проклинающего этот единственный путь, который приведет его в лагерь повстанцев, к Робоко-пу.

С ловкостью гимнаста, он, осторожно ступая, двинулся по карнизу и вскоре достиг следующей трубы, достаточно крепкой, чтобы выдержать его массивное тело.

Самым трудным было, когда он переходил с горизонтального карниза на вертикальную трубу: внезапно его рука сорвалась, и он повис над черной бездной.

Обхватив трубу коленями, он начал медленно спускаться. И только достигнув карниза, позволил сделать себе остановку.

Девятью метрами ниже под ним была плоская крыша. Он продолжил свой путь, и вскоре достиг ее. Отома-сан быстро добрался до края и спустился вниз по пожарной лестнице.

Осмотрев заставленный коробками и ящиками темный тупичок, который переулком соединялся с главной улицей, он бесшумно двинулся по нему.

В тридцати метрах, с левой стороны, находился вход в канализационные ходы. Отома-сан устремился туда: оттуда — прямой путь на базу повстанцев.

— Так-так-так! — услышал он чей-то голос. Отома-сан оглянулся. С оружием наготове его окружили три повстанца.

— Ты, наверное, один из ребят фирмы Конамицу? Да, впечатляешь… — сказал один из них, приближаясь к Отома-сану.

— Единственная неприятность в том, что хотя твой босс и владеет «Оу-Си-Пи», но мы… мы-то не принадлежим никому. Мы — сами по себе…

И тут Отома-сан выстрелил, а сам молниеносно отскочил в сторону.

Пуля попала говорившему в ногу, но он, падая, все же успел ухватить Отома-сана за пояс.

Японец изо всей силы ударил его кулаком по голове. Раздался страшный хруст проломленного черепа — повстанец был мертв. Отома-сан пинком отшвырнул его в сторону.

Снова грохнул выстрел.

Отома-сан чудом вывернулся, а пуля попала прямо между глаз второму повстанцу.

Оставшийся в живых видя, что, к его ужасу, он застрелил парня из своего отряда, пришел в ярость. Схватив обрубок металлической трубы, лежащий рядом, он молниеносным ударом выворотил японцу челюсть.

Обычный человек не выдержал бы такого удара, но Отома-сан схватил себя за лицо руками и ловко вправил челюсть на место.

Повстанец замер от неожиданности. Он понял, что перед ним — не человек. Он вновь поднял трубу над головой, но Отома-сан вырвал ее у него.

— Ты, наверное, хочешь знать, где находятся повстанцы? — закричал тот, сплюнув в сторону кибера.

— А вот поцелуй-ка лучше меня в задницу.

Отома-сан издал рычание, схватил последнего пальцами так, что превратил в подобие губки, из которой выжимают содержимое. Трещали кости, голова стала похожей на сдутый мяч. Отшвырнув обмякшее тело, Отома-сан ухмыльнулся. Осталось не так уж много — путь на базу восставших был открыт.

* * *

В лагере повстанцев царило мучительное ожидание

— прошло несколько часов, а Ника еще не вернулась. Тишину прервал едва слышный голос Мэрфи:

— Внимание, приближается автомобиль.

В эту же минуту в подвал вбежал постовой и доложил, что по улице, ведущей в лагерь, движется полицейская машина.

— Ребята, всем за оружие! Кажется, нам придется немножко напрячься! — крикнула Берта.

Все бросились на улицу.

Берта, Марено и Большой Сэм медленно пошли навстречу машине. Остальные засели на балконах, крышах, готовые в любую минуту открыть огонь.

За несколько метров до них полицейская машина с красной мигалкой остановилась.

Стояла напряженная тишина.

Дверца отворилась. Из машины выскочила улыбающаяся Ника, за ней следом вышла доктор Лазарес.

Долгая тишина прервалась многочисленными вздохами облегчения и короткими радостными возгласами.

— Здравствуйте. Куда идти? — только и спросила доктор

Лазарес.

Берта, обняв Мэри за плечи, повела ее к Мэрфи.

— Как дела, приятель? — наклонилась над ним Мэри.

— Бывало и получше, — Мэрфи был верен себе.

— Доктор, что-нибудь можно сделать, насколько он поврежден? — спросил Марено.

— Эффективность работы систем — 23 процента, — то ли себе, то ли Марено сказала Мэри.

Стоявшая рядом Ника забеспокоилась. Девочка знала, что это нижняя отметка, граничащая с полным отсутствием действий, после нее — невозможность восстановления, как смерть для человека.

— Мэри, мы опоздали, да? Он погибнет? — с тревогой спросила Ника.

— Думаю, мы сможем помочь нашему другу, если возьмемся за дело немедленно, — ответила доктор.

Отодвинув поочередно оба щитка, защищавших грудную клетку Мэрфи, доктор Лазарес отключила атомный генератор и понизила напряжение.

— Ну что ж, начнем с калибровки пограничных систем, — Мэри принялась за дело.

Все внимательно следили за каждым ее движением, особенно Марено.

— Господа! Мне понадобится ваша помощь. Работы хватит всем, — обратилась она к стоящим вокруг.

На экране зажглась лампочка тревоги и появилась новая надпись:

«Внимание! Тревога! Эффективность работы систем — 12 процентов».

— Ну, Мэрфи, не беспокойся. Я здесь, и все будет в порядке, — сказала Мэри.

Доктор Лазарес без труда сняла водонепроницаемую оболочку, обтягивающую все его тело, и начала обнажать многочисленные энерговоды нейропровода. Нажав кнопку, она отключила организм от питания.

Мэрфи погрузился во мрак.

Ему показалось, что вокруг все журчит и булькает. Нечто струящееся как будто слегка подталкивает, обволакивает его. Он прилагает усилия, хочет открыть глаза, но снова видит что-то зеленовато-серое, прозрачное. Это его память. Он плывет в ней. Правда, тело движется очень лениво.

Ему становится очень жарко. Ощущение такое, будто он весь в поту. И неприятно. Очень, очень неприятно. Вдруг обжигает боль в груди. Дышится с трудом. И плечо… оно тоже невыносимо

болит.

Он видит лица, сменяющие друг друга: лицо незнакомой женщины и лицо Энн Льюис…

Вдруг вспыхивает яркий свет, над ним — доктор Лазарес. Манипулируя инструментами, она что-то сосредоточенно делает в его груди.

Лицо Берты…

— Я не знаю, подойдет ли, но вот то, что вы просили принести, — сказала Берта, протягивая Мэри кусочки материи.

Мэри взглянула:

— Нет, нет, это не подойдет.

Лицо Марено…

Он старается помочь доктору, но, видимо, сделал что-то не так, потому что из груди Мэрфи резкой струйкой брызнула какая-то жидкость.

Мэри сердится, он слышит ее голос:

— Ах, черт побери! Нельзя же так, парень! Не торопись, аккуратнее…

— Смотрите-ка, ошибка включения! — слышит он голос Ники.

Легкий щелчок — и снова перед глазами Мэрфи мрак. Ему совсем скверно.

— Надо выбраться, надо подняться на поверхность, надо вынырнуть…

Как будто это ему удалось. Вынырнул. Стало светлее, прозрачнее. Голова освободилась, не слышно бульканья и журчания. Наступила тишина.

Перед глазами потоки света. Не такого, как прежде, а более легкого, какая-то золотисто-белая пелена.

Снова лица. Он едва их различает.

— Смотрите, он опять включился! — похоже, эта девочка не отходит от него ни на шаг.

— Ах, черт, — досадует Мэри, но руки ее заняты, она не может отключить его.

И снова Марено:

— У тебя будет все в порядке, дружище! — кричит он. — Тут что-то загорелось… А, ошибочное включение систем, — он обращается к Мэри.

Марено потянулся отключить, но тут его так сильно ударило током, что обожгло пальцы.

— Марено, поосторожнее, — предупреждает Мэри. — Ведь там системы коммуникации.

— Да я откуда знал! — удивительно, но Марено даже не чертыхается, а только дует на обожженные пальцы и морщится от

боли.

— Ну да, действительно, откуда же ты знал, что лезешь туда, в чем не разбираешься, — смеется Мэри.

Свет исчезает.

И снова у него перед глазами вода, полумрак. Это уже не просто вода, а река. Где-то далеко, на противоположном берегу, чуть брезжит свет. Он должен добраться туда, только там его спасение. Свет — это надежда, там, где светло, там ему помогут.

Мэрфи вздрагивает: вокруг он видит растянутые злобными ухмылками лица убийц…

Их заслоняет лицо Энн Льюис. Она протягивает к нему руки и умоляет:

— Найди, их Мэрфи, разберись с ними…

Снова невыносимая боль в груди и в плече. И почему-то очень много крови! Она хлещет из груди, стекает за пояс… Он стягивает с себя полицейскую рубашку, рвет ее, перетягивает наискосок плечо и грудь, но кровь сочится и сочится сквозь повязку. Рана сквозная, на спине — дыра, он чувствует это по тому, что невозможно дышать, воздух с шумным хрипом проходит сквозь дыру, не попадая в легкие. Они стреляли ему прямо в грудь, подлые убийцы! Стреляли хладнокровно. Он помнит этих мерзавцев, он узнает их в любом обличий. Особенно главаря, светловолосого крепыша с широким черепом и жесткой улыбкой садиста.

Обрывки воспоминаний вертятся у него в голове без всякой логической связи. Он чувствует, что надо попытаться обуздать свои мысли, привести их в порядок.

Робокоп открывает глаза, поворачивает голову и осознает, что движения больше не причиняют ему боли. Что-то изменилось. Он уже не тот.

Мэрфи включает систему проверки:

«Список основных директив:

СЛУЖИТЬ ОБЩЕСТВУ,

ЗАЩИЩАТЬ НЕВИНОВНЫХ,

ОБЕСПЕЧИВАТЬ ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАКОНА».

И еще:

«Директива N4 отменена.

Системы работоспособности в порядке».

— Мэрфи, привет! — слышит он голос Мэри и выплывает из небытия. — Добро пожаловать домой, дружище, — улыбаясь, говорит она.

* * *

Операция длилась несколько часов. Несколько часов напряженной работы, переживаний… все валились с ног от усталости. Только когда все нормализовалось, позволили себе пойти отдохнуть.

Мэрфи остался один.

Ника долго ворочалась, но никак не могла заснуть — не давали покоя переживания прошедшего дня. Она тихонько приподнялась и погладила по волосам Мэри, спавшую рядом. Как она была ей благодарна за Мэрфи! Девочка потихоньку встала и пошла к Мэрфи.

— Я не могу заснуть, — пожаловалась она Робокопу. — А как чувствуешь себя ты?

— Эффективность работы систем — 93 процента, — ответил Мэрфи. — Все, что выше 90 процентов, считается нормой.

— А почему Мэри называла тебя Мэрфи? Это что, твое имя?

— Меня так звали раньше.

— Когда раньше?

— Я не могу тебе ответить точнее, но знаю, что именно так меня когда-то называли.

Ника села рядом.

— Ну, а теперь, когда тебе стало лучше, ты же останешься с нами, правда? — говорила она, глядя Мэрфи в глаза. — Знаешь, Берта говорила, что если мы продержимся еще два дня, то они от нас отвяжутся, оставят нас в покое, и тогда нам не надо будет прятаться и всего опасаться. — Ника вздохнула. — А я найду своих родителей…

— Твоих родителей? — спросил Мэрфи.

— Да. Их схватили полисмены, а меня спасла Берта и Большой Сэм.

Мэрфи, включив электронный мозг, мгновенно восстановил список возможных участников сопротивления, полученный в полицейском участке. И вздрогнул от полученной информации:

— Давид Хелоран — ликвидирован 15.8.

— Кенко Хелоран — ликвидирована 15.8.

— Что с тобой, Мэрфи? — удивилась Ники, увидев, как он дернулся.

— Родители… — произнес Мэрфи. — Ты скучаешь без них, девочка?

— Да, — грустно вздохнула она.

— Все будет хорошо. Ты помнишь их, значит, они никуда не исчезли, никуда не делись, они всегда будут с тобой, — сказал Робокоп.

Его слова подействовали на ребенка успокаивающе. Она положила голову к нему на колени и закрыла глаза.

— Мэрфи, я тебя очень люблю и рада, что ты с нами, — произнесла она сонным голосом.

Через минуту она спала.

Мэрфи поднял руку в черной кожаной перчатке и нежно погладил Нику по волосам. Он не помнил, когда ему в последний раз было так же хорошо, как сейчас…

К ним подошла Мэри:

— Я услышала голоса и…

Мэрфи знаком показал ей говорить потише, кивая на спящую малышку.

— Ты балуешь ее, Мэрфи, сейчас ей полагается лежать в постели, — сказала она шепотом.

— Пусть еще немножко побудет со мной, — попросил Мэрфи.

Мэри улыбнулась, но в горле у нее что-то перехватило — пожалуй, этот робот способен на человеческие чувства больше, чем некоторые люди.

— Да, конечно…

Утром Берта отдала приказание Томасу Брэду и Сильвестру Максвеллу привести помещение базы в боевую готовность. А сама с Большим Сэмом и Марено начала обсуждать план предстоящих операций, чтобы отразить напор противника. Она предполагала, что именно сегодня полисмены реабилитационной службы предпримут новую попытку захвата базы.

Доктор Лазарес внимательно прислушивалась ко всему, о чем они говорили.

— Ладно, Берта, — сказал Томас Брэд. — Мы все сделали, как ты велела. Но что делать вот с этой штукой?

Все повернулись в его сторону, рассматривая непонятный предмет, напоминающий крылья. Берта на минуту задумалась.

— Боже мой! — присмотревшись повнимательнее, воскликнула Мэри. — Откуда это у вас?

Она подбежала к тележке, где лежала эта непонятная штуковина, и начала разглядывать ее со всех сторон.

— А, ерунда, стащили из полицейского арсенала, — сказала Берта, раздумывая, что же делать с этим предметом.

— А что? — важно сказал Марено, решив блеснуть своими познаниями. — Это, если я не ошибаюсь, система уничтожения самолетов Ф-27.

— Нет, нет! — замахала руками Мэри. — Это опытный экземпляр летательного аппарата для роботов, но мы еще не успели испытать его.

— Ты уверена в этом? — спросил Марено.

— Отчего же мне не знать, если я сама разрабатывала это устройство, — сказала, улыбаясь, Мэри. Для нее это было

приятной неожиданностью — увидеть здесь свое детище.

Лицо Берты расплылось в улыбке. Недаром она тогда почувствовала, что эта штука может оказаться очень и очень полезной для них.

— Вот так да! Скажи, пожалуйста, — восхищенно произнес Большой Сэм, — какие люди у нас здесь собрались — самые настоящие ученые!

Мэри подошла к Мэрфи, склонилась и начала отвертывать гайки. Аккуратно разложив их на скамье, взяла длинную отвертку и принялась за работу. Ее искусные руки сновали в гуще проводов, проверяя контакты и реле.

— Осталось только подключить к главной оперативной системе управления и отладить, — сказала Мэри и принялась за знакомую работу.

Ника внимательно следила за ее движениями. А восхищенный Марено вообще ни на шаг не отходил от доктора, удивляясь, что женщина может быть таким классным инженером.

— Главный недостаток, — продолжала Мэри, — что эта система сжигает много энергии, поэтому необходима дозарядка либо в процессе действия, либо непосредственно после функционирования летательной системы.

Доктор посмотрела на маленький экран. Этот аппарат был подключен к электронному мозгу Робокопа, и экран фиксировал все мысли, которые были в голове Мэрфи.

Сейчас на экране было лицо умирающей Энн Льюис, которая протягивала вперед руки и о чем-то беззвучно шептала.

— Ника, дай-ка мне вон ту проволочку, — обратилась Мэри к девочке.

— Эту?

— Да, — Мэри быстро соединила какие-то контакты, и все услыхали:

— Найди их! Мэрфи, обещай, что найдешь, — прозвучало с экрана. И все увидели последние минуты жизни Льюис.

При этих словах Мэрфи встал, резким движением сбросил с плечей аппарат и, высоко подняв руки, направился к выходу. Все опешили, ничего не понимая. Только Мэри сразу же догадалась о его намерениях.

— Что происходит, а? — спросил Марено, разводя руками.

— Извините, — Мэрфи кивнул головой.

— Эй, парень, не перегрелся ли ты? Куда отправился? — удивленно крикнула Берта.

Мэрфи повернулся к ним:

— У меня есть задание. Мне нужно его выполнить. Я обещал это сделать.

Все переглянулись.

— Все в порядке, — поспешила Мэри успокоить новых друзей. — Он всегда выполняет все, что обещает. А потом возвращается…

* * *

Пожилой, коренастый, плотно сложенный мужчина с головой, лысой, как яблоко, безостановочно трещал, нападая на дежурного полицейского участка сержанта Рика за то, что у него угнали машину, угонщики скрылись, а полицейские занимаются чем угодно, только не отработкой денег налогоплательщиков.

Сержант Рик безуспешно пытался вставить в этот поток слов какое-то объяснение и казался очень смущенным.

— Ты меня насмешил! — верещал лысый. — Какой робот? Робот — пришелец? Робот — привидение? И ты всем так отвечаешь? Может, я попал не в полицейский участок, а на представление юмориста?

Дверь едва не слетела с петель от резкого удара. Мужчина обернулся и проглотил язык. На пороге стоял робот.

Полицейские разлетелись в разные стороны. Рик вскочил со своего места с выпученными от удивления глазами:

— Мэрфи?

— Добрый вечер, сержант Рик, — подошел к нему Мэрфи. — Я хотел бы с тобой поговорить.

— Ты знаешь, что выдан ордер на твой арест? — спросил сержант.

— Да.

— Ты извини, это я так, на всякий случай спросил, — замялся Рик.

— Пожалуйста, укажите мне, где находится штаб-квартира реабилитационной службы.

— А-а-а… — с облегчением выдохнул сержант. — Прямо по коридору, там лесенка есть, дверь одна-единственная, так что не промахнешься.

— Можете вызывать пожарную службу, — бросил на ходу Мэрфи, идя по направлению к лестнице.

Штаб-квартира полицейской реабилитационной службы хотя и находилась рядом с полицейским управлением, но жила своей собственной жизнью и действовала автономно. И жизнь здесь проистекала бурно. То и дело звонили телефоны, в трубки громко кричали дежурные, офицеры отдавали приказы, а подчиненные носились каждый по своему поручению.

Мэрфи открыл дверь.

В суматохе его вначале никто не заметил. Каждый был занят своим делом.

— Всем подразделениям быть готовыми к 22.00, — объявил дежурный диспетчер, получив радиограмму.

К нему наклонился молодой офицер и попросил прикурить:

— Хикс, дай-ка огоньку…

— Если ты, подонок, не против, я предлагаю свои услуги, — Мэрфи, направив на них огнемет, выстрелил.

Длинные языки пламени тут же охватили диспетчера и офицера, одежда на них загорелась.

Мэрфи, стоя неподвижно, водил стволом огнемета по комнате, сжигая все и всех, пока ничего не осталось.

Вдруг в комнату вскочил офицер в бронежилете, вооруженный гранатометом. Весь заряд он выпустил в Мэрфи.

Но Мэрфи ничуть не пострадал.

Зато рядом с офицером стоял ящик с надписью «Не курить!», куда Мэрфи направил пламя огнемета.

Офицер со всех ног бросился бежать.

Раздался оглушительный взрыв. Взрывной волной офицера отбросило метров на десять вперед.

Мэрфи подошел к нему.

Офицер, пошатываясь, встал на ноги и прислонился к стене.

— Где Магдэгар? — спросил Мэрфи.

— Здесь его нет.

-..?

— На конспиративной квартире.

— Где это?

Офицер вытащил из нагрудного кармана адрес Магдэгара.

Штаб-квартира реабилитационной службы пылала. Огромные языки пламени и клубы дыма вырывались из разбитых окон.

На улице уже выли сирены пожарных машин, которые на большой скорости съезжались к месту происшествия.

* * *

Кунц пробирался по лабиринту подземных ходов. Он решил оставить лагерь повстанцев незамеченным.

Развязка наступит скоро, и ему незачем при этом присутствовать…

Из лабиринта на улицу он выбрался в четверть десятого.

Кунц подошел к своей машине, оставленной на стоянке несколько дней назад, посмотрел вокруг, сел в нее и поехал по

Истерн-стрит вверх, пересекая одну авеню за другой.

Вначале он ехал мимо маленьких магазинов и лавчонок, потом мимо больших универмагов и дорогих магазинов, мимо квартала театров… подальше от района Кадиллак-Хайц.

Он наблюдал за мелькавшими лицами прохожих, спрашивая себя, неужели кто-то в этот момент испытывает такой же животный ужас, как он?

Наконец машина остановилась. Кунц вышел из нее и направился в кафе на углу. Войдя, он сел у стойки и заказал сэндвич и кофе.

Музыкальный автомат орал вовсю, заглушая голоса посетителей, кроме ближайших соседей по стойке:

— Знаешь, хочешь, верь, а хочешь нет, но играли мы так, что даже игральные кости загорелись…

— А мы были у Хансонов и так нажрались, что… ну, ты понимаешь. Моей старухе это здорово не понравилось, так что пришлось ее немного проучить, чтобы не скрипела над ухом…

Чужая болтовня немного успокоила его и даже способствовала появлению аппетита. Он заказал еще кофе, пирожки и жареную колбасу.

Здесь, на Истерн-стрит, он чувствовал себя в своей тарелке — в мире воров и проституток, альфонсов и прощелыг он был своим.

Кунц подошел к телефонному автомату и бросив туда никелевую монетку, набрал номер. Услыхав через несколько секунд озабоченный мужской голос, он, ни слова не говоря, повесил трубку.

Кунц вышел из кафе и быстрым шагом направился к своей машине. Это был длинный серебристо-серый «бьюик-ривьера». Ему невольно вспомнилось замечание лейтенанта Финча: «Слишком шикарная коляска для обыкновенного полицейского». Да, такие покупки можно оплатить, если только умеешь «играть в прятки», делая вид, что не видишь, как кто-то ловит рыбку в мутной воде и обделывает свои незаконные делишки. Но так устроен мир, и не ему менять заведенный порядок. Он всего-навсего воет вместе с волками, а это выгодно.

Кунц думал лишь о том, как бы составить приличный капитал. Деньги, которые ему платила компания «Оу-Си-Пи», переводились на счет в банк, и там у его уже собралась неплохая сумма. До сих пор сведения, которые он передавал, были весьма важными.

На юго-западе Детройта, где дома стояли в окружении высоких деревьев, Кунц остановился перед современным кирпичным зданием, которое своей формой напоминало корабль. Поставив машину на стоянку, он вошел в бар.

* * *

Полицейский Питер Джилмер уже несколько раз брал на крючок полицейского Кунца, но тот всякий раз скрывался и уходил от преследования.

У Питера были с ним свои счеты, свести которые он намеревался при первом же удобном случае. Питер уже несколько дней выслеживал его, догадываясь, где сейчас Кунц и с какой целью.

Питер не мог простить ему убийства Энн Льюис. Он знал, что Кунц приложил к этому руку, что все происшедшее случилось по его, Кунца, наводке.

Вот уже несколько дней Питер вертелся возле бара на Стэнхоут-плейс. В этом баре пела Эвис Крекстон, молодая особа, в которую был влюблен Кунц.

Подъезжая в очередной раз к бару, Питер заметил машину Кунца, стоявшую на стоянке, и направился туда.

Перед главным входом в бар в зеркальной витрине можно было полюбоваться фотографиями выступавших здесь «звезд».

Не только сам бар, но и стойка в огромном зале, имели форму корабля.

Попасть сюда мог каждый, кто был при деньгах. Завсегдатаи — гангстеры, рэкетеры, игроки, сутенеры — отнюдь не были украшением бара. Атмосфера здесь была постоянно накалена. В прокуренном, пропахшем виски зале в любой момент можно было нарваться на неприятности…

Случайные посетители сидели у стойки, за столиками, пили, ели, курили, слушали музыку, громко болтали, совершенно не догадываясь, куда они попали.

Певица Эвис Крекстон стояла в голубоватом свете прожектора рядом с роялем. На ней было тонкое ярко-красное платье.

Эвис была высокая, с довольно широкими плечами, узкими бедрами и длинными стройными ногами. Ее пышные волосы цвета красного дерева были старательно уложены в прическу. Большие зеленые глаза ярко блестели. Макияж был верхом совершенства.

Метрдотель, негр высокого роста и атлетического сложения, направился к Питеру и предупредил, что все места заняты.

Питер с улыбкой предъявил ему жетон полицейского.

Негр испытующе взглянул на него:

— Простите, вы кого-нибудь ищете?

— О, нет. Просто хочу посидеть, развлечься.

— Что ж, желаю приятно провести время.

Питер Джилмер прошел в зал, огляделся. Краем глаза заметив, что Кунц здесь, отыскал укромное место у стены, сел в кресло.

Его заметила Эвис. Она насторожилась.

В перерыве Эвис подсела к Кунцу и, наклонившись, что-то прошептала на ухо.

Кунц быстро оглянулся. Взгляд его обежал зал и уперся в полицейского.

— Да, это он, — тихо сказал Кунц. Эвис подозвала метрдотеля.

— Кто этот человек, что только что вошел?

— Коп. Он вас обидел?

— Нет, но он преследует моего друга… Если можно, я хотела бы поговорить с ним.

— Конечно, сестра. Но если вы с ним не поладите, мигни мне.

Эвис улыбнулась:

— Спасибо, генерал!

Метрдотель подошел к Питеру:

— Сэр, с вами хочет побеседовать дама.

Питер слегка опешил:

— Дама?.. Какая дама? — удивленно спросил он, оглядывая зал.

— Наша певица Эвис.

Питер, пропустив негра вперед, пошел следом. Рядом с Эвис они остановились.

— Садитесь! — сказала Эвис. В ее интонации было нечто среднее между капризом и приказом.

Питер сел. Несколько минут они разглядывали друг друга и молчали.

— Я хотела бы знать, почему вы не оставите его в покое? — спросила наконец Эвис сдавленным голосом.

— Кого? Я что-то не понимаю, о ком вы говорите, — мягко проговорил Питер.

— Еще как понимаете! — взорвалась Эвис. — Вы преследуете его, чтобы убить.

— Вы отдаете себе отчет, в том, что говорите? — Питер вскочил.

— Не притворяйтесь и не пытайтесь меня запугать! Я не беззащитный цыпленок! Оглянитесь. Если вы тронете одного из нас, вам отсюда живым не уйти. Этим людям все равно, кто вы такой. Им достаточно только одного моего слова, — она с

вызовом посмотрела на полицейского. — Надеюсь, у вас хватит ума, чтобы понять это.

— И что дальше?

— Дальше я повторюсь: почему вы преследуете его?

— Потому что не хочу допустить убийств, этого достаточно? — он посмотрел Эвис в глаза. — Вы его так горячо защищаете, но откуда вам известно, что его руки не залиты кровью? Вы разве так уж хорошо его знаете?

— Да, — твердо ответила она.

— И как долго длится ваше знакомство?

Поколебавшись, она ответила:

— Мы познакомились сразу после моего приезда в Детройт,

— Когда это было?

— Полгода назад.

Питер Джилмер усмехнулся:

— Ну, с тех пор прошла целая вечность!

— И все-таки я уверена в нем! — горячо заговорила Эвис. — Я ни за что не поверю, будто он может быть замешан в грязном деле.

Питер бросил быстрый взгляд туда, где еще недавно сидел Кунц. Он исчез. Питеру только и оставалось, как чертыхнуться, что его так ловко обвели вокруг пальца.

* * *

Питер не ошибся.

Кунц в это время поднимался в удобном бесшумном лифте на восьмой этаж, где жила его подруга Лорри

Винс. Одно время Кунц часто встречался с ней, были даже мысли о женитьбе, но встреча с Эвис заставила его забыть обо всем.

Достав из кармана ключ, Кунц открыл полированную входную дверь и оказался в прекрасно обставленной комнате.

Громадное окно во всю стену закрывали гардины розового цвета. На полу лежал ковер ручной работы. Мебели было немного, но она была изящная.

На широком диване лежала женщина в шикарном полупрозрачном пеньюаре цвета спелого абрикоса. Она смотрела телевизор. Эта была Лорри Винс.

Она лениво повернула голову:

— Что с тобой? Опять что-нибудь приключилось? — вместо приветствия спросила она.

— Отстань!

Она засмеялась:

— Ах, узнаю Кунца! Ты ни на минуту не можешь забыть о своих делах! И знаешь, ты сейчас похож на вагнеровского героя — ну, вылитый Зигфрид! Молчаливый, строгий, исполненный непередаваемого достоинства!

— Зато ты стала чересчур болтливой, — проворчал Кунц. — Лучше встань-ка, да принеси мне тот сверток, что я у тебя оставлял.

— А не поздновато ли сейчас? — спросила она. — Ты ведь говорил, что это просто вещественное доказательство, которое ты хочешь отнести в участок. Но в эти часы никого из начальства там уже нет… Одни дежурные.

Кунц тяжелым взглядом посмотрел на нее. В его глазах загорелись холодные огоньки:

— Лорри, ты ведь знаешь, что у меня часто ночные дежурства…

Лорри, почувствовав за спокойствием Кунца плохо скрытое бешенство, поспешно встала:

— Да, да, конечно, сейчас принесу, — быстро сказала она и скрылась за дверью.

Кунц вышел в прихожую и от нечего делать начал рассматривать путеводитель по городу, валявшийся на телефонном столике. Когда ожидание наскучило, он быстро прошел через гостиную и бесшумно открыл дверь спальни.

Лорри стояла на коленях между кроватью и секретером и что-то разглядывала, наклонив голову. Почувствовав взгляд, она быстро оглянулась и побледнела, увидев Кунца.

Взгляд Кунца остановился на пистолетах со свинченными глушителями, которые лежали на куске плотной бумаги, и нескольких гранатах. Тут же были различные карты, фальшивые документы и сверток с героином.

— Кунц грустно улыбнулся:

— Мне жаль, но ты оказалась слишком любопытной, — он начал медленно подходить к ней.

— Боже мой, значит, — прошептала она, — ты связан с убийством этих людей. Я могу верить или не верить, но вот доказательства: ты убивал, предавал их… Ты, ты…

— Не стоило утруждать себя и сверх всякой меры интересоваться чужими делами, — сказал он, приближаясь к Лорри. — В следующий раз будь поосторожнее, крошка, а сейчас мне очень жаль тебя…

Медленно протянув руку, он схватил ее за воротник пеньюара и притянул к себе.

Она не сопротивлялась. На это у нее не было ни сил, ни воли.

Лорри походила на кролика перед удавом.

Кунц методично бил женщину по лицу. Выражение его лица было спокойным. Казалось, он сам не понимает, что делает, загипнотизированный действом.

Наконец, собрав последние силы, Лорри взмолилась:

— Ты убьешь меня…

Он, очнувшись, отпустил ее и отошел в сторону. Лорри рухнула на пол.

Кунц взял сверток и посмотрел на Лорри, лежавшую на полу, с невеселой усмешкой:

— Я сожалею, но тебе не стоило делать этого, Лорри, это было неосторожно с твоей стороны.

Кунц вышел из квартиры, осторожно закрыл за собой дверь и медленно шагнул к лифту.

* * *

Питер Джилмер зашел в лифт, который поднял его на восьмой этаж, и отключил ток. Лифт стоял, но открыть дверь снаружи было невозможно.

Стоя в темной кабине, он наблюдал сквозь маленькой окошко за лестницей. Он прижимался лицом к стеклу, чтобы все время иметь в поле зрения дверь квартиры. Из нее никто не выходил.

Питер ждал, и ждать пришлось недолго.

Дверь открылась, из квартиры вышел мужчина со свертком в руке, осторожно закрывший за собой дверь.

Питер сразу узнал Кунца.

Кунц было направился к лифту, но передумал, остановился, достал из кармана пистолет с глушителем…

Он чувствовал себя так, будто его исхлестали плетьми. Одна мысль не давала покоя: он где-то ошибся, сделал неверный шаг, его погубила чрезмерная самоуверенность, а тут еще эта сучка Лорри…

Кунц с силой рванул на себя дверь, ведущую в коридор. В голове шумело так, что он даже не услышал шума открывающейся двери лифта.

Через некоторое время Кунц услышал за спиной шаги. Не оборачиваясь, он на цыпочках побежал по коридору. Пистолет он держал на уровне плеча, дулом вверх, как опытный стрелок, готовый выстрелить в любое мгновение.

Питер бежал следом.

Все повторялось, как в кошмарном сне: коридоры, лестницы, снова коридоры…

Бежать, бежать все быстрее и быстрее, только бы избавиться от преследователя!..

На одной из лестничных площадок Кунц остановился и перегнулся через перила. В ту же секунду он увидел Питера. Лицо полицейского показалось ему огромным. Кунц успел заметить еще, как Питер поднял руку и прицелился.

В тот же миг Кунц бросился бежать. Он бежал наперегонки со смертью, а смерть в образе Питера Джилмера уже почти дышала ему в спину.

Добежав до пятого этажа, Кунц сделал обманное движение, и Джилмеру показалось, что противник скрылся в коридоре.

А Кунц, сняв туфли, в одних носках, мягко, по-кошачьи, несся в это время, перепрыгивая через ступеньки на спасительный третий этаж. Только бы успеть — и он будет спасен, время работает на него!

Вот, наконец, коридор, вот и лестничная площадка перед дверью его номера.

Кунц торопливо достал из кармана связку ключей. Он больше всего боялся теперь, что не успеет вовремя открыть все замки — каждую секунду здесь мог появиться Питер. Но вот щелкнул последний замок, дверь открылась.

Он влетел в прихожую, захлопнул дверь, налег на нее всем телом и принялся лихорадочно щелкать замками, одновременно настороженно прислушиваясь, не загремят ли сейчас шаги перед его номером.

Он присел на корточки. Ноги не держали его. Голова была тяжелой, словно ведро с мокрым песком.

— Ах, черт, — захрипел Кунц. Голос, казалось, доносился откуда-то из-за стены. Он никак не мог взять себя в руки, его трясло.

Он закрыл глаза, чувствуя, что никогда еще так близко не был к помешательству…

Поняв, что проиграл, Питер сунул пистолет в карман и стал медленно спускаться по лестнице. Он чувствовал себя обманутым и опустошенным.

Он вышел на улицу, немного постоял, прислушиваясь и не зная, что надеется услышать. Но было тихо. Питер подошел к стоянке, сел в машину и уехал.

* * *

На первом этаже огромного отеля находился ночной клуб. Это было прибежище гомосексуалистов, где смазливые блондины

встречались со своими друзьями или занимались поисками новых.

Изредка здесь можно было послушать игру органиста, играющего в стиле Жан-Мишель Жарра.

Женщины сюда почти никогда не заходили, а если и появлялись, то только лесбиянки.

Кунц, окинув взглядом это заведение, быстро прошел к лифту и поднялся на третий этаж.

Выйдя из лифта, постоял, прислушиваясь. Потом бесшумно пошел по длинному коридору и остановился у двери комнаты N112. Снова настороженно прислушался и огляделся.

Дверь номера напротив была приоткрыта. Кунц на цыпочках подошел к ней, приоткрыл пошире и заглянул внутрь.

В комнате царил ужасный беспорядок.

От двери, через маленькую прихожую, до самой кровати валялись различные предметы женского туалета: черное шелковое белье, вечернее платье, чулки. Перед дверью лежали черные замшевые туфли.

Возле кровати — открытый чемодан из свиной кожи, из которого беспорядочным ворохом выглядывало разноцветное женское белье.

Со стула свисал прозрачный голубой халатик с короткими рукавами.

На кровати лежала обнаженная женщина. Глаза были закрыты, из полуоткрытого рта вырывалось шумное дыхание пьяного человека. Ее упругие груди с коричневыми сосками соблазнительно торчали вверх.

Кунц прикрыл дверь и вернулся к номеру 112.

Магдэгар при звуке открывающейся двери рывком схватил пистолет, лежащий на столе, но увидев своего агента, опустил руку и сел.

— А, это ты… — Магдэгар затянулся, выпустил с шумом дым и облизнул пересохшие губы.

Лицо у него было красное и злое, волосы растрепанные, а вся его одежда измята.

— Я так понимаю, вы согласны заплатить хорошие деньги тому, кто знает и укажет, где находится робот, — заявил Кунц, переходя к делу и стараясь не вдыхать глубоко затхлый запах комнаты.

— Что ж, я не против. — сказал Магдэгар, кивая головой и щуря воспаленные глаза. — Деньги действительно будут хорошие, если информация, которую ты, как я полагаю, принес, подходящая.

Он медленно выдвинул ящик стола, достал оттуда пачку

стодолларовых ассигнаций. Положил на край стола, достал еще одну, точно такую же, потом, по одной, еще три. Старательно сложил их в ряд. Задвинул ящик и внимательно посмотрел на Кунца, не говоря ни слова.

— Что ж, неплохо, особенно если учесть, что последний раз именно моя информация помогла кому-то вовремя спасти задницу, — хмыкнул Кунц.

По коридору прозвучали шаги.

Магдэгар встал, подошел к двери, закрыл ее на ключ и повернулся к Кунцу:

— Я жду.

Они принялись обсуждать какой-то план.

Внизу хлопнула парадная дверь. Натужно затрещали ступеньки. Голосов никаких не было. Усилился только шум приближающихся шагов. Но этот стук, казалось, был металлическим — им показалось, что задрожало здание. Оба содрогнулись, понимая, что игра в «кошки-мышки» подходит к концу.

С пистолетом в руке, уже не таясь, Кунц выскочил в коридор, потом на лестницу, на секунду остановился, пытаясь определить, откуда исходит шум, и стремглав, обливаясь потом, помчался наверх.

Стук и шум исходили снизу.

Встревоженный бегством Кунца и приближающейся опасностью, Магдэгар весь напрягся. Вскочив с кресла, как кошка, держа оружие наготове, он прислушался.

Но звуки прекратились так же внезапно, как и возникли. Наступила такая тишина, что Магдэгар услыхал тиканье часов на своей руке. Он еще немного подождал, прислушиваясь и надеясь, что, в конце концов, это какая-то случайность. Тяжело переводя дыхание, Магдэгар провел ладонью по вспотевшему, напрягшемуся лицу.

Вдруг тяжелый грохот возобновился.

Магдэгар подошел к балконной двери и выглянул на залитую солнцем улицу, надеясь, что это обычный шум какого-то разгружаемого груза, но под окнами никого не было.

Нет, металлический, равномерный и тяжелый звук шел явно изнутри.

Неужели это ЕГО шаги?!

Магдэгар потихоньку подошел к двери и приоткрыл ее.

По коридору шел мальчик лет семи.

— Эй, малыш! — позвал его Магдэгар. Мальчик остановился.

— Поди-ка сюда, смотри, хочешь такую игрушку? — он показал ребенку пистолет.

Глаза у мальчика загорелись:

— Да, сэр, хочу.

— Тогда иди сюда! Мальчик вошел в комнату.

Магдэгар, обливаясь потом, быстро втолкнул его на середину комнаты и запер дверь на ключ.

* * *

Мэрфи приближался к отелю. Его шаги гулко стучали по тротуару.

Возле отеля, испуганно прижимаясь к стене, стояла молоденькая худенькая девушка с копной рыжих волос, перевязанных белой ленточкой, и большими голубыми глазами. Сейчас они были полны слез.

К ней приставали, не давая пройти, двое здоровых молодых полисменов, только что вышедших из бара и наполненных алкогольным весельем и игривостью.

— Сэл, смотри, какая крошка нас встречает, — протяжно сказал один из них и обнял девушку за талию.

Та отбросила его руку.

— В чем дело, — спросил другой, давясь от смеха и выдыхая винный перегар. — Разве ты не знаешь, что твой гражданский долг помогать полиции не только работать, но и отдыхать? Или ты не любишь ребят в форме?

— Ребята, прошу вас, отпустите меня, я тороплюсь домой, у отца сердечный приступ после того, как его уволили из компании «Оу-Си-Пи»…

— О, тем более соглашайся, крошка! Денег у вас нет, а мы хорошо заплатим! — каждый вытащил по пачке мятых купюр, протягивая их девушке.

Мэрфи остановился в трех шагах от них, наблюдая за этой сценой:

— Она же сказала вам — нет.

Полисмены не оглянулись.

Мэрфи нажал на спусковой крючок…

— Ступай домой, девушка, надеюсь, больше тебя никто не тронет.

Насмерть перепуганная девушка еще мгновение стояла, а потом изо всех сил бросилась бежать.

* * *

Мэрфи вошел в отель.

Показался пожилой управляющий-японец с невозмутимым выражением лица.

Мэрфи показал ему жетон полицейского:

— Где Магдэгар?

— Номер 112, — ответил управляющий и кивком головы указал в сторону лифта.

— Надеюсь, здание застраховано.

Брови японца медленно полезли вверх.

Минуту спустя Мэрфи стоял перед дверью комнаты N 112.

После нескольких выстрелов в замок дверь настежь распахнулась.

Мэрфи оказался в заколдованном царстве абсолютной тишины. В комнате стояла темная, похожая на старинную, мебель, множество уютных кресел и диванчиков со стеганой обивкой, на полу лежал цветастый ковер. Камин, много цветов в огромных вазах — на полу, на низеньких столиках. Но этот простор, покой и уют пахли затхлостью, несвежестью, как слишком надолго запертая квартира, которую не проветрили после ночной попойки. Зловоние превратило красоту в ничто. К тому же Мэрфи уловил, что вся комната пронизана волнами страха и опасности. Эти волны были почти осязаемы…

Пол Магдэгар всегда и во всем старался быть первым. У него совершенно отсутствовало понятие совести и порядочности, деньги, только деньги были для него всем смыслом и счастьем в жизни.

Он был из той породы людей, которые просто чудом остаются на свободе, в то время, как их законное место в тюрьме.

Он был совершенно неразборчив в добыче средств к роскошному существованию. И единственное, чего он достиг не подлостью, это то, что он был прекрасным стрелком.

Он был своим парнем среди проституток, гомосексуалистов, наркоманов, и все знали, если Магдэгар берется за работу, то выполняет ее безупречно, какой бы она ни была — просто грязной или кровавой.

Повернув голову, Мэрфи увидел сидящего за столом возле стены Магдэгара с автоматом. Вторая рука была опущена под стол.

— Не спеши, Мэрфи! — закричал он.

— Отчего же не поторопиться? Я хочу передать тебе привет от Энн Льюис, — сказал Мэрфи, направив на шефа реабилитационной службы пусковую установку.

— Без глупостей, ржавая банка! — снова закричал Магдэгар. — Стоит мне нажать вот на эту штуку, как ты вылетишь

через все потолки прямо в небо, а вниз посыплется дождем твоя начинка. А если тебе хочется разыграть героя, то посмотри на этого засранца, — он вытащил из-под стола мальчика. Ребенок, зажав рот обеими руками, захлебывался от рыданий, его глаза умоляюще смотрели на Робокопа.

— Он же ре-бе-нок, а робот не может убить ребенка, но если в твою паршивую башку придет какая-нибудь оригинальная идея, то я — не робот, я разорву этого гаденыша на куски, ведь сейчас он — мой страховой полис.

Магдэгар рывком поднял ребенка над полом. Малыш, растопырив руки, отчаянно закричал уже во весь голос.

Магдэгар знал, что делал. Мэрфи не оставалось ничего другого, как подчиниться. Все привитые ему понятия и программы делали невыносимыми даже мысль о том, что ребенку может быть причинен вред.

Магдэгар, прикрываясь мальчиком, подбежал к окну и открыл его. Затем, отшвырнув ребенка в сторону, выскочил на террасу. Оттуда он прыгнул на асфальт, но, не удержавшись, успел сделать только два шага вперед и свалился набок. Смягчая удар, он несколько раз перевернулся через себя, вскочил и бросился к подъезжающей полицейской машине, которая резко тормознула рядом.

— Стой, стой! — закричал он, пытаясь открыть дверцу машины.

— Что случилось? — шофер-полицейский высунулся из окна.

Раздался выстрел. Пуля просвистела совсем рядом с ухом Магдэгара. Но он, не обращая внимания, рывком открыл дверцу и заскочил в машину.

— Поехали! Быстрей, черт бы тебя побрал! — кричал Магдэгар, едва переводя дыхание.

Шофер дал полный газ.

Мэрфи выбежал из отеля.

Длинный «фольксваген» розового цвета, быстро промчавшись по улице, остановился у входа со страшным скрежетом.

Из машины выскочил широкоплечий негр в черном костюме и с белым шарфом вокруг шеи. Он подошел к даме в длинном вечернем платье и меховом манто, поджидавшей такси и нервно оглядывающейся по сторонам.

— Где деньги? — он грубо схватил ее за руку и рывком повернул к себе.

Дама что-то залепетала.

Негр достал нож и приставил его к бедру женщины:

— Ты только зря отнимаешь мое время, и мне это не нравится, — зашипел он.

— Сэр, я вынужден на время воспользоваться вашим автомобилем, — сказал ему Мэрфи. — Извините, это крайне необходимо, я из полиции.

Негр отпустил руку женщины и начал медленно поворачиваться к Мэрфи. Дама, используя момент, вскочила в такси, машина тронулась.

— Какого хрена, ты, подонок… — наконец обернулся нервный тип. Но, увидев Робокопа, выронил нож и прикусил язык. — Я хотел сказать, да, да, конечно, господин полицейский, — мямлил он, вытаскивая ключи. — Я законопослушный гражданин, я понимаю, мы все должны помогать полиции…

Мэрфи сел в «фольксваген» и помчался вперед.

Несколько минут спустя розовый «фольксваген» начал догонять автофургон, а затем сел ему на хвост.

Широкий автофургон занимал собой всю полосу дороги, не давая возможности обогнать его.

Некоторое время машины неслись почти рядом по длинному прямому шоссе.

Через несколько сотен метров впереди показался грузовик, который, не торопясь, громыхал навстречу.

«Фольксвагену» пришлось уступить дорогу, и он немного приотстал. Едва он снова начал догонять авто-фургон, чтобы обойти его, как мимо промчался автокатафалк с развевающимися лентами венков, и он снова был вынужден отстать.

— Прикрой меня! — крикнул Магдэгар шоферу, перебираясь в салон фуры.

Вооружившись гранатометом и пристегнув себя ремнем к стенке, он распахнул заднюю дверь и открыл шквальный огонь по машине Мэрфи.

После каждого выстрела машину бросало из стороны в сторону, постепенно начали отлетать различные детали: фара, крыло, бампер, капот. От машины остался один остов. Тем не менее, Мэрфи продолжал преследование.

Робокоп открыл ответный огонь по автофургону.

Стенки и крыша автофургона были покорежены пулями, но так как они были сделаны из пуленепробиваемой стали, то выстрелы только решетили их, не доставая Магдэгара.

— Командир! — вдруг закричал шофер.

Магдэгар повернулся и увидел впереди ребят, катающихся посреди дороги на роликовых коньках. Услышав шум приближавшихся машин, мальчишки разбежались.

Магдэгара осенило. Он полез в карман, вытащил толстую пачку долларовых ассигнаций и с размаху швырнул их на

асфальт.

Купюры разлетелись по шоссе, а затем, подхваченные ветром, весело затанцевали, покрывая собой все большую площадь.

Увидев такое, дети бросились на дорогу и начали собирать деньги, ссорясь и вырывая их друг у друга, бегая туда-сюда за случайно вырвавшейся бумажкой. Мозг Мэрфи мгновенно отозвался на электронный сигнал тревоги:

— Внимание! На дороге — дети!

Не останавливаясь, Мэрфи резко крутанул руль, машина свернула на обочину. Он остановился и вышел из нее.

Автофургон удалялся на бешеной скорости, а Магдэгар со злорадной улыбкой что-то прокричал ему, размахивая руками и подпрыгивая.

— Ребята! Смотрите, смотрите! — радостно закричал какой-то чумазый мальчуган.

Мальчишки, увидев вышедшего из машины робота, вначале замерли от восторга, а потом, подбежав, обступили его тесным кольцом, не переставая удивляться чуду.

— Сэр, сэр! Скажите, пожалуйста, вы тот самый, да? — теребили они Мэрфи.

Мэрфи, ничего не отвечая, поднял в приветственном жесте руку, отчего мальчишки просто застонали, гордясь таким обращением, потом сел в машину и, вывернув с обочины на шоссе, погнал дальше.

* * *

Кунц сел в свой автомобиль, включил мотор, однако не тронулся с места.

Он видел, как умчался на автофургоне Магдэгар, как за ним последовал Мэрфи.

Только тогда Кунц развернулся и помчался в противоположном направлении.

Проехав увеселительный квартал, освещенный кричащими световыми рекламами, он свернул на бульвар. Крайне возбужденный, чувствующий себя, как канатоходец, идущий по очень высоко натянутой проволоке и без страховочной сетки внизу, Кунц не сразу заметил остановившуюся в нескольких десятках метров впереди него знакомую машину.

Из нее вышел мужчина, который легким шагом пошел по тротуару, размахивая на ходу руками. Кунц содрогнулся — это был Питер Джилмер.

Кунц сбавил скорость и медленно поехал за ним, сверля

спину полицейского взглядом, полным ненависти. У него даже руки задрожали при мысли, что бы он сделал, попадись тот ему в удобной ситуации.

Питер шел, время от времени поднимая голову и поглядывая на номера домов, будто искал что-то определенное.

В конце улица ответвлялась узким переулком, ведущим к Истерн-сити. Вдоль него тянулись огромные строения складов, и даже днем здесь царил сумрак. Место было малолюдным. Питер свернул как раз в этот переулок.

Увидев, что Джилмер исчезает из виду, Кунц прибавил скорость.

Войдя в переулок, Питер обратил внимание на работающий мотор и звук движущейся машины. Он обернулся.

Обычно машины здесь не ездили, переулок был слишком узок для этого.

Питер понял, что этот «бьюик-ривьера» охотится именно за ним.

На секунду остановившись и бросив молниеносный взгляд по сторонам в поисках убежища, Питер в метрах двухстах впереди увидел калитку, ведущую в какой-то двор. Сообразив, что это именно то, что ему нужно, он, не раздумывая, побежал туда.

Его черный плащ развевался, словно крылья. Задыхаясь, Питер изо всех сил рвался к спасительной калитке.

Какое-то время бежавший Питер и «бьюик-ривьера» находились приблизительно на одном и том же расстоянии, но когда Кунц разгадал план Питера, он прибавил скорость.

Питер бросил взгляд назад. Поняв, что ему не уйти, он закричал, но по инерции сделал последний рывок, пытаясь достичь места спасения.

Оставалось каких-то несколько метров, когда машина настигла его. Она подбросила Джилмера так, как бык на корриде подбрасывает незадачливого матадора…

Пролетев по воздуху, Питер упал на спину. Струйка крови вытекала из уголка его рта, руки еще конвульсивно царапали асфальт, но голова уже беспомощно откинулась назад. По асфальту расплывалось темное пятно…

Кунц огляделся. Улица была по-прежнему пустынна и сонно молчалива.

Кунц тихо двинулся к распластанному на асфальте телу. Через мгновение колесо пошло по лицу Питера, превращая его в кровавую массу…

На лице Кунца появилась довольная усмешка. Ну, вот и все. Он почти свободен.

Теперь его путь лежал в сторону района Кадиллак-Хайц.

* * *

Берта нервничала. Прошло несколько часов, а Мэрфи все еще не появился. Чтобы скрыть волнение и раздражение, она предложила Марено поиграть в карты.

Время тянулось невыносимо долго. Но и карты не могли отвлечь ее:

— Господи, ну где же этот робот, черт бы его побрал! — то и дело повторяла она.

Марено, придавая своему голосу как можно более невозмутимый тон, пошутил:

— Берта, нам ничего не стоит поездить по кварталу и послушать, где гремят выстрелы, чтобы убедиться, что этого парня черт еще не прибрал.

Мэри отвлекала Нику тем, что показывала ей на компьютере новые фокусы.

Ника подключилась к электрической сети и несколько раз посигналила светом.

— А это что такое? Ника, это твоих рук дело? — не поняла поначалу Мэри.

— Конечно, — с гордостью ответила Ника. — Я подключилась к системе управления.

— Вот молодец! — восхищенно воскликнула Мэри. — Дай-ка и я попробую.

Сделать это ей не удалось из-за сильного грохота. Все вздрогнули.

Из мрака вырос Кунц.

— Парень, ты рехнулся, — вскочила Берта. — Меня чуть инфаркт не хватил. Ладно, ребята, я уже ждать не могу. Пойдемте кто-нибудь со мной.

Кунц преградил ей дорогу:

— Не торопись, у меня есть идея получше. Думаю, вы с ней согласитесь. Сядьте-ка все и успокойтесь. Мы всегда понимали друг друга…

Кунц выхватил пистолет и направил его на них.

— Вам не стоит утруждать себя беготней и поисками, потому что еще минута-другая, и все будет кончено, не знаю, будете ли вы мне благодарны, но задачу я вам облегчу, это уж точно, вы меня знаете…

— Ах ты, сука продажная, — побагровевший Марено вскочил, собираясь броситься на предателя с кулаками, но его удержали Сэм и Сильвестр.

— Вот тебе и наш спокойный Марено! Что ж ты, парень, себе позволяешь? Право, я не ожидал от тебя такого, ведь здесь же

женщины и ребенок! — издевался Кунц.

Неожиданно позади Кунца вырос Томас Брэд. Одной рукой он придавил его к себе, а другой приставил пистолет к виску:

— Брось оружие, Кунц!

Кунц поднял руки и застыл, как статуя, с зажатым в руке пистолетом.

— Эй, ублюдок! Где твои хваленые сноровка и сообразительность? Я же сказал — брось пистолет! Здесь не школа для слабоумных — я дважды повторять не буду!

Пальцы Кунца разжались, пистолет упал на пол.

— Мне придется здорово тебя огорчить, недоносок, если ты сейчас же не скажешь, что имел в виду, когда говорил, что все должно кончиться через несколько минут, — Марено, ухватив Кунца за горло, тряс его изо всех сил.

Голова Кунца болталась из стороны в сторону, зубы лязгали, он было, собирался открыть рот, но не успел…

Желтое пламя сверкнуло в разных местах помещения, послышались выстрелы и топот ног. В комнату ворвались полисмены реабилитационной службы.

Повстанцы выхватили оружие. Началась перестрелка.

— Мэри, уводи Нику! — крикнула Берта.

— Бежим, Ника! — Мэри схватила девочку за руку и потащила за собой.

Полисмен, плашмя лежавший на полу, трижды выстрелил в Берту. Одна из пуль чиркнула ей по лицу. Берта залилась кровью.

Помещение сотрясалось от выстрелов.

Спрятавшись за ящиками, Томас дважды пальнул в том направлении, откуда раздавались выстрелы. Но высокий полисмен, появившись сзади, выстрелил ему в спину.

Томас, обливаясь кровью, свалился на пол. Пальцы его разжались…

Увидев замертво упавшего друга, Марено бросился на широкую спину полисмена.

Тот удивленно вскрикнул, споткнулся и выпустил оружие. Марено схватил его за горло. Выпрямившись, полисмен поднял Морено на себе. Марено сжал зубы, еще крепче ухватившись за горло врага. Он весь перекосился от напряжения, но знал, что если выдержит напряжение еще немного, то победит.

Полисмен отбивался изо всех сил. Он прижал Марено к стене, придавив всем своим телом. У парня перехватило дыхание, но он держался из последних сил. Наконец, Марено последним конвульсивным движением сдавил ему кадык, полисмен захрипел, несколько раз дернулся и, затихнув, сполз на пол.

— Бежим отсюда, Марено, живей! — крикнул ему Большой

Сэм. — Нас предали! Нужно уходить за баррикады!

Прячась за ящики, они начали отходить.

Мэри с Никой подбежали к вентиляционной решетке и, вцепившись в нее что есть силы, начали тянуть. С одной стороны решетка поддалась. Они потянули еще раз, решетка отогнулась.

— Ника, живее лезь, — Мэри помогла девочке выбраться на ту сторону. — А теперь беги, малышка, беги! — Мэри начала задвигать решетку обратно. — Беги, не жди меня! Мне здесь не пролезть!

— Нет, нет! — плакала Ника. — Не бросай меня, я снова останусь одна! Они и тебя убьют!

— Беги! — услышав приближающиеся шаги, снова крикнула Мэри и резко отскочила в сторону.

Повернувшись, она увидела идущего к ней Магдэгара и нескольких полисменов.

— Ну, голубушка, мы пришли за твоим приятелем. Где он? — спросил Магдэгар, оскалясь.

— Пошел к дьяволу! — ответила доктор Лазарес.

— Отвезите ее в штаб, — приказал Магдэгар. — я разберусь с ней позже. Рано еще применять физические меры воздействия, по крайней мере, я так обещал, — он многозначительно посмотрел на Мэри.

* * *

Инспектор полиции Джонсон и сержант Рик находились в полицейском управлении. Инспектор негодовал по поводу огромных убытков, которые понесли городские власти и полиция:

— Я говорю о повреждениях на сотни миллиардов долларов.

— Но, сэр, — возразил сержант Рик. — Иначе мы не смогли бы выполнять нашу работу.

— В таком случае… — инспектор сделал длинную паузу. — Дальнейшие разрушения будут отнесены на ваш счет. Буду высчитывать из вашей зарплаты.

— Послушайте, — сержант поднял вверх указательный палец. — В конце концов, это ваша идея — реабилитационный центр.

Дверь распахнулась, в управление вошел Магдэгар с несколькими полицейскими. Он остановился перед сержантом:

— Мне нужно пятьдесят ваших людей. Полностью вооружите их и отправьте в район Кадиллак-Хайц.

Сержант молча смотрел на него. Магдэгар переглянулся с инспектором:

— Мы должны очистить этот район к определенному сроку, — пояснил он.

— Мы больше не можем выполнять эту работу, — наотрез отказался сержант.

— Сержант, — вступил в разговор инспектор. — Это и мой приказ тоже…

Рик не дал ему договорить:

— Полицейские не могут действовать против мирного гражданского населения, — невозмутимо стоял на своем сержант.

— Но как же так? — опешил инспектор. — Вы что, хотите потерять пенсию? Вы проработали пятнадцать лет, а сейчас хотите все отправить к чертовой матери?

Магдэгар, подчеркивая каждое слово, вставил:

— Вы, надеюсь, не забыли, что работу этого полицейского участка финансирует фирма «Оу-Си-Пи»?

Сержант скривил лицо, сплюнул и, сорвав с груди полицейский жетон, бросил его на пол:

— Вот что я думаю о вас и вашем сраном «Оу-Си-Пи»! — заорал он.

Все полицейские немедленно отвлеклись от своих дел и стали внимательно следить за тем, чем закончится словесная перепалка.

Сержант встал и пошел к выходу.

— А вы подумали о своей семье? — бросил ему в спину Джонсон.

Рик повернулся:

— Именно поэтому я и ухожу. Свою семью я защищу как-нибудь сам.

Гарри Силк, сидевший рядом, отложил в сторону бумаги, сорвал с груди жетон и, глядя на инспектора в упор, бросил полицейский знак рядом с жетоном Рика. Еще двое молодых полицейских сделали то же самое.

— Все сотрудники полиции одновременно являются и сотрудниками фирмы «Оу-Си-Пи»! — вопящий рот Магдэгара перекосился. — Вы потеряете все! Вы потеряете право на пенсию! Вас нигде не возьмут на работу!

Но его слова уже никого не волновали. Все остальные полицейские, бросив незаконченные дела и оставив задержанных, сорвали жетоны и бросили их в кучу к ногам Джонсона и Магдэгара.

Управление опустело.

Взгляд Магдэгара упал на одного из задержанных, судя по внешним признакам — одежде, нечесанной малиновой гриве, из банды Плашера. Он уже бочком пробирался к двери в надежде

улизнуть. Магдэгар направил на него пистолет:

— А ну, сюда, урод!

Кривляясь своей изуродованной физиономией, ухмыляясь ртом, в котором не хватало не менее половины зубов, бандит подошел.

— Слушай, ты! — Магдэгар брезгливо поморщился. — Ты и твои друзья, вы не хотели бы заработать немного денег?

Подонок взглянул на Магдэгара. Торжествующая улыбка мелькнула на звероподобной роже, но тут же исчезла.

* * *

Ника долго блуждала по лабиринтам подземных ходов, но выйти из здания никак не удавалось. Все выходы были завалены грудами металлической арматуры, некоторые — закрыты тяжелыми решетками, отодвинуть которые у нее не хватало сил. Это было похоже на настоящую западню.

Все тело девочки ныло и болело — в этих узких вентиляционных коридорах она могла только ползать или лежать.

Ника посмотрела наверх, туда, где почти у самой ее головы протянулись провода в пластмассовой оболочке. Ника освободила от изоляции небольшой участок провода, подключила к нему свой мини-компьютер и нажала кнопку.

На экране появилось привлекательное лицо дикторши, которая передавала последние новости:

— Три монахини и пятеро гражданских лиц стали жертвами Робокопа, который несколько дней назад взбунтовался, и теперь действует против гражданского населения. Особенно он активен в районе Кадиллак-Хайц, — девушка сделала паузу. Потом встала, швырнула листок с текстом и закрыла лицо руками. — Я больше не могу читать это вранье! — закричала она.

Ника подсоединилась к другому проводу.

На экране появилось помещение диспетчерской службы реабилитационной группы. На месте одного из диспетчеров сидел Магдэгар:

— Внимание! Говорит «Большой»! Всем подразделениям! Раздать оружие подонкам, действия их не ограничивать!

На другом экране Ника увидела Мэри, одиноко сидящую в комнате, больше похожую на камеру. Внезапно она вскочила и крикнула:

— Убийцы! Сукины дети! Мразь!

— Как приятно слушать тебя, милочка, — раздался издевательский голос Магдэгара.

Ника быстро отключила компьютер и поползла вперед по коридору в поисках выхода.

* * *

Большой Сэм и Марено шли по улице, где на каждом столбе были расклеены листовки-обращения к жителям Кадиллак-Хайца о выселении их из занимаемых домов. Это была на редкость убогая улица, грязные фасады домов которой украшали только пожарные лестницы. Мусорные ящики теснились на тротуаре. Фонари с разбитыми стеклами были отключены. В конце улицы было несколько лавчонок с грязными витринами.

— Ну, что дальше? — угрюмо спросил Марено.

— Что, «дальше?» — посмотрел на него Сэм.

— Все! Игра окончена!

— Будет болтать! — оборвал его Сэм. — Берта говорила, что нужно продержаться еще немного.

— Увы, Берта убита…

В этот момент они услышали сирены полицейских машин. Звук нарастал. Марено и Сэм забеспокоились. Через минуту они увидели с десяток черных полицейских машин, свернувших на их улицу. На середине они остановились, из них стали выходить вооруженные полицейские. Первым вышел сержант Рик. Он поднял вверх обе руки и заговорил:

— Внимание! Через сорок минут в квартале начнется бойня. Женщины и дети прячьтесь в подвалы. Мужчины, берите в руки оружие, будете помогать полиции! Все вы отныне зарегистрированы в качестве помощников начальника полиции этого округа. Пора показать им, что мы в состоянии защитить себя.

Марено и Сэм подошли к Рику и пожали ему руку. Улица начала наполняться вооруженными мужчинами.

Через некоторое время раздались дикие вопли. На них надвигалась отвратительная орда, жаждущая крови.

— Ну, вот и они, — сказал Марено.

— Не стрелять до особого распоряжения, — приказал Рик.

Мэрфи спустился в подвал. Он знал этот путь — отсюда кратчайшая дорога до базы повстанцев. Но как только Мэрфи вошел туда, как к нему со всех сторон бросились полисмены реабилитационной службы. Все они держали оружие наготове. К Мэрфи вышел офицер:

— Ты арестован, Робокоп, я предлагаю…

Он не договорил. Не ожидая ничего хорошего, Мэрфи

выскочил в окно. Матовые стекла брызнули тысячами осколков, а от металлической оконной рамы отлетел солидный кусок. Мэрфи почти добежал до двери, как вдруг створки с грохотом сомкнулись перед ним. Топот бегущих ног навел на мысль, что он попал в ловушку.

Мэрфи по штабелю ящиков быстро забрался на одну из верхних балок. Внизу раздались хриплые крики и загремели выстрелы. Пули насквозь пробивали потолок, расплющиваясь о стальные балки.

Несколько человек полезли по пожарной лестнице, к стоящим внизу подбегали остальные полисмены.

Мэрфи, стараясь выиграть время, ждал, пока внизу соберется побольше полисменов.

— Ладно, слезай, жестянка, я ничего тебе не сделаю! — Закричал офицер, но Мэрфи уловил в его голосе скрытую ярость против Робокопа, который посмел ослушаться и принять сторону повстанцев. Мэрфи начал медленно спускаться, стараясь выглядеть как можно более неуклюжим.

Офицер и десятка три полисменов ждали его внизу. При его появлении полисмены вскинули автоматы, но офицер жестом остановил их.

— Не спешите, ребята! Это — моя жестянка, я сам о нем позабочусь.

Он выстрелил. Мэрфи рухнул на пол. Офицер прицелился еще раз, но вдруг Мэрфи встал. Из его руки выдвинулась автоматическая пушка. Раздалось пронзительное шипение, пушка изрыгнула длинные языки пламени. Подвал заполнился душераздирающими криками, но вскоре все исчезло в чудовищном пламени.

— Это за Энн Льюис, — сказал Мэрфи.

На базе, куда он наконец добрался, не было ни пуши. Горели какие-то бумаги, лежали тела убитых.

* * *

Отома-сан некоторое время молча наблюдал за Мэрфи, а потом легким шагом двинулся ему навстречу, размахивая в воздухе мечом. Руки автоматически выдвинулись вперед, левая закрывала грудь, а правая лицо.

Они приблизились друг к другу. Отома-сан нацелился прямо в лицо Мэрфи, но тот отразил удар. Отома-сан отступил, затем вновь двинулся вперед, сделал обманное движение, но Мэрфи избежал удара, уклонившись в сторону.

— Я из полиции Детройта, — сказал Мэрфи. — Назови себя.

Ответом Отома-сан было стремительное движение вперед. Меч, скользнув по правому виску Мэрфи, ободрал его. Следующим был удар в голову. Мэрфи пошатнулся, но удержался и сделал выпад в сторону противника. Отома-сан легко уклонился. Мэрфи рванулся за ним и нанес сильнейший удар в челюсть, но тот даже не пошатнулся.

— Вы арестованы за нападение на полицейского, — сказал Мэрфи.

На лице Отома-сан не дрогнул ни один мускул. Он разбежался, подпрыгнул и ударил ногами в грудь

Мэрфи. Робокоп потерял равновесие, сделал несколько шагов назад, но все же удержался на ногах. Отступая назад, Мэрфи натолкнулся на пусковую установку. Медлить было нельзя. Он вскинул ее, навел на цель, и в ту же секунду голова кибера разлетелась на части.

Мэрфи занялся поисками летательного аппарата, который они с Мэри испытывали накануне. Он нашел его в углу. Губы исказились в подобии улыбки…

* * *

Доктор Лазарес металась в своей комнате, понимая, что ей ни за что не выбраться отсюда. Вдруг из вентиляционной отдушины послышался какой-то шорох. Она подняла голову. Лицо ее засияло.

— Ну, и как мы будем отсюда выбираться? — через решетку виднелось лицо Ники.

— Это твой компьютер помог тебе добраться сюда? Ника, попробуй подключить меня к передающей антенне…

Ника принялась за работу. Через некоторое время над Детройтом раздался голос Мэри:

— Граждане Детройта! Все, что делают с вами, это незаконно! Район Кадиллак-Хайц — это только начало. Они всех приберут к рукам. Здесь будет построен не город, а концентрационный лагерь. Но мы не можем, как роботы, подчиняться им. У нас есть гражданские права. Фирма «Оу-Си-Пи» — преступная корпорация. И она получит по заслугам. А сейчас вы должны защищать себя…

Город замер, слушая Мэри.

Магдэгар, позеленев от злости, отправил к Мэри офицера и двух полисменов, чтобы заставили ее замолчать.

Закончив обращение, Мэри начала баррикадировать столами и шкафчиками дверь, понимая, что Магдэгар этого так не оставит.

Через некоторое время раздался стук в дверь, потом в ней повернулся ключ, задергалась дверная ручка. Мэри стояла у двери с табуретом в руках. Несколько сильных толчков — и ее баррикада рухнула. В комнату ворвался офицер. Не дав ему опомниться, Мэри изо всей силы ударила его по голове, а когда он упал, вырвала из рук автомат. Вошедшие следом полисмены были встречены направленным на них оружием. Они подняли руки вверх, выпуская пистолеты. Мэри затолкала их в комнату, быстро повернула ключ, а затем швырнула его в мусорную корзину.

Она вызволила из неволи Нику, и они побежали по узкому коридору в сторону выхода.

* * *

За ликующими подонками, стреляющими куда попало, шли два мощных танка. Бандиты расступились, пропустив их вперед. Танки открыли огонь. Сопротивления они не встретили — броню пробить было невозможно, а попасть в смотровые щели можно было только случайно. Земля дрожала от взрывов. Но вот нашлось кое-что получше, чем автоматы, и загорелся первый танк. От него вспыхнула вторая машина. Подонки приостановились. Огонь и дым ненадолго задержали наступление.

Бандиты начали забрасывать повстанцев гранатами. К грохоту гранат примешивался шум выпавших и разбившихся витрин, крики раненых и автоматные очереди… Языки пламени лизали здания, трава на газонах вся выгорела.

— Сержант, что же теперь будет? — спросил Марено, морщась от боли, пока Сэм перевязывал ему плечо.

— Гранаты к бою! — крикнул Рик. Он взял связку, перебросил ее через плечо и пополз мимо укреплений. И вдруг остановился. Среди оглушительного грохота он уловил пронзительный свист, шедший прямо с неба. Он посмотрел наверх. Над головой, словно ископаемая птица, сверкая в лучах заходящего солнца, летел Мэрфи.

— Матерь Божья! — облегченно вздохнул он и торжествующе засмеялся.

Мэрфи пронесся над рядами подонков, осыпая их градом зажигательных пуль. Их одежда, стоявшие неподалеку машины — все схватывалось огнем, превращаясь в гигантский костер. Подонки ополоумели от ужаса.

Мэрфи развернулся и еще раз прошелся над врагом.

Охваченные пламенем бандиты, метались, неистово кружились, падали на землю, задыхались и хрипели.

— Бей этих гадов! — кричал Рик.

Повстанцы ликовали. Это была их победа, они ее заслужили.

Все происходящее в квартале Кадиллак-Хайц транслировалось в диспетчерскую службу.

Как только инспектор Джонсон и президент корпорации узнали, что полиция перешла на сторону повстанцев, что именно с их помощью ведутся бои, они были вне себя от гнева.

— Магдэгар! Что происходит? — вопил Блэк. — Операция практически провалилась!

— У нас есть предписание, которое мы должны выполнить, — сухо ответил Магдэгар.

Но Блэк метался в ярости:

— Я до сих пор возглавляю фирму, но теперь, Боже мой, мы разорены!

— Заткнись и сядь! — Магдэгар направил на него пистолет.

Блэк замолк, но продолжал стоять, растерявшись.

Инспектор Джонсон нервно теребил в руках носовой платок, видя, как вся его полиция помогает жителям квартала. Он зарычал, когда понял, почему вдруг подонки превратились в живые факелы.

— Ну, ладно, мистер робот, иди сюда и попробуй взять меня, — сказал он, вытаскивая из стола небольшой черный чемодан. Он нажал на кнопку, чемоданчик раскрылся. В нем находилось множество маленьких клавишей, кнопок и лампочек. Лицо Магдэгара расползлось в злорадной ухмылке. Он был готов к смертельному поединку. Ждать пришлось недолго.

Огромная стеклянная стена разлетелась вдребезги от мощного удара. В отверстие впрыгнул Мэрфи.

Несколько мгновений они молча наблюдали друг за другом.

— Чем могу быть полезен, господин полицейский? — подчеркнуто вежливо спросил шеф.

— Если вы не будете сопротивляться при аресте, то вы мне этим очень поможете, — ответил робот.

— Хотите арестовать меня? За что? — Магдэгар сделал удивленное лицо.

— За убийство полицейской Энн Льюис и многих жителей квартала Кадиллак-Хайц.

Джонсон и Блэк попятились к двери. Оставаться здесь дальше у них не было ни малейшего желания.

— Магдэгар, фирма «Оу-Си-Пи» — к вашим услугам. Можете ею владеть, распоряжаться… — Блэк не договорил и быстро скрылся за дверью.

Диспетчеры тоже поспешили оставить комнату.

— Куда же вы все убежали? Пропустите самое интересное! — крикнул вдогонку уходящим Магдэгар.

Но его уже не слышали. Вся компания бросилась бежать, чуть не сбив с ног идущих по коридору навстречу им Мэри и Нику.

* * *

Когда Мэрфи расправился, как ему показалось, с кибером и бросил его в подвале, то он не видел дальнейшего. Голова Отома-сана не разлетелась, она потрескалась и деформировалась. Но через несколько минут начало происходить что-то странное: фигура кибера расплылась, черты лица стерлись. Из его тела выплыло прозрачное облако. Мало-помалу облако приобрело контуры фигуры Отома-сана. Фигура постепенно уплотнялась, и через несколько минут второй Отома-сан, точная копия первого, стоял и ждал, пока лежащий Отома-сан приобретет прежний вид.

И пока Мэри и Ника шли к кабинету Магдэгара, киберы уже атаковали Мэрфи. Они одновременно оторвались от пола и нанесли сильный удар в голову Робокопа. Он упал. Обе фигуры подошли к нему, направив ему в грудь мечи. Сияющий зловещей улыбкой, Магдэгар подошел и с видом победителя поставил ему ногу на грудь.

— Ни к чему проявлять излишнюю прыткость, иначе можешь распрощаться со своими девочками, — сказал он, глядя на входящих в кабинет Мэри и Нику.

Но тут Ника открыла свой компьютер с телеметрической системой управления и быстро начала нажимать кнопки. Она подключилась к программе управления киберов, сняла наведение на цель с Мэрфи и перевела на обоюдное поражение их самих друг другом.

— Что ты делаешь! — закричал Магдэгар, увидев, что девочка работает с компьютером. — Прекрати! Остановите ее!

Но было поздно. Киберы подняли глаза и бросились друг на друга. Они одновременно подняли мечи и снесли друг другу головы. Их мощные обезглавленные тела, из которых повалил густой дым, рухнули к ногам Магдэгара.

— Проклятая соплячка, что ты наделала? — схватился руками за голову Магдэгар. — Эти киберы сработаны так, что в случае их уничтожения прибор сработает на разрушение!

— Как это? — спросила Мэри.

Магдэгар указал на черный чемоданчик. На электронном секундомере оставалось 15 секунд.

— Через 15 секунд здесь все будет разнесено на атомы в радиусе двадцати ярдов! Нам конец!

— Тут ты ошибся, — сказал Мэрфи и, встав на ноги, надел на плечи летательный аппарат, на лету подхватил Нику и Мэри, крепко прижал их к себе и вылетел через пробитую стеклянную стену.

Оглушительный взрыв раздался за их спиной, разнеся все вдребезги. Здание сразу охватил вихрь пламени.

* * *

Воздух был заполнен запахом гари.

Угол улицы был совершенно разбомблен. Пострадало много зданий. Кое-где уцелели только капитальные стены. Черными зубчатыми силуэтами поднимались они в небо. Между ними виднелись стальные балки, похожие на черных змей, которые, извиваясь, выползли из-под кирпичей.

Стояли обугливщиеся деревья. Наиболее тонкие ветки сгорели, листва почернела и скрутилась, торчали только стволы и самые толстые ветви. Они напоминали руки, трагически поднятые к небу в немой мольбе.

Сгоревшая трава на газонах мягко похрустывала под ногами.

Вокруг суетились люди. Они разгребали обломки, оттаскивали мусор подальше от домов, складывая его в кучу.

Суетились пожарные, гася еще кое-где дымившиеся здания.

Подъехали две большие, сверкающие на солнце машины черного цвета.

Из них вышли двое мужчин в черных костюмах. Это были мистер Конамицу и президент Блэк.

— Мистер Конамицу, — заискивающе говорил Блэк. — Я, конечно, понимаю, что все выглядит довольно неприглядно. Возможно, мы несколько переоценили собственные силы — уж слишком обширный район мы решили охватить. Но дайте нам шанс, и мы начнем все с начала. Что вы скажете?

— Что скажу? — медленно повернулся к нему Конамицу. — Вы уволены.

Блэк опустил голову.

Конамицу сел в машину и медленно поехал по улице, разглядывая истерзанные дома и лавируя между снующими людьми.

Некоторые бросили работу и смотрели — кто с ненавистью, кто потрясая кулаком вслед — на роскошную машину и респектабельного Конамицу, так нелепо выглядевших в этом пока

печальном районе.

Навстречу машине шли несколько человек.

Конамицу вышел к ним.

Он остановился возле Робокопа и медленно склонил перед ним голову.

— Не удивляйтесь, — тихо сказал он. — Я преклоняюсь перед вашим мужеством непослушания. Это не всегда удается даже сильным личностям, которые иногда поставлены перед нелегким выбором. Как вас зовут? Мэрфи, кажется?

— Мэрфи — так называют меня друзья, — он обвел глазами своих единомышленников. — Вы зовите меня Робокопом, ведь я полицейский.

Он подхватил на руки Нику.

Девочка прильнула к его груди, крепко обнимая за шею.

Марено, Мэри, Большой Сэм о чем-то оживленно заговорили, уже не обращая внимания на Конамицу.

Он еще несколько минут смотрел на них, затем машина тихо тронулась с места.

Роберт Пайк
БУЛЛИТТ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пятница. 9.10

Лейтенант 52-го полицейского участка Клэнси[1] вышел из такси на Фоли-сквер и стал медленно подниматься по мраморным ступенькам здания Уголовного Суда. Это был худощавый мужчина лет сорока шести-сорока семи, выше среднего роста, в серо-голубом костюме, дешевой белой рубашке с неумело повязанным галстуком в голубую полоску и в темно-синей шляпе, которая едва прикрывала седину, посеребрившую его виски. Худое лицо под полями потрепанной шляпы выглядело утомленным, а в темных глазах застыло безразличие. Поднявшись на крыльцо, он в нерешительности остановился, словно раздумывая, стоит ли ослушаться приказа и не явиться: учреждение, куда он направлялся, рождало в его душе неприятные воспоминания. К тому же он устал. За последние двое суток он спал всего лишь шесть часов. Ему пришлось расследовать запутанное дело, которое в завтрашних газетах наверняка назовут «рутинным», письменный стол в его служебном кабинете был завален высоченной кипой бумаг, да еще и начальник участка заболел, и на него навалилась куча дополнительных оперативных дел, а также еще представления на повышение, которые надо было либо подписать, либо отклонить, и в довершение ко всему мелкие семейные дрязги и бытовые скандалы с поножовщиной, жертвы которых ежедневно толклись у него в кабинете с надеждой на возможное разрешение своих проблем… Он на секунду остановил взгляд на зеленой площади, где в это солнечное утро кружились под порывами летнего ветра стайки голубей, а потом равнодушно и устало посмотрел на проказы детишек, для которых эта площадь была единственным местом для игр. Он ощутил прелесть этого утра. «Сегодня не стоило приходить сюда, подумал он вдруг, не стоило бы выслушивать Чалмерса, что бы он ни говорил. Сегодня самое подходящее время собрать снасти и уехать за город. Или проваляться целый день в постели. Ах да, пришла ему в голову мысль, никто же не заставлял меня становиться полицейским…» Он вздохнул, философски пожал плечами и толкнул тяжелую дверь.

Лифт мягко вознес его на четвертый этаж тихого здания, и он усталой походкой зашагал по широкому пустынному коридору, мимо ниш с фонтанчиками для питья и портретов бывших судей

штата, которые неровной пыльной вереницей тянулись по высоким стенам. Перед матовым стеклом знакомой двери он на секунду замедлил шаг и прислушался к ровному стрекоту пишущей машинки, доносившемуся из-за двери. Он нажал на дверную ручку и вошел в кабинет.

За пишущей машинкой сидела секретарша — дородная, не первой молодости дама с крашеными волосами, взбитыми в умопомрачительную корону, и с короткими накрашенными ноготками. При его появлении она прервалась, и ее толстенькие, похожие на гусениц, пальцы застыли над клавиатурой, пока она рассматривала лейтенанта. Взгляд ее маленьких глаз излучал холод, но на губах появилась улыбка, яркая и фальшивая, которая медленно расползлась по пухлому лицу.

— Привет, лейтенант! — Взгляд маленьких глазок побежал по поношенной шляпе, вытертому до блеска костюму, потом упал на неумело завязанный узел галстука и остановился. Она возобновила работу. — Давненько вы к нам не заглядывали. Как ваши дела?

— Все отлично, — деревянным голосом ответил Клэнси.

— Я так понимаю, вы теперь на 52-м участке? — Она подняла пухлую руку к крашеным волосам, отвела взгляд от галстука и чуть улыбнулась, пытаясь скрыть торжествующую улыбку. — Надеюсь, вам там нравится, лейтенант.

— Все замечательно. Там просто прекрасно, — ответил Клэнси спокойно и воззрился поверх ее головы на массивную дверь, ведущую в святая святых помощника окружного прокурора. Потом перевел взгляд на тайно злорадствующую секретаршу и спросил:

— Мистер Чалмерс долго будет занят?

— Я скажу ему, что вы пришли.

Она кокетливо развернула свое пышное туловище к двери, едва не смяв бюст о выступающий край пишущей машинки, ее палец ловко нашел и нажал кнопку селектора.

— Слушаю.

— Пришел лейтенант Клэнси, мистер Чалмерс.

— Клэнси? А… — Наступила секундная пауза. — Попросите его подождать.

Мужчина в потертом серо-голубом костюме явственно расслышал эти слова. Он стал теребить шляпу в руках, но на худом лице его эмоции никак не отразились. Он повернулся к стоящему у стены диванчику для посетителей. Голос раздался вновь:

— Миссис Грин! — Наступило молчание, словно невидимый обладатель голоса был в нерешительности. — Я вот что подумал:

возможно, лучше с этим делом сразу покончить. Впустите, пожалуйста, лейтенанта.

Клэнси встал с зачехленного диванчика, обещавшего ему пятиминутное отдохновение, и двинулся к внутренней двери, спиной чувствуя сардоническую улыбочку секретарши.

Он вошел в кабинет и, закрывая за собой дверь, с трудом удержался от того, чтобы с силой ею не хлопнуть. Клэнси глубоко вздохнул и посмотрел на человека, сидящего за широким письменным столом. Держи себя в руках, хладнокровно посоветовал он себе. Ты устал и тебе не следует сейчас сердиться. Смотри, чтобы этой паскуде не удалось тебя разозлить. Не дай ему воспользоваться твоей усталостью.

— Вы хотели меня видеть?

Помощник окружного прокурора ответил коротким кивком.

— Да. Садитесь.

— Я постою, если не возражаете, — ответил Клэнси. — Зачем вы хотели меня видеть?

Седые брови чуть дернулись.

— Ну, как хотите. Я попросил вас прийти, потому что вашему участку предстоит выполнить важное задание, и мне хотелось проинформировать вас об этом…

— Я получаю все указания от капитана Уайза, — спокойно ответил Клэнси.

— Он болен, как вам известно. Но вы получите подтверждение из надлежащего источника. Да к тому же это вовсе и не приказ. — Взгляд бледно-голубых глаз метнулся по письменному столу и замер на изящном ноже для вскрытия писем. Ухоженные пальцы взяли нож и стали бесцельно его вертеть.

— Это нечто иное. Один очень важный свидетель находится на вашей территории, и мы хотим, чтобы ему обеспечили круглосуточную охрану.

Помощник окружного прокурора посмотрел на лейтенанта, и нож, выполнивший свою роль, стукнулся о стол.

— Этот свидетель вызвался дать показания комиссии по уголовным делам в следующий вторник утром. — Он слегка кашлянул. — Его показания могут оказаться чрезвычайно полезными. Мы хотим, чтобы к тому моменту, когда соберется комиссия, он был бы жив.

Клэнси знал, что будет дальше. Его темные глаза гневно сверкнули.

— Я вас слушаю.

— Да вот, собственно, и все. Только это. Мы не хотим, чтобы его убили. — Наманикюренные пальцы небрежно взметнулись

над столом. Тихий голос звучал бесстрастно, почти равнодушно. — Мы не хотим, чтобы его кто-то убил. В том числе и какой-нибудь полицейский, любитель побаловаться «кольтом»…

Клэнси склонился над письменным столом. Костяшки пальцев, вцепившихся в поношенную шляпу, побелели. Несмотря на данное себе обещание не нервничать, он начал терять над собой контроль.

— Послушайте, Чалмерс, это меня вы называете «любителем побаловаться „кольтом“»?

— Я? Называю вас? — Белые ручки метнулись в разные стороны, выражая недоумение. — Вы меня не так поняли, лейтенант. Совсем не так. Я только хотел…

— Я знаю, что вы хотели! — Темные глаза впились в бледно-голубые. Клэнси вздохнул и выпрямился. — Ну, да, однажды я убил вашего свидетеля. Но он был сумасшедший. Он бросился на меня с заряженным пистолетом, и мне пришлось его убить. И вы позаботились о том, чтобы я не получил повышения, а был переведен на 52-й участок. — Тонкие пальцы перестали терзать помятую шляпу. Он подавил раздражение и понизил голос.

— Послушайте, Чалмерс. Если вы хотите организовать охрану своего свидетеля и вам не нравится, как мы это делаем, переведите его на территорию соседнего участка. Но только не надо… — Он осекся, понимая всю бесполезность дискуссии.

— Прошу вас, лейтенант. Не надо так волноваться! — В светлых глазах, глядевших в упор на Клэнси, появилась тень удовлетворения: помощник прокурора порадовался реакции посетителя. — Мне только хотелось объяснить, насколько нам важно обеспечить безопасность этого человека. Мы предложили ему поселиться под нашим надзором в отеле в центре города — в одном из лучших отелей, — но наш свидетель отказался. Он хочет остановиться в дешевом отельчике подальше от центра. Он считает, что там у него меньше шансов попасть на глаза нежелательным личностям. Разумеется, мы не можем заставить его делать то, что ему не хочется. Однако он согласился, чтобы с ним в отеле находился полицейский в штатском — кстати сказать, он даже сам об этом попросил.

Клэнси открыл было рот, чтобы возразить, но сразу прикусил язык. Он положил шляпу на угол стола, полез в карман, вытащил записную книжку, из другого кармана достал ручку и приготовился записывать.

— Ладно, — произнес он спокойным усталым голосом. — Как его зовут и где он прячется?

Импозантный хозяин кабинета откинулся на спинку удобного кресла. На его тонких губах появилась улыбка — смесь антипатии

и торжества.

— Его фамилия Росси, — мягко сказал Чалмерс. — Джонни Росси.

Клэнси вздернул голову.

— Джонни Росси? С западного побережья? Так он у нас здесь, в Нью-Йорке?

— Да, лейтенант.

— И он собирается давать показания комиссии по уголовным делам штата Нью-Йорк?

— Совершенно верно. В будущий вторник.

Клэнси нахмурился. Он стал машинально вертеть ручку в пальцах.

— Но почему?

Бледно-голубые глаза метнули на него взгляд.

— Почему — что?

— Почему он решил давать показания? И даже если так, то почему нью-йоркской комиссии? Почему не калифорнийской полиции? Или соответствующим представителям федеральных властей?

В первый раз за время их разговора по самодовольному лицу пробежала легкая тень.

— Сказать по правде, я и сам не знаю. — Тихий голос изобразил сомнение, но тут же снова окреп. — В любом случае мы все узнаем, когда он предстанет перед комиссией. А что касается того, почему он выбрал Нью-Йорк, то какая в самом деле разница? Его показания будут иметь силу вне зависимости от того, где он их даст. — Чалмерс пожал плечами и продолжил. — Может быть, здесь в Нью-Йорке он ощущает себя в большей безопасности. Или, может быть, он понимает, что я позабочусь о том, чтобы с ним обошлись непредвзято.

Клэнси хмыкнул. Взгляд бледно-голубых глаз снова потяжелел.

— У вас есть какие-нибудь комментарии?

— Да, — ответил Клэнси спокойно. — Мерзкая это затея.

— Прошу прощения?

— Я сказал: мерзко это все.

Щеголеватый чиновник резко выпрямился.

— Вот что я вам скажу, лейтенант. Вас вызвали сюда не за тем, чтобы выслушивать ваши замечания. Вас вызвали сюда…

— Вы ведь спросили, есть ли у меня комментарии, — прервал его Клэнси. — Вот еще одно соображение. Этот Джонни Росси виновен во всех мыслимых преступлениях, которые зафиксированы в уголовном кодексе. Вместе со своим братцем Питом он держит в руках все западное побережье. Ни один рэкет

не делается там без их ведома — платная охрана, игорные заведения, проституция — все! Но никто не может схватить их за руку. И вот когда в этом маленьком мире лопнула какая-то пружинка, нам надо охранять Джонни Росси. Это же смешно!

— Возможно, это и смешно, но такова суть дела, лейтенант. Вашей задачей в настоящий момент является не вынесение моральной оценки этому человеку. Вашей задачей является просто обеспечение его безопасности. Нравится он вам или нет.

— И еще последний комментарий, — продолжал Клэнси. — До сих пор никому еще не удавалось засадить его за решетку или, скажем, в газовую камеру[2], где ему самое место. Но если он собирается давать показания, я что-то никак не пойму, как ему удастся себя обелить. Если, конечно, в своих показаниях он не собирается сказать ничего существенного. Или если тут не кроется какая-то грязная сделка…

Человек за письменным столом издал недовольный вздох, открыл рот, намереваясь что-то произнести, но потом передумал. Наступила минутная тишина. Оба сверлили друг друга глазами. Когда Чалмерс, наконец, заговорил, его голос звучал тихо и напряженно:

— Мы не будем больше это обсуждать, лейтенант. Если вы думаете, что я упущу возможность допросить Джонни Росси перед комиссией по уголовным делам…

Клэнси, не моргнув, выдержал его тяжелый взгляд. Ну уж, конечно, ты не упустишь, словно говорили его глаза. Когда в зале заседаний будет полным-полно фоторепортеров и корреспондентов. Тебя и впрямь не интересует, отчего это вдруг Джонни Росси решил давать показания. Он поднял записную книжку и с шумом ее раскрыл.

— Хорошо, Чалмерс, — сказал он спокойно. — Под каким именем он здесь находится и где именно скрывается?

Чалмерс долго изучал стоящего перед ним полицейского прежде, чем удостоить его ответом.

— Он остановился в отеле «Фарнсуорт», номер 456. Он зарегистрировался под именем Джеймса Рэнделла. — Его глаза поискали настенные часы, рядом с которыми висела модернистская картина — скопление кричащих клякс. — Или, во всяком случае, он будет там в десять утра.

Клэнси и это записал и перечитал свои пометки, после чего сунул записную книжку в карман пиджака, а ручку закрыл.

— Хорошо. Мы не будем спускать с него глаз.

— Но только тихо. — Бледные глаза, в которых все еще не растаял гнев, вызванный замечаниями лейтенанта, впились в глаза Клэнси. — Никто об этом не знает.

— Мы все сделаем тихо. — Клэнси водрузил шляпу на темя. Его темные глаза были совершенно бесстрастны. — И мы доставим его вовремя. С руками и ногами.

Он повернулся к двери. Его точно ледяной водой окатило, когда раздался голос помощника окружного прокурора.

— Доставьте его живым.

Клэнси проглотил первые пришедшие ему на ум слова.

— Да, — только и сказал он, закрыв за собой тяжелую дверь.

В тихой ярости он пересек просторную приемную. Пышногрудая секретарша склонилась над пишущей машинкой, с улыбкой наигрывая на ней какую-то мелодию. Разъехавшиеся в улыбке губы обнажили большие белые зубы.

— До свидания, лейтенант.

Ох, уж эти зубы, подумал с отвращением Клэнси, идя к двери. Такие же, как ты сама, твоя улыбка и твой шеф Чалмерс. А возможно, и твой бюст. Белые, большие и — фальшивые.

Пятница. 10.15

Детективы Капроски и Стэнтон слушали инструкции в тесной обшарпанной комнате в здании 52-го участка, служившей кабинетом лейтенанту Клэнси. Разница между этой комнаткой и кабинетом помощника окружного прокурора в здании Уголовного Суда была существенной: здесь — исхоженный тысячами ног, в пятнах чернил, местами вспучившийся линолеум на полу, там — роскошный ворсистый ковер, на котором стоял Клэнси всего час назад. Здесь — небольшой поцарапанный стол, служивший предшественнику Клэнси и еще нескольким его предшественникам, там — широкий полированный стол красного дерева. В этой комнатушке стены были голые, а по углам стояло несколько деревянных стульев. Вместе с исцарапанными и побитыми шкафами для бумаг они почти загромождали все пространство крошечного кабинета. А окно выходило не на Ист-ривер с ее величественными мостами и живописными яхтами, чьи белые паруса испещряли голубую водную гладь, а на бельевые веревки в узких окнах, уныло свисавшие под бременем застиранных подштанников и выцветших комбинезонов.

Клэнси оторвал взгляд от пейзажа за окном.

— Такова суть дела, — сказал он спокойно. — В номере надо быть с ним неотлучно, по двенадцать часов каждому. — Он подхватил карандаш и начал вертеть его в пальцах. — Но это только до будущего вторника.

— Звучит многообещающе, — сказал Стэнтон. — Где этот

«Фарнсуорт»?

— На Девяносто третьей, у реки. Небольшой отель квартирного типа. Наверное, такой же, как и все тамошние заведения.

— Никогда не слышал о таком.

— Вероятно, потому-то он его и выбрал, — сказал Клэнси и посмотрел на Стэнтона. — Как ты сам-то считаешь: он выбрал его только потому, что никто о таком не слышал раньше?

— Может быть, — ответил, ухмыльнувшись, Стэнтон.

— Джонни Росси, — произнес задумчиво Капроски. Он откинулся на стуле, прислонившись к одному из шкафов, и стал медленно раскачиваться. — Это нечто, а? Это и впрямь нечто! Чтобы мы стали цепными псами для такого прожженного бандюги!

— Да, это нечто, — согласился Клэнси. Если он и почувствовал что-то, услышав свои собственные мысли, то не подал вида. — Как бы там ни было, это задание. Нравится оно нам или нет.

— Я вам скажу, что кое-кому это все придется не по душе, — иронически изрек Капроски. — Его старшему брату Питу. И мафии, на которую они работают.

— Да многим это придется не по душе, — философски заметил Клэнси. — С другой стороны, очень многие возражать не будут.

— Ну, — задумчиво сказал Капроски, — когда он заговорит, если вообще заговорит, — в чем я вовсе не уверен, — легавым западного побережья на целый год хватит работы, чтобы собирать осколки.

— Да, если только будут осколки после того, как он поведает комиссии свою историю, — сказал Клэнси. — Но мне это до лампочки.

— Знаешь, — сказал Стэнтон озадаченно, — что-то я не пойму. Джонни Росси…

— Не поймешь что? — спросил Капроски и осторожно повернул голову, стараясь не потерять равновесия и не сверзнуться со стула. — С чего это ему вздумалось давить на гудок?

— Не только. Хотя будь я проклят, если и это я понимаю. Ты не думаешь, что гангстер такого ранга мог бы и сам обеспечить себе надлежащую охрану на всей территории Штатов?

— Телохранители работают на мафию, как и все прочие, — категорически заявил Клэнси. — Они же наемные рабочие, на которых можно положиться не больше, чем на голодных крокодилов. Да стоит только кому-то из них шепнуть, что он

собирается заложить ребят, как его телохранители первые перережут ему горло.

— Да, но…

— Знаю! — Клэнси вздохнул и взъерошил волосы. — Дерьмовая это затея… Но это не наша забота. Наша задача — следить за тем, чтобы он был в достаточно добром здравии и смог предстать в следующий вторник перед комиссией штата по уголовным делам…

— Ну хотя бы, — сказал Капроски с глубокомысленной улыбкой, — у меня будет возможность одним глазком посмотреть, как живет элита. Могу поспорить, что на завтрак нам подадут гусиный паштет и шампанское.

Стэнтон смерил его взглядом и фыркнул.

— Он еще и надеется! В таком клоповнике, как «Фарнсуорт»?

— Они себе ни в чем не отказывают, эти гангстеры, — настаивал Капроски. — Сам увидишь!

— Ага, — сухо оказал Клэнси. — Так же, как бедняки. Гусиная печенка на куске ржаного хлеба и бутылка «чернил». Только по оптовым ценам. — Он встал со стула и посмотрел на часы. — Ну, поехали. Клиент уже должен был заселиться. Стэнтон, ты подежуришь первым — у тебя будет короткий день. Я пойду с тобой, Капроски, жду тебя сегодня вечером в восемь.

Капроски жизнерадостно закивал и чуть не упал со стула. Стэнтон встал. Он оказался на голову выше сухощавого лейтенанта. Оба взяли шляпы, кивнули на прощание третьему и, выйдя из кабинета, повернули в узкий коридор, ведущий в гараж полицейского участка. Клэнси обошел старенький «седан», постучал носком ботинка по шинам и сел за руль. Стэнтон согнулся в три погибели и, скользнув на сиденье рядом с водителем, захлопнул дверцу. Они сделали полукруг по замасленной железобетонной площадке тускло освещенного гаража, выехали через узкий переулок на улицу и влились в поток транспорта.

Стэнтон удобно откинулся на зачехленную спинку, вытащил сигарету, закурил и бросил горелую спичку в окно.

— Этот Росси… — начал он.

— Рэнделл! — поправил Клэнси коротко. — С этой минуты и до вторника он — Рэнделл. Нам тоже надо к этому привыкнуть. — Он взглянул на сидящего рядом рослого детектива. — Так что?

Стэнтон уставился на кончик тлеющей сигареты.

— Да я только хотел сказать: надеюсь, он играет в картишки.

— В картишки?

— Ну да! — Стэнтон пожал плечами. — А то по двенадцать

часов в сутки торчать с ним. Да еще каждый день. Надо же чем-то заняться.

Клэнси с трудом подавил улыбку.

— Почему бы тебе не убивать время, просто глядя на него? Таково задание.

— Конечно, но я…

— Слушай, мне наплевать, если ты просадишь ему свое недельное жалованье, но когда спустишь все деньги, Боже тебя упаси ставить на кон свой револьвер! — Его голос был серьезен. — Как бы я ни относился к этому проклятому бандюге, наша задача — чтобы он остался жив. Ведь если слух о том, что он собирается закладывать своих ребят, дойдет до их ушей, может статься, что револьвер тебе понадобится и очень скоро.

— Проиграю? Я? — возмутился Стэнтон. — В карты? Лейтенант, обижаешь!

— Что за странная вещь! — сказал Клэнси задумчиво, вертя баранку. — Я в своей жизни знал уйму людей, но ни разу не встречал такого, кто бы плохо играл в карты. Буквально все оказывались чемпионами. — Он усмехнулся, и в уголках глаз появились лучики морщин. — Я только хочу тебе напомнить: такие субъекты, как этот Росси, то есть, я хочу сказать, Рэнделл, наверняка передергивают. Ну, разве что за исключением тех случаев, когда играют на спички.

Стэнтон улыбнулся.

— Лейтенант, ты, как я погляжу, никогда не играл в карты с ребятами нашего участка. Если на свете существует хоть один вид мухлежа, в котором я ни бум-бум, хотел бы я знать, что это такое!

— Не сомневаюсь! — ответил Клэнси с ухмылкой.

Они свернули за угол и, оказавшись на Бродвее, объехали хлебный фургон, припаркованный чуть ли не перпендикулярно к тротуару, и покатили вдоль шеренги ветхих зданий. Картонные коробки с мусором выстроились на кромке тротуара в ожидании мусоровозов. Клэнси проехал коробки, встал у тротуара, выключил зажигание и поставил на ручной тормоз. Он приготовился вылезти из машины. Стэнтон удивленно смотрел на него.

— Здесь? — изумился он. — Мне-то, казалось, ты говорил, что этот «Фарнсуорт» находится у реки?

— Точно. Дальше пойдем пешком. И войдем в отель со служебного входа. Пошли.

Они пересекли переулок и оказались в тени многоэтажных жилых домов. Отель «Фарнсуорт» располагался во втором квартале. Это был типичный отель квартирного типа, стоящий почти вровень с тротуаром, восьмиэтажное здание из темного

кирпича с закопченными окнами и невысоким крыльцом перед вращающейся стеклянной дверью. На окнах первого этажа жалюзи были чуть приспущены — точно веки гигантских глаз. Эмалированная табличка, притулившаяся в углу одного из окон, предлагала воспользоваться услугами дантиста. Оба пешехода не раздумывая миновали главный вход и свернули на дорожку, ведущую на задний двор отеля.

Они прошли асфальтовый каньон до конца, толкнули дверь и оказались в торцевой части здания.

— М-да, это тебе не «Риц-Карлтон» — сказал Стэнтон, озираясь вокруг. Он нажал кнопку вызова служебного лифта. — С другой стороны, бывал я и в местах куда более мерзких.

Клэнси не ответил. Раздался стук и перезвон цепей. Стэнтон нажал на ручку, дверь отворилась. Они вошли в тесный лифт, едва втиснувшись между корзинами с грязным бельем, швабрами и пустыми коробками, и стали подниматься под угрожающий аккомпанемент металлических стонов подъемника. От находящегося здесь скарба исходил запах, сильно смахивающий на амбре мужского туалета на вокзале «Грэнд сентрал». Выйдя на четвертом этаже, они, к своей радости, обнаружили, что в коридоре никого нет. Закрыв дверь служебного лифта, они двинулись по застеленному ковровой дорожкой обшарпанному холлу. Свернув в коридор, сразу же увидели дверь с табличкой 456. Клэнси постучал.

За дверью послышалось торопливое шарканье. Кто-то чуть слышно откашлялся.

— Кто… здесь?

— Это Клэнси.

Раздалось звяканье дверной цепочки. Дверь приоткрылась, и на них подозрительно уставился один глаз. Через минуту дверь раскрылась шире. Показавшийся в проеме человек поспешно оглядел пустынный коридор и только после этого отошел в сторону, пропуская в номер обоих детективов. Он закрыл за ними дверь и попытался непослушными пальцами накинуть цепочку. После долгих усилий ему это удалось. Он обернулся и, немного нервничая, стал всматриваться в лица своих гостей. Потом вытер правую ладонь о брючину и протянул ее для рукопожатия.

— Здравствуйте, лейтенант. Мистер Чалмерс предупреждал меня о вашем приходе.

Клэнси демонстративно проигнорировал протянутую руку, холодным взглядом изучая одиозную личность. Это был коренастый ладный мужчина лет сорока с черными вьющимися волосами и высоким гладким лбом; тоненькая ниточка усов обрамляла чувственную верхнюю губу. Большие почти жидкие

глаза посверкивали из-под недавно подстриженных бровей. На нем был яркий, очень дорогой халат поверх шелковых итальянских брюк и белой шелковой рубашки с расстегнутым воротом. Совсем непохожий на снимки уголовников — анфас и в профиль, — хранящиеся в папках полицейского архива на Сентр стрит. Преимущество материального достатка и хорошего воспитания, подумал Клэнси. Большие глаза сузились от испытанного унижения, протянутая рука упала.

— Скажите…

Клэнси отвернулся, ни слова не говоря, и принялся разглядывать комнату. Его взгляд быстро скользнул по двуспальной кровати с гладким светло-коричневым покрывалом и пухлыми подушками, подметил заляпанный бурыми пятнами веревочный ковер, колченогий письменный стол со стулом, два кресла в углу с, как и следовало ожидать, порванными в нескольких местах сетчатыми спинками и неизменную гостиничную акварельку, косо висящую на стене, — ваза с увядшими цветами.

Он шагнул к окну, поднял жалюзи и выглянул на улицу.

— А где пожарная лестница?

Коренастый задумался и пожал плечами.

— Я и сам не знаю. Я только что въехал. Наверное, она в дальнем конце коридора, а может, у них тут ее и нет. Это же маленький отельчик…

— Да. Ну да ладно. Раз ее нет вблизи твоего окна, то и ладно. — Клэнси еще раз оглядел комнату, пошел в ванную, открыл дверь и исследовал помещение. Он сдвинул в сторону полиэтиленовую занавеску над ванной, взглянул на крошечное окошко, заметил, что оно не закрывается на щеколду, заглянул в комнату, вышел и закрыл за собой дверь. Потом подошел к стенному шкафу, открыл его и с удивлением увидел, что шкаф пуст.

— Путешествуешь налегке?

Постоялец не ответил. Клэнси закрыл дверцу. Он в последний раз окинул комнату взглядом.

— Ну что ж, все ясно, Рэнделл. — Он взглянул на него с плохо скрываемым отвращением. — Это детектив Стэнтон. Он будет находиться здесь с восьми утра до восьми вечера. Его сменщик Капроски будет все остальное время.

— Я придумал удачное прикрытие для ваших людей, — сказал коренастый. Он произнес это так, точно изъявлял желание разделить с ними ответственность. — Если кто-то заинтересуется, я скажу, что это мой двоюродный брат с Запада…

— Очень умно придумано, — сказал Клэнси презрительно. —

Твой братец на это, конечно же, клюнет. Как и все прочие ребята из калифорнийской мафии, которые знают тебя с пеленок. — Он покачал головой. — Рэнделл, не надо усложнять простые вещи. Никто тут тебя не найдет. А если найдут, то предоставь все Стэнтону. Он для этого здесь и будет сидеть.

Широкий гладкий лоб избороздили морщины.

— Слушай, лейтенант…

— И не выходи из номера, — добавил Клэнси холодно. — Ни под каким видом.

— Не выходить из номера?

Клэнси взглянул на Стэнтона. Рослый детектив понимающе кивнул.

— Он не выйдет из номера, лейтенант. — Стэнтон откашлялся. — А чем ты намерен питаться в этой дыре?

Этот вопрос заставил Рэнделла насупиться еще больше. Он раздраженно обернулся.

— Коридорный отправится в какой-нибудь ресторан на Бродвей. Можешь заказывать себе все, что хочешь. — Он обратился к Клэнси: — Послушай, лейтенант…

Клэнси устремил на него взгляд.

— Да?

Коренастый подыскивал слова.

— Это дельце вполне надежное. Я не вижу, как и где может случиться прокол… — Рэнделл заколебался, точно давая им понять, что отлично знает, как и где может случиться прокол в прочих ситуациях. Он облизал губы. — Во всяком случае, бабки в этом дельце завязаны хорошие. Я же не жмот.

Он многозначительно посмотрел на Клэнси.

— Побереги свои денежки, — сухо сказал Клэнси. — Покупай места на кладбище. Я слыхал, это неплохое вложение денег.

Рэнделл стиснул зубы.

— Да ты не понимаешь…

— Ты объясни, чтобы я понял.

Коренастый отвернулся на мгновение и снова посмотрел на Клэнси. Он раскрыл рот, собравшись что-то сказать, но передумал.

Клэнси невозмутимо следил за ним.

— Ты пойми одну вещь, Рэнделл. Мне совершенно неинтересно, почему ты решил заложить своих дружков. Или каким образом в этом деле завязаны бабки. Это проблема Чалмерса. Мне надо только довести тебя живым до комиссии в следующий вторник. Если хочешь поболтать, обращайся к Стэнтону. Он будет тебя слушать. Я не буду.

Стэнтон в это время разглядывал комнату.

— Слышь, Росси, то есть я хочу сказать Рэнделл, у тебя тут нет картишек?

— Картишек?

— Ну да, игральных карт. Знаешь, для игры в бридж, покер, джин-рамми.

— Нет, я в карты не играю.

— Ты не играешь в карты? — изумился Стэнтон, не поверив своим ушам.

— Нет. — Коренастый нетерпеливо повернулся к Клэнси, но лейтенант уже стоял у двери и снимал дверную цепочку.

— Лейтенант…

— Тогда давай попросим колоду у коридорного. У него должны быть, — сказал Стэнтон. — Я тебя научу.

— Чего?

— Я говорю, научу тебя играть в джин-рамми, — сказал Стэнтон терпеливо. — Это очень просто.

Но Рэнделл не обращал на него внимания. Он подошел к двери и схватил Клэнси за руку. Клэнси сбросил ладонь, но человек в халате схватил его за локоть.

— Лейтенант…

— Ну что еще?

— А что, ты думаешь… ну, я знаю, что ничего не случится, но… Ты сказал, чтобы я не выходил из номера. Но ведь это относится и к твоим людям тоже? Они тоже будут тут со мной все время?

Клэнси взялся за дверную ручку.

— Они оба, то один, то другой, будут тут с тобой все время, так что успокойся. — Он внезапно нахмурился и его глаза сузились. — Мне сказали, что никто не знает, где ты и под каким именем скрываешься. Но вот ты, видно, сам не очень-то уверен в этом.

— Да нет, я не о том, — поспешно сказал Рэнделл. — Я просто…

Он закрыл рот, точно уже и так наговорил слишком много. Клэнси терпеливо ждал, глядя в озабоченные маслянистые глаза. Потом приоткрыл дверь.

— Научись играть в джин-рамми, — сказал он тихо. — Тогда сумеешь отвлечься от своих неприятностей. — Уже закрывая дверь, он добавил: — Ну, до вторника…

ГЛАВА ВТОРАЯ

Суббота. 2.40

Пронзительно-настойчивый телефонный звонок наконец-то прорвался в глубины сна, вернув Клэнси из чудесного мира грез, где не было места преступлениям, а следовательно — что за потрясающая вещь! — и полицейских управлений. Некоторое время он лежал, не в силах окончательно пробудиться, потом встряхнулся и стал шарить рукой в поисках ночника. Нащупав кнопочку, он включил свет. Телефон трезвонил не переставая.

Клэнси посмотрел на циферблат часов на тумбочке и чуть не заплакал от обиды. Прошло менее трех часов с тех пор, как ему удалось добраться до постели, и вот уже какой-то сукин сын тревожит его! Он высунул руку из-под одеяла, снял трубку и рывком поднес ее к уху.

— Алло!

— Привет, лейтенант! Это Капроски…

От дурного предчувствия он сразу сел, опустил ноги на пол и тут же отдернул ступни, ощутив неприятный холод линолеума. Затем крепче сжал трубку и свирепо помотал головой, пытаясь стряхнуть остатки сна. С пустынной улицы за окном доносился негромкий шум проезжающих автомобилей.

— В чем дело?

— Сам не знаю! — Здоровяк-детектив, звонивший из гостиничного номера, был скорее озадачен, чем обеспокоен. — Кажется, он приболел. Я имею в виду Росси. Он все стонет и корчится, держится за живот, точно боится, что у него его отнимут.

— Когда это началось?

— Да совсем недавно. До этого он был в полном порядке.

— Температуры у него нет?

— Не-а. Не похоже. Он так беснуется, что можно подумать, у него душа горит, но с ним все нормально. Я щупал лоб. Все в норме.

— Что он ел?

— Это не от еды, лейтенант. Мы с ним за ужином ели одно и то же. Более того, он не был голоден, и я доел его порцию. А со мной все о'кей.

Клэнси так и подмывало спросить, уж не подавали ли им на ужин паштет из гусиной печенки, но не спросил. Однако эта мысль навела его на другую.

— А что он пил?

— Он заказал бутылку в номер, но выпил только стопку… — Внезапно наступила смущенная пауза, но потом Капроски продолжал уверенным голосом: — …Нет, это не от спиртного, лейтенант.

Клэнси не обратил внимания на косвенное признание. Не выпуская трубку из руки, он стал размышлять. Капроски кашлянул, нарушив молчание.

— Лейтенант, он хочет выйти из номера и показаться врачу.

— Это в три часа ночи? — Клэнси с удивлением воззрился на телефон.

— То-то и оно. Но я его не стал слушать и позвонил тебе.

— Слава Богу, что додумался! — фыркнул Клэнси. — Он что, спятил? Ты слышишь меня?

— Да! Он сейчас сидит на кровати и смотрит на меня так, точно собирается перегрызть мне горло.

— Ладно, утихомирь его. — Клэнси задумался. Надо же — гангстерская нянька! Ну и дела! — Он вздохнул. — Ну вот что, я, пожалуй, найду врача, которому можно доверять, и привезу его к вам.

— Спасибо, лейтенант.

— Смотри, чтоб он не вздумал выйти из номера!

— Ладно.

— И чтоб не звонил никому, — добавил Клэнси. — Если попробует, врежь ему, как следует, не смотри, что он больной. Я попробую найти врача и через полчаса привезу. Постарайся пока его утихомирить.

— Ладно.

В трубке раздался щелчок. Клэнси нахмурился, пытаясь вспомнить номер телефона доктора Фримена. В голове у него был туман: он заставил себя сосредоточиться и потом с прояснившимся лицом довольно кивнул. Клэнси потянулся к телефону и стал крутить диск. На другом конце провода звонки прекратились, но и голоса тоже не было слышно. Клэнси подождал немного, откашлялся и спросил:

— Алло! Док, это вы?

В трубке раздались звуки запоздалой зевоты.

— Я… А кто, как ты думаешь, трубку снял? Ну, и кто ты такой и что тебе надо? И почему ты звонишь? Ты знаешь, который час?

— Док, это лейтенант Клэнси. Знаете, с 52-го уча…

— Да, знаю! Лучше бы не знал, — раздался вздох, за которым последовал новый сладкий зевок. — Ну, и что стряслось? Вы же позвонили мне, чтобы сказать что-то? Ну, так говорите!

— Док, проснитесь, а? Наденьте брюки. Через пятнадцать минут я за вами заеду.

— Клэнси, да вы хоть знаете, который час? От вас одни напасти. Вы просто чума. Заехать за мной? Сначала скажите, зачем! — Снова послышался зевок и вдруг раздался резкий кашель. — Эх, пора бросать курить. Эти сигареты меня в могилу сводят. Ну, кто мертв и как его убили?

— Он жив, док…

— Жив? — Наступила короткая удивленная пауза. — Клэнси, тогда я с вашего позволения пойду спать. Я же патологоанатом! — Снова пауза. — Позвоните, когда он умрет.

— Док! Проснитесь! Мне нужен врач. Там… а, черт! Я вам все расскажу при встрече.

Клэнси бросил трубку, выскочил из кровати и начал торопливо одеваться. Как всегда его одежда была набросана кучей на стуле в углу спальни. Пока он натягивал на себя рубашку и брюки, ему в голову пришла мысль, что его способ одевания был весьма эффективен по скорости, хотя пагубно сказывался на внешнем виде. Он передернул плечами: а, пусть бизнесмены заботятся об элегантности. Через несколько секунд, заперев квартиру, Клэнси уже спускался на лифте. Он помассировал себе шею, пытаясь размять затекшие шейные позвонки, еще не забывшие тепла покинутой постели, но почему-то только сильнее ощутил усталость, которая, похоже, проникла в каждую клеточку его тела. Он дал себе слово, что как-нибудь обязательно попросит перевести его в архив и будет работать строго с восьми до пяти и при этом каждый день иметь законный час на обед…

Его машина была припаркована в квартале от дома. Клэнси быстро зашагал туда, сел за руль и помчался по пустынным улицам Нью-Йорка. Через десять минут он притормозил около дома дока Фримена. К его удивлению, низенький, коренастый доктор уже ждал его на улице. Он тяжело взгромоздился на сиденье рядом с Клэнси и аккуратно поставил свой саквояж между ногами.

Пока лейтенант отъезжал от тротуара, док успел достать сигарету, закурить, выбросить спичку в окно и, обернувшись к Клэнси, устремить на него взгляд своих пронзительных маленьких глаз.

— Итак, Клэнси. В чем суть дела?

Лейтенант свернул за угол и прибавил газ. Впереди работала поливальная машина. Клэнси обогнал ее, шины взвизгнули на мокром асфальте. Он на секунду оторвал взгляд от дороги, повернувшись к пассажиру.

— Док, есть один больной, и я хочу, чтобы вы на него взглянули.

— Кто?

Клэнси замялся.

— Вы можете держать язык за зубами?

— Я? Нет, конечно. — Док Фримен стиснул зубами сигарету и потом швырнул ее в окно. — Итак, кто же это?

— Росси. Джонни Росси.

Док Фримен присвистнул.

— Это тот самый Джонни Росси? Гангстер из Калифорнии? Так он в Нью-Йорке?

— Да.

— И мы позволяем таким мерзавцам разгуливать на свободе?

Клэнси свернул на Бродвей. Шины отчаянно визжали. В столь ранний час на пустой улице, кроме них, был только случайный грузовик. На черном асфальте отражался свет уличных фонарей, и их блики извивающимися световыми ленточками скользили по капоту. Из зарешеченных вентиляционных колодцев до них доносился приглушенный стук колес подземки и быстро таял в тишине ночи. Клэнси переключил скорость и надавил на акселератор.

— Это длинная история, док. Он утверждает, что приехал сюда дать показания нью-йоркской комиссии по уголовным делам в следующий вторник, и наша задача сохранить ему жизнь до той поры. Не спрашивайте, почему — я сам не знаю. Пока что он сидит в отельчике «Фарнсуорт» под чужим именем. Капроски находился с ним в номере, когда тот вдруг почувствовал себя плохо. Капроски мне позвонил и, кроме вас, мне было некого вызвать. Мы не хотим, чтобы его осматривал какой-нибудь чужой врач. Никто даже знать не должен о том, что он в городе. Так что…

Он свернул с Бродвея на Девяносто третью улицу и сбавил скорость, подъехав к Вест-Энд-авеню. На перекрестке зажегся зеленый, и Клэнси рванул вперед: он так торопился проскочить на зеленый, что, только проехав нужную улицу, заметил царящую там суматоху. Выругавшись сквозь зубы, он ударил по тормозу, врезался в бордюр и выскочил из машины. Вестибюль небольшого отеля был освещен. Несмотря на столь ранний час, в этом сомнительном районе на тротуаре толпились люди и что-то оживленно обсуждали. У входа в отель капотом к дверям стоял санитарный фургон с урчащим двигателем. Фары фургона освещали крыльцо. Двое санитаров в белых халатах поспешно заталкивали носилки в заднюю дверцу фургона. Бледный Капроски стоял рядом с ними, разжимая и сжимая кулаки.

Когда Клэнси подбежал к фургону, один из санитаров впрыгнул внутрь, потом высунул руку наружу и захлопнул дверцы прямо перед носом Клэнси. А его напарник побежал к кабине и сел за руль. Клэнси, ни слова не говоря, пробежал мимо Капроски прямо к кабине фургона. Он забарабанил по ветровому стеклу.

— Что та…

Но водитель уже поспешно передернул переключатель скоростей.

— Послушайте, мистер, сейчас не время для разговоров — надо спасать этого парня!

Он еще что-то добавил, но слов его уже не было слышно, так как фургон рванул с места. Клэнси отпрыгнул в сторону. Он поглядел вслед укатившему фургону и, обернувшись, увидел Капроски.

— Так-так, Капроски. — Взгляд лейтенанта Клэнси потемнел от едва сдерживаемой ярости. Он говорил тихим, вкрадчивым голосом. — Кажется, я просил тебя подождать, пока не привезу врача. С каких это пор ты перестал прислушиваться к моим просьбам?

— Ты, лейтенант, не понимаешь! — визгливо закричал Капроски.

— Ты чертовски прав: я не понимаю! Насколько я понимаю, ты не выполнил приказ! Почему ты не поехал с ним в этом фургоне? Ты же не должен был ни на секунду упускать его из виду! Ты же должен был его сторожить! Не отходить от него ни на шаг!

Капроски нервно сглотнул слюну.

— Слушай, лейтенант, дай я все объясню, а? Я хотел тебя дождаться. Хотел рассказать тебе все, что произошло.

— Ладно, — резко проговорил Клэнси, сверля Капроски испепеляющим взглядом. — Рассказывай. Только быстро.

Вид у Капроски был несчастный.

— Ну, минут через пять-шесть после того, как мы с тобой поговорили, этот чертов Росси поднял такой вой, что я решил: лучше позвать коридорного и попросить принести немного льда. Я хотел положить ему лед на брюхо, на всякий случай. Ну, звоню я вниз. Через пару минут раздался стук в дверь. Я, естественно, думаю: это коридорный… — Он уставился на свои ботинки. Голос его угас.

— Ну и?

Капроски ткнул носком своего огромного ботинка в бордюр тротуара. Лицо у него раскраснелось.

— Ну, не проверил я. Я просто не подумал… Снял цепочку с двери и…

— Да говори же ты, черт тебя дери! — взорвался Клэнси. — Что мне из тебя, клещами тянуть? Что случилось?

Капроски глубоко вздохнул.

— Какой-то громила с шарфом на лице сунул в дверь дробовик и шарахнул картечью. Он тут же захлопнул дверь и, когда я ее открыл и выскочил в коридор, его уж и след простыл. Я решил, что лучше вернуться и посмотреть, как там Росси, вместо того, чтобы гнаться за тем типом с дробовиком. Ну, я и вернулся в номер. Вижу: Росси валяется в луже крови. Я знал, что ты на подходе, и звонить тебе не было смысла…

— Ну и?

— Ну, я и позвонил в местную клинику — они тут рядом на Вест-Энде, на Девяносто восьмой. Ближайшая больница. И никому не известная. Я решил, ты бы не стал помещать его в крупную клинику, где его могут застукать. — Голос его окреп, пока он произносил эту оправдательную тираду. — Слушай, лейтенант, ты бы его видел! Ждать было нельзя! Он был едва жив. Кровь из него хлестала в три ручья.

— Значит, ты оставил его без присмотра, только чтобы дождаться меня. Причем именно после того, как кто-то ворвался в номер и изрешетил его? — Клэнси был вне себя от ярости. Он развернулся и стремительно ворвался через вращающиеся двери в отель. Капроски не отставал от него ни на шаг.

— Слушай, лейтенант, но ведь никто не должен был знать, что он здесь!

— Но кто-то все же узнал!

Он ринулся к конторке портье. Ночной портье, молодой парень с прыщавым лицом в не по размеру большом форменном кителе, уже спешил на свое место от окна, где он наблюдал за суматохой на улице. Клэнси схватил телефонную трубку и жестом указал портье на коммутатор в углу.

— Соедини меня!

Портье поспешно уселся на стул и начал возиться с проводами. Клэнси набрал номер и стал ждать, стиснув челюсти.

— Алло? Пятьдесят второй участок!

— Сержант? Говорит лейтенант Клэнси. Кто-нибудь из ребят есть? А? Никого? Тогда позови патрульного — того, кто не спит. Кто? Барнет? Отлично. Пошли его в «Аптаун прайвит хоспитэл». Нет. Я встречу его в вестибюле! Я все ему расскажу при встрече. Мы оформим вызов утром. Именно! И скажи ему, чтоб ворон не считал. Я буду ждать.

Он положил трубку, отвернулся от конторки и устремил ледяной взгляд на молодого портье, сидящего на стуле в углу с оторопевшим лицом.

— Эй ты! Это полицейские дела. Забудь все, что ты сейчас здесь слышал. Никому ничего не рассказывай. Ты меня понял?

Портье молча кивнул, глядя на Клэнси во все глаза.

— Молодец! — Клэнси отвернулся и вышел из отеля. Капроски спешил следом. Док Фримен терпеливо ждал Клэнси перед входом, держа саквояж в руках. Он удивленно поднял брови, увидев, как лейтенант спустился по ступенькам и направился к своей машине.

— Вы куда, Клэнси?

— В больницу, конечно.

— Я вам нужен?

Клэнси остановился в раздумье.

— Пожалуй, нет, док. О нем там позаботятся. — Он взглянул на врача. — Отправляйтесь спать. Извините, что разбудил вас понапрасну.

Капроски подошел к ним и нервно кашлянул.

— А мне что делать, лейтенант?

Клэнси взглянул на рослого детектива и сдержал грубость, вертевшуюся у него на кончике языка. Что сделано, то сделано, и этого уже не изменишь. Надо заняться возникшей проблемой.

— Ты хорошо рассмотрел того типа с дробовиком?

— Да нет почти, — покачал головой Капроски. — Такое было впечатление, что пятно перед глазами. Ну, был на нем темный костюм, лицо обмотано белым шарфом. Не могу даже сказать, какого он был роста. Он, может, пригнулся. Все это так быстро произошло.

— Ясно. Вот что, опечатай номер, а потом осмотри здание. Вряд ли ты что-нибудь обнаружишь, но, может быть, этот хмырь бросил пушку где-нибудь в отеле. Вполне вероятно, что он уже храпит преспокойно в своей постели или сидит в баре неподалеку, попивая пивко. — Он бросил тяжелый взгляд на Капроски. — Увидимся завтра утром в участке. Сегодня утром. В семь.

— Я буду. — Капроски помолчал. — Слушай, лейтенант, мне очень жаль, что так вышло.

— Мне тоже. — Он сел за руль и сунул ключ в замок зажигания. — Садитесь, док. Я подброшу вас до стоянки такси.

Машина отъехала. Док Фримен взглянул на нахохлившегося Клэнси.

— Клэнси, вы слишком грубо обошлись с Капроски.

Клэнси свирепо скривил нижнюю губу.

— Ну, не так грубо, как Чалмерс обойдется со мной, когда узнает о случившемся.

— В конце концов, — рассудительно заметил врач. — Кап

поступил так, как поступил бы всякий на его месте. Просто произошло… Вы сказали — Чалмерс?

— Да, именно это я и сказал.

— Что, он поручил вам сторожить этого бандюгу?

— Это было официальное задание, — ответил Клэнси. — Мне позвонил Сэм Уайз — он дома лежит больной, но все исходит от Чалмерса.

— А! — Как и все в полиции, док Фримен знал историю перевода Клэнси в 52-й участок. — Все это очень скверно. Чалмерс вряд ли страдает благоразумием. Он уж постарается, чтобы это происшествие вам даром не прошло.

Клэнси смотрел на дорогу.

— Мне это и так даром не пройдет — без его участия. — Он взглянул на дока Фримена, и его губы тронула кривая усмешка. — Не берите в голову, док. Самое худшее, что они могут сделать, это понизить меня в должности, а в нынешней ситуации меня вполне бы устроила должность сержанта на телефоне. По крайней мере по ночам буду спать.

Док Фримен полез в карман и выудил сигарету. Он подался вперед и нажал на прикуриватель. Клэнси достал коробок спичек и протянул Фримену.

— Не работает. — Он покачал головой. Улыбка растаяла, челюсти сжались. — Гос-с-споди! Бывает же такое — везде облом!

Док Фримен прикурил и взглянул на мрачное лицо водителя.

— Не горюйте. Успокойтесь. Считайте, просто наступила черная полоса. Да и Чалмерс не станет на вас баллон катить. Капроски же ему расскажет, как все случилось.

Клэнси только крепче сжал челюсти.

— На этом участке лейтенант все еще я, а не Капроски. И я возьму на себя всю полноту ответственности.

— Ну, тогда нечего себя заранее накручивать. — Док Фримен глубоко затянулся сигаретой и откинулся на спинку. — Послушать Капроски, так этот Росси еще далеко не труп. А насколько я знаю, братья Росси — ребята двужильные.

Клэнси сжал баранку так, что побелели костяшки пальцев.

— Да, — сказал он вяло, глядя на дорогу. — Все они двужильные. Пока из них не выльется литра два крови…

Суббота. 3.45

«Аптаун прайвит хоспитэл» располагался в перестроенном двенадцатиэтажном жилом доме на Вест-Энд-авеню. Клэнси поставил машину вплотную ко входу в больницу и пошел во двор.

Санитарного фургона нигде не было видно, может быть, он стоял в гараже, а может, и уехал по новому вызову. Он пожал плечами, вернулся на улицу и сквозь вращающиеся двери вошел в небольшой вестибюль.

Реконструкция жилого дома свелась к перекраске стен в нежно-пастельные тона, на которых висели яркие репродукции. В углу вестибюля стоял стол, вдоль стены вытянулись банкетки, обтянутые яркими сатиновыми чехлами. Свежие журналы аккуратной стопкой были сложены на низеньком столике. За невысокими полированными перильцами в окружении сверкающих застекленных шкафов одиноко возвышался письменный стол, заваленный ворохом бумаг и графиков.

Клэнси оглядел пустой вестибюль, гадая, как бы вызвать кого-нибудь из персонала, и вдруг двери лифта в дальней стене бесшумно раскрылись и из них показалась медсестра. Двери за ней так же бесшумно закрылись.

— Мисс!

Она устремила взгляд своих красивых серых глаз на посетителя.

— Да?

Клэнси шагнул к ней, смяв шляпу в руках.

— К вам из отеля «Фарнсуорт» доставили мужчину с огнестрельным ранением. Я бы хотел узнать, как его состояние.

Она подошла к столу, изящно села и стала перебирать какие-то бумажки.

— Вы имеете в виду мистера Рэнделла?

— Да.

Она подняла глаза.

— Вы его родственник?

Клэнси замялся. Потом его рука полезла в карман и вытащила удостоверение. Он раскрыл его и помахал перед ней.

— Я лейтенант Клэнси, из 52-го участка.

— А! — Она понимающе кивнула. — Он в хирургическом отделении, лейтенант. Пока доктор Уиллард не закончил операцию, трудно сказать что-либо определенное.

— Понятно. А вы не знаете, как долго…

Сзади послышалось шуршание вращающихся дверей. Клэнси обернулся. По кафельным квадратам пола к нему бежал здоровенный патрульный. Клэнси удовлетворенно кивнул.

— Привет, Фрэнк. Тут есть для тебя дельце.

— Привет, лейтенант. Знаю. Сержант мне рассказывал. Что мне надо делать?

— В хирургическом отделении сейчас находится человек. Поднимись наверх и подежурь у дверей операционной, потом

встань перед дверью его палаты и проследи, чтобы с ним все было в порядке.

Высокий патрульный кивнул. Он почти бессознательно дотронулся до своего револьвера.

— Все ясно, лейтенант. Если он вздумает бежать, мне его прищучить?

Клэнси устало помотал головой.

— Нет. Его уже прищучили. И вряд ли он вздумает бежать. Ты смотри, чтобы его кто-нибудь опять не прищучил.

— Понял, лейтенант. — Ладонь дернулась прочь от кобуры. Патрульный повернулся к сестре и вопросительно посмотрел на нее.

— Хирургия на седьмом этаже, — сказала она тихо.

— Понял. — Он двинулся к лифту чуть враскачку, вошел и нажал на кнопку. Двери бесшумно закрылись. Клэнси обратился к девушке:

— А теперь, мисс…

И опять зашуршали вращающиеся двери. На этот раз по стеклу кто-то сильно ударил. По кафельному полу застучали каблуки. Чья-то рука грубо схватила Клэнси за локоть. Глаза заместителя окружного прокурора Чалмерса были налиты гневом. Он шумно дышал.

— Лейтенант, если с моим свидетелем что-нибудь случится…

Клэнси вырвал локоть и нахмурился. Глаза его сузились.

— А вы что здесь делаете, Чалмерс?

— Как это понять — что я здесь делаю? Ранен мой свидетель, а вы спрашиваете…

— Мне интересно, как это вам удалось об этом узнать? Так быстро!

— Как мне удалось… Нет, вы только послушайте! Это вообще выходит за все рамки! Вы что же, надеялись все это утаить, лейтенант?

Клэнси стиснул зубы. Симпатичная медсестра с любопытством наблюдала.

— Чалмерс, либо вы ответите мне на мой вопрос, либо я вас ударю — и будет большой скандал! Откуда вам стало известно про стрельбу?

Помощник окружного прокурора, оторопев, раскрыл рот.

— Что вы сделаете? Ударите меня?

Клэнси шагнул к нему. Его цепкие пальцы вонзились в руку помощника прокурора.

— Чалмерс, в последний раз спрашиваю: откуда вам известно про стрельбу в отеле?

Чалмерс отпрянул, поднес руку к лицу и стал рассматривать

свой рукав так, точно больше опасался урона, нанесенного костюму, а не своему достоинству.

— Мне, естественно, позвонил менеджер отеля. А теперь вот что я вам скажу, лейтенант…

— Менеджер отеля, да? Замечательно. Так, значит, вы ему сказали, кто такой на самом деле этот Рэнделл? Сказали?

Чалмерс замер с воздетой рукой, недоверчиво глядя на Клэнси.

— Ну конечно, не сказал!

— Но кому-то было известно, кто он и где находится. Ну и кто же, кроме вашей импозантной секретарши, мог это знать?

Взгляд Чалмерса помрачнел.

— Я своей секретарше абсолютно доверяю… — Он осекся и его лицо побагровело. — А теперь послушайте, лейтенант! Вам не отвертеться от ответственности — можете не сомневаться. Так что нечего устраивать сцен! Вам было дано задание — охранять его. Никто не мог знать, под каким именем и где он скрывается.

Клэнси совершенно равнодушно кивнул.

— Замечательно. Очень скоро вы будете уверять меня, что в него никто не стрелял. А теперь ответьте мне: кто еще мог быть в курсе?

Чалмерс открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал. Он развернулся к молоденькой медсестре, и к нему сразу вернулась его прежняя надменность.

— Сестра! Моя фамилия Чалмерс. Я являюсь одним из заместителей прокурора в этом округе. Я хочу видеть врача, который занимается этим пациентом.

— Он еще в операционной.

— Он скоро освободится?

Девушка внимательно посмотрела на него.

— Этого я вам не могу сказать.

Чалмерс взглянул на часы.

— Ну, в таком случае скажите ему, что я хочу его видеть сразу же после операции.

Сестра продолжала изучать его холодными серыми глазами. Потом кивнула, дотянулась до телефона и, сняв трубку, тихо заговорила. В тишине маленького вестибюля отчетливо слышалось невнятное бормотание с другого конца провода. Она положила трубку.

— Дежурная сестра в хирургическом отделении сказала, что только что была в операционной. Она считает, что скоро операция закончится. Она передаст доктору вашу просьбу. Он скоро спустится.

Чалмерс кивнул.

— Очень хорошо. Кто он, кстати, и как его зовут? Похоже, в первый раз за все время сестра смутилась.

— Это доктор Уиллард. Он… — Она взяла себя в руки. — Он наш практикант.

— Прак… Как, практикант? — Свирепый взгляд заместителя окружного прокурора переместился на стоящего рядом с ним худощавого лейтенанта. — Вы слышали, Клэнси? Вы знали? — Он обратился к сестре: — И почему эту операцию проводил практикант? Почему не штатный хирург? Вы знаете, кто этот пациент?

Сестра свирепо взглянула на него, в ее симпатичных серых глазах зародился ураган.

— Это не простая больница, мистер Чалмерс. Это частная лечебница — скорее, санаторий, чем что-либо иное. У нас нет такого колоссального штата, как в больницах вроде «Белльвю», и необходимого оборудования тоже нет. Но доктор Уиллард — замечательный врач. Он проводит операции на самом высоком уровне.

— На самом высоком уровне? Это практикант-то? Прак-тикант? — Чалмерс обернулся к Клэнси. — Лейтенант, вам и за это придется ответить! Если с моим свидетелем что-нибудь случится… — Он протопал к одной из вытянувшихся вдоль стены зачехленных банкеток и чуть ли не рухнул на нее. — Я этого так не оставлю. Я буду сидеть здесь до тех пор, пока не поговорю с этим… мм… практикантом.

Клэнси холодно смотрел на Чалмерса. «Твой свидетель, — подумал он. — Ты и сам не знаешь, что к чему, но он твой свидетель. Твой трамплин». Лейтенант отвернулся от заместителя прокурора и облокотился на перильца. Сестра сидела, низко наклонив голову и пряча слезы. Громко тикали настенные часы. Чалмерс несколько раз начинал листать журналы, но потом бросал, точно вознамерившись не отвлекать свое внимание от намеченной цели развлекательным чтивом. В помещении стояла гнетущая тишина. Клэнси, облокотившись на перильца, едва не клевал носом.

Но вот раскрылись двери лифта, и высокий молодой врач устало шагнул на кафельный пол. На шее у него все еще болталась марлевая маска. Он поднял руку и сорвал с головы шапочку, из-под которой вырвались непокорные светлые курчавые волосы.

— Кэти? Меня кто-то ждет? — Он произнес этот вопрос, словно давая понять, что с большим удовольствием отправился бы сейчас под душ, а потом на боковую, вместо того, чтобы еще целый час тратить на беседу.

Чалмерс моментально вскочил на ноги. Он поспешно встал между молодым врачом и заваленным бумагами столом.

— Вы доктор Уиллард?

— Да.

— Я заместитель окружного прокурора Чалмерс, а это лейтенант Клэнси из 52-го полицейского участка. Как себя чувствует пациент с огнестрельным ранением? Тот, которого вы сейчас прооперировали.

Хирург повернулся к сестре с немым вопросом во взгляде. Она чуть заметно кивнула и уткнула глаза в стол. Молодой практикант повернулся и медленно поднял брови.

— Так, как и бывает в подобных случаях. Он получил ранение в живот и в шею. Несколько дробинок попали в лицо.

— Он будет жить? Молодой врач ответил не сразу.

— Надеюсь, да.

— Вы надеетесь? — фыркнул Чалмерс. — Позвольте вам сказать, мистер: лучше было бы ему выжить! Лучше бы вам об этом позаботиться. Вы знаете, кого сейчас прооперировали? Это Джонни Росси!

Клэнси задохнулся и, с трудом сдерживая ярость, взглянул на потолок. О, Боже! Да к услугам этого идиота надо прибегать во время забастовок газетных работников — уж он-то разнесет любые новости! Какая уж тут секретность! Молодой хирург побелел.

— Джонни Росси? Это что, тот самый гангстер?

— Именно! И так уж случилось, что он… проходит очень важным свидетелем. Так уж случилось, что он… а, черт! Вам-то какая разница! Ему нужно обеспечить надлежащий врачебный уход. И я хочу, чтобы его перевели в приличную больницу!

Лицо молодого практиканта посуровело при этих оскорбительных намеках. Он сглотнул слюну, стараясь сохранять спокойствие.

— Сейчас он не транспортабелен. Если вы хотите, чтобы за ним наблюдал другой врач, — это ваше право. Но сейчас его нельзя трогать. Действие наркоза еще не прошло.

— Тогда я пришлю кого-нибудь утром. — Чалмерс обернулся к Клэнси. — Я требую, чтобы его палату охраняли до тех пор, пока мы его не заберем отсюда.

Клэнси спокойно смотрел на него.

— Там находится патрульный. Один из моих людей. Он будет там все время.

Чалмерс яростно нахлобучил шляпу на затылок.

— Что ж, похвально. Хотя это все равно, что запирать дверь сарая после того, как лошадь давно украдена.

Клэнси начал было возражать, но замолчал. Чалмерс двинулся к выходу, но остановился, взявшись за стеклянную створку.

— Я позабочусь, чтобы утром сюда пригласили надежного врача. Мне не надо говорить вам, джентльмены, насколько это важно! — Его бледные глаза остановились на молодом практиканте. — Кстати, как ваше полное имя?

Хирург побледнел.

— Уильям Уиллард.

Чалмерс кивнул.

— Я запомню. Вы несете ответственность за жизнь этого человека. В этом городе, доктор, я пользуюсь некоторым влиянием. Недобросовестное медицинское обслуживание в этом округе может иметь печальные последствия не только для пациентов. Учтите это! Он толкнул дверь и исчез в ночи.

— Почему он со мной так разговаривает? Я, что ли, стрелял в этого гангстера?

Клэнси расправил плечи и повернул к нему усталое лицо.

— Не обращай внимания, сынок. Он громко лает, но не кусается.

«И как ты сам знаешь, это все пустая брехня», — добавил он про себя.

— Но послушать его, так это я во всем виноват! Я что, несу ответственность за случившееся? Я сделал все, что мог… Зачем вы вообще прислали его к нам? Почему вы не отправили его в «Беллвью», где ему самое место?

— Почему? — кисло улыбнулся Клэнси. — Я сам мог бы задать тебе тысячу «почему». Почему, во-первых, этот ублюдок заявился в Нью-Йорк? — Он полез в карман, вытащил сигарету, зажег спичку, но не закурил. Он стоял, нахмурившись, и смотрел на догорающую спичку. — М-да, — сказал он тихо. — Это хороший вопрос. Почему, скажите-ка, этот ублюдок заявился в Нью-Йорк?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Суббота. 7.05

Клэнси вышел из здания полицейского участка. От него не отставал Капроски. Они сели в машину и помчались к «Аптаун прайвит хоспитэл». Их задержали ранние пробки на улицах «В этом городе с лучшей в мире системой общественного транспорта, — подумал Клэнси, — всегда создается впечатление, что с каждым днем тут все больше и больше людей пользуются личными автомобилями. Или грузовиками. Или велосипедами, или мотоциклами. И где же они все паркуют транспортные средства, если даже я со своим полицейским значком не всегда могу найти место для парковки».

Капроски глянул на худое лицо лейтенанта.

— Похоже, тебе так и не удалось поспать, лейтенант.

— Не удалось, — коротко отозвался Клэнси. — Я из больницы вышел только в половине пятого. Потом вернулся в участок и попытался подремать у себя в кабинете, да в этом проклятом кресле я не могу заснуть.

— Я тоже. — Капроски сменил тему, осторожно переводя разговор в новое русло. — Как там Росси, лейтенант?

Клэнси зевнул.

— Да что с ним сделается? Во всяком случае, мне никто не звонил.

— Как думаешь, он оклемается?

— Лучше бы ему оклематься. В любом случае, сейчас мы это выясним. — Клэнси подождал, пока загорится зеленый свет, и пристроился в хвост здоровенному грузовику. — Я только заскочу на минутку, посмотрим, как там дела в больнице, а потом рванем в «Фарнсуорт» и тщательно допросим менеджера. — Он взглянул на рослого детектива. — Тебе что-нибудь удалось обнаружить вчера?

Капроски покачал головой.

— Ничего. Я опечатал его номер, обошел все бельевые комнаты и чуланы, прошел по служебной лестнице и через заднюю дверь спустился в подвал. Я даже покопался в их мусорных баках, которые стоят в том вонючем лифте. И ничего.

— А как насчет других постояльцев?

— Никто не заселялся туда в течение недели. Черт, да у них пол-отеля пустует. А в тех номерах, что заняты, люди живут уже целую вечность.

— С менеджером встречался?

— Конечно. — Капроски смущенно заерзал. — Лейтенант, по-моему, он тут ни при чем.

— Ни при чем? — Клэнси с любопытством поглядел на него. — Если Чалмерс не врет, менеджер отеля — единственный, кто мог видеть Росси и опознать его. А я не думаю, что Чалмерс врет. Беда его не в собственной тупости — если ты туп, тебе никогда не видать кресла заместителя окружного прокурора. Его беда в личных амбициях. К тому же менеджер — единственный, кто знал, в каком номере остановился Росси. Так почему ты считаешь, что он ни при чем?

Капроски выглянул в окно.

— Тебе надо увидеть его своими глазами — сразу поймешь, что я имею в виду.

— Ну что ж, через несколько минут увижу.

Клэнси притормозил перед больницей, припарковал машину слева от «седана» и выключил зажигание. Он внимательно осмотрел две бесконечные вереницы припаркованных машин по обе стороны улицы.

— Наличие знака «Стоянка запрещена», видимо, производит неотразимое впечатление на обитателей этого фешенебельного района, — сказал он, поморщившись. — Оставайся в машине. Если кто-нибудь отъедет, займи свободное место. Я вернусь через минуту. Только узнаю, как себя чувствует Росси.

— Конечно, лейтенант. — Капроски сел за руль. Клэнси кивнул и направился к дверям больницы. Он прошел по кафельному полу и приблизился к столу. Дежурила все та же симпатичная медсестра. Клэнси удивленно поднял брови.

— Как же так, сестра? У вас что, смена длится двадцать четыре часа?

— Доброе утро, лейтенант. Нет, моя смена длится с полуночи до восьми утра. — Она приветливо улыбнулась. — Прошло всего только четыре часа с… с тех пор, как вы к нам заходили ночью.

Клэнси усмехнулся и провел ладонью по лицу.

— Я уже путаюсь во времени. — Он двинулся к лифту и остановился. — Этот молодой практикант… доктор Уиллард тоже еще на дежурстве?

— Да. Кабинеты врачей на пятом этаже. Хотите, я его вызову?

— Спасибо, не надо. Сначала я посмотрю, как там наш малыш, а уж потом поговорю с ним. В какую палату его поместили, не знаете?

— Знаю. В шестьсот четырнадцатую.

Он зашел в лифт, улыбаясь в знак благодарности сестре, нажал на кнопку, и лифт мягко вознес его на шестой этаж. Двери

лифта автоматически раскрылись. Он шагнул из лифта, прошел по освещенному коридору и свернул за угол. Барнет сидел не шелохнувшись на стуле перед дверью палаты, изо всех сил делая вид, что просто отдыхает. Он бросил на приближающегося Клэнси несчастный взгляд и поднялся.

— Привет, лейтенант! — Здоровенный патрульный огляделся по сторонам. — Господи, ну и дежурство!

Клэнси сурово посмотрел на него.

— А что? Какие-нибудь неприятности?

— Не-а. Просто это далеко не «Беллвью». Можно подумать, что в этом заведении раньше ни разу не видели полицейского. Они смотрят на меня так, словно я какой-то дебил.

— Ну, Фрэнк, задание есть задание. Нам надо присматривать за этим типом. Скоро его переведут в другое место — как только найдут самое подходящее. Возможно, уже сегодня утром. Надеюсь, где-нибудь за пределами нашего участка.

— Я тоже надеюсь! — с жаром сказал Барнет и, опомнившись, добавил: — …лейтенант.

Клэнси улыбнулся.

— Ну и как он?

Барнет пожал плечами.

— Не имею ни малейшего понятия. Его приходил проведать только доктор — пару раз заходил.

— И?

Барнет опять пожал плечами.

— Он мне не докладывал.

— Я сам поговорю с врачом.

Он тихо отворил дверь и, войдя в палату, так же тихо закрыл. Жалюзи были опущены, и в палате стоял полумрак. В дальнем углу на кровати под простыней угадывалась человеческая фигура. Клэнси бесшумно подошел к кровати и заглянул. Забинтованное лицо было чуть повернуто к стене, рот неестественно раскрыт. Клэнси уставился в подушку, потом его лицо помрачнело, и он поспешно приложил два пальца к раскрытым толстым губам. Он похолодел. «О Господи! — подумал он. — О Господи!»

Лейтенант подскочил к окну и рванул за шнур жалюзи. В комнату ворвался утренний свет. Он вернулся к кровати и стал осматривать накинутую на тело сбитую простыню. Выругавшись, он откинул простыню. Комната купалась в ярких солнечных лучах, которые заиграли на рукоятке большого кухонного ножа, торчащего из груди. Солнечные блики сверкали на медных кольцах деревянной рукоятки ножа, отражаясь от коротенькой полоски стали между телом и рукояткой. С проклятием Клэнси бросился к двери и распахнул ее.

— Барнет!

— Да, лейтенант? — Патрульный вскочил, и стул под ним с грохотом упал на пол. Барнет сунул голову в дверной проем. Не спуская глаз со скрючившегося на кровати тела, он вошел в палату. Глаза его расширились и ошалело уставились на торчащий из груди нож.

— Да кто…

Клэнси свирепо захлопнул дверь.

— Вот именно! Кто заходил в палату?

— Никто, лейтенант! Клянусь — никто!

Клэнси подбежал к окну и стал рассматривать изогнутый шпингалет: окно было заперто изнутри. Он вернулся к кровати и понизил голос.

— Барнет, — сказал он угрожающим тоном. — Чем ты тут занимался? Ходил пить кофе?

— Клянусь Богом, лейтенант! — Лицо гиганта-патрульного посерело. — Я клянусь. Могилой матери. Я даже в сортир не отлучался.

— Барнет, — сказал Клэнси жестоко. — Кто-то вошел в эту палату и саданул Росси ножом. Кто?

— Я же говорю, лейтенант. Никто, кроме доктора — пару раз он приходил. И вы.

Клэнси скрипнул зубами.

— А откуда тебе известно, что это был доктор?

— Он был в белой одежде, — сказал Барнет жалобно. — В маске, в резиновых перчатках — ну, точь-в-точь как в телесериалах.

— Да, похоже на доктора, — сказал Клэнси ехидно, Он испепелял пылающим взглядом перепуганного патрульного. — И оба раза приходил один и тот же доктор? Так?

Барнет опешил. Он уставился в пол, пряча глаза.

— Черт, ну вроде да, лейтенант. Трудно сказать. В этих белых одеждах их разве различишь!

— А когда в последний раз к нему приходил врач?

— Да не очень давно, — ответил Барнет, пытаясь вспомнить поточнее. — Ну, может, с полчаса. Я не смотрел на часы.

Клэнси глубоко вздохнул, чтобы успокоиться.

— Оставайся здесь. Он мертв, и ты его не уберег. Ты уж смотри, чтобы кто-нибудь не спер его труп, пока я не вернусь.

Он быстро зашагал по коридору. Его каблуки выстукивали быструю дробь по мраморным в прожилках ступеням лестницы. Он спустился на пятый этаж. На лестничной площадке нервно скользнул взглядом по стене влево и вправо и увидел маленькую, но яркую даже на фоне ослепительной белизны больничного

коридора электрическую лампочку со стрелкой, которая указывала расположение врачебных кабинетов. Он подошел к нужной двери и решительно толкнул дверь. Доктор Уиллард сидел, задрав ноги на стол, и держал в руке стаканчик с кофе. Он взглянул на вошедшего.

— Привет, лейтенант. Вы что-то рано. Хотите кофе? — Его рука потянулась к стоящему на столе термосу.

— Нет, спасибо. — Клэнси оглядел кабинет. Его бесстрастный взгляд вернулся к лицу практиканта. — Как ваш пациент?

— Нормально. Можно даже сказать, состояние хорошее. Последний раз, когда я его осматривал, он уже приходил в себя. Пульс, дыхание — лучшего и желать нельзя.

— И давно вы его видели?

Молодой хирург взглянул на часы.

— Ну, что-то около часа назад. — Он отпил кофе. — Хотите, поднимемся и вместе посмотрим на него?

— Если вам не трудно.

— Нет, конечно. — Молодой врач допил кофе, поставил картонный стаканчик на стол и опустил ноги на пол. Он взял с полки стетоскоп, повесил себе на шею и поднялся.

— Он быстро идет на поправку, особенно если учесть, в каком состоянии его к нам доставили, но, между нами, я жду не дождусь, когда его от нас заберут.

Клэнси не ответил. Он пошел с доктором по пустому коридору. Они поднялись по лестнице на шестой этаж. Молодой практикант молчал. Оказавшись на площадке шестого этажа, они повернули к палате шестьсот четырнадцать. Когда они свернули за угол и увидели вдали дверь палаты, врач удивленно спросил:

— А где же охранник?

— В палате.

Доктор Уиллард посмотрел на своего спутника с недоумением. Он ускорил шаг и, распахнув дверь, вошел. Клэнси за ним. Врач шумно охнул, увидев представшее его глазам зрелище, и бросился к кровати. Его пальцы машинально потянулись к лицу и подняли одно веко. Потом он стал щупать пульс. Доктор выронил безжизненную руку и взялся было за нож, но отдернул ладонь и вытер ее о белую штанину.

— Он мертв…

— Это точно.

— Но он же себя прекрасно чувствовал. Он же… — Хирург не сводил глаз с рукоятки кухонного ножа, чуть приоткрыв рот.

— Да. — Клэнси наклонился и медленным движением прикрыл убитого. Он отступил на шаг назад и бессознательно потер кончики пальцев друг о друга, словно стирал невидимую

грязь.

— В вашей больнице много врачей?

— Врачей? Много ли? — Наконец молодой практикант оторвал взгляд от торчащего под простыней ножа. Вопрос его, похоже, удивил.

— Ну, да! Пусть вас не удивляют мои вопросы и не пытайтесь их анализировать. Просто отвечайте.

Уиллард рассеянно кивнул.

— В штате шесть врачей. Я единственный практикант. И единственный, у кого сегодня ночное дежурство. Понимаете, это скорее санаторий, чем обычная больница.

— Я знаю, — оборвал его Клэнси нетерпеливо. — Если я еще раз услышу об этом, меня стошнит. А как насчет сестер?

— Что насчет сестер? — не понял Уиллард.

— Сколько их?

— А… Не знаю. В ночную смену восемь или девять, наверное. Если это важно, я могу узнать.

— Это неважно. — Клэнси бросил взгляд на патрульного, с виноватым видом стоящего рядом с кроватью. — Барнет, спустись вниз и позови Капроски. Он в моей машине — она должна стоять либо перед входом в больницу, либо где-то поблизости. Проводи его на пятый этаж к кабинетам врачей. — Он обернулся к практиканту. — Пойдемте, доктор. У нас сейчас состоится небольшая конференция. — Он кивнул на дверь. — Эти палаты запираются?

Молодой практикант полез в карман, вытащил связку ключей, выбрал один.

— Запираются, но…

— Дайте-ка мне ключ от этой.

Клэнси ждал, пока доктор снимет нужный ключ с кольца. Он взял ключ, вышел в коридор, запер дверь и сунул ключ себе в карман. Барнет ни слова не говоря пошел к лифту, а лейтенант и врач двинулись к лестнице. Войдя в крохотный кабинет, Клэнси стал озираться по сторонам, доктор бессильно опустился на стул. Потом Клэнси взгромоздился на край стола, его лицо приняло задумчивое выражение. Оба сидели и молчали. Наконец в дальнем конце коридора послышались торопливые шаги, дверь распахнулась, и на пороге появились Барнет и возбужденный Капроски.

— Слушай, лейтенант! Барнет мне все рассказал!

Клэнси поднял руку и пресек взрыв красноречия сержанта.

— Да.

— Боже ты мой, лейтенант! Что теперь Чалмерс скажет?

— К черту Чалмерса! — Худощавый лейтенант оглядел всех

троих и устало насупился. Он заставил себя сосредоточиться на возникшей проблеме. — Примерно час назад некто в костюме врача вошел в палату и зарезал нашего клиента. Обычным кухонным ножом. И либо его никто не заметил, либо — как и Барнет — никто не обратил на него особого внимания. Для такого фокуса требуется хорошая подготовка, или же тот фокусник просто рисковый малый. Но даже и в этом случае он, должно быть, большой везунчик. — Клэнси обвел собеседников взглядом. — Он точно знал, кто такой Росси, куда его поместили и как к нему можно подобраться. Все произошло за очень короткий промежуток времени. — Он глубоко вздохнул. — Вот что мы имеем… Вот на чем должны основываться наши дальнейшие действия.

— Дальнейшие действия? — в недоумении переспросил Капроски. — Черт, лейтенант, да какие тут могут быть дальнейшие действия! Как только отдел убийств доложит о случившемся Чалмерсу, его кондрашка хватит. Он такой шум поднимет! Он же с тебя три шкуры спустит.

— Вот именно по этой причине мы и не будем сообщать в отдел убийств о случившемся, — сказал невозмутимо Клэнси. — Пока не будем.

Три пары удивленных глаз уставились на него. Он кивнул и достал сигарету, всем своим видом выражая спокойствие, которого не испытывал. Медленно прикурил. Капроски нервно сглотнул слюну, все еще не веря своим ушам.

— Ты не будешь сообщать об убийстве в отдел? Ты что, лейтенант?

— Пока не буду, — повторил Клэнси.

— Но как ты собираешься скрыть такое дело, лейтенант? — Капроски чуть не хныкал. — Ты же сам сказал, что Чалмерс сегодня утром пришлет другого врача для присмотра за ним.

— Да, верно… — Клэнси затянулся сигаретой и задумчиво уставился на выпущенное изо рта облачко дыма. Он повернулся к побледневшему практиканту. — Доктор, у вас тут есть морг или холодильник, где можно будет подержать тело… сутки?

Доктор Уиллард облизал губы.

— У нас нет… нет морга как такового, но есть складское помещение, которым мы иногда пользуемся в таких целях. Там стоит кондиционер…

— Ну и хорошо. — Клэнси затушил сигарету в пепельнице. — Туда он сейчас и отправится. В этот склад заходят?

— Почти никогда, но… — Молодой практикант оглядел присутствующих удивленным взглядом. — Мне это совсем не нравится. Я не хочу рисковать головой. А что я скажу врачу,

которого пришлет Чалмерс, если тот попросит показать пациента?

— Вы просто скажете ему, что сегодня утром лейтенант Клэнси пригнал частный санитарный фургон и забрал вашего пациента. А поскольку лейтенант Клэнси полицейский, вы ничего не могли ему возразить… — Он помолчал, раздумывая. — …И разумеется, вы понятия не имеете, куда его отвезли.

Молодой врач изумился такому предложению.

— Но почему? Почему я должен ему лгать?

— Слушайте, доктор, — сказал Клэнси. — Я Чалмерса знаю очень хорошо. Он изжарит заживо меня, вас, весь персонал этой больницы и всякого встречного, если узнает, что тут у вас приключилось. — Он устремил взгляд на врача. — Если бы этим занимался кто угодно, но не Чалмерс, я бы сам первый доложил ему о случившемся. Кстати, для вашего сведения, раньше я ничем подобным не занимался. Лейтенанты полиции так себя не ведут. Но вот теперь наша единственная надежда на спасение — это попытаться во всем разобраться прежде, чем у Чалмерса появится шанс взять свое замшелое весло и взбаламутить воду. В этом случае нам только останется отбрехиваться от его обвинений, и ни у кого не будет времени искать убийцу. — Он замолчал и добавил: — А меня как раз это и интересует.

Капроски торжественно покачал головой.

— Право слово, лейтенант. Ты лезешь на рожон.

Клэнси взглянул на него. Он уже принял решение.

— Ну, это же я лезу. Ты мне лучше скажи: разве сейчас я уже не вылез на такой рожон, какого свет не видывал?

Врач все еще недовольно хмурился.

— Не нравится мне все это…

— Послушайте, доктор, — обратился к нему Клэнси. — Я беру на себя всю ответственность, если что. И должен вам заметить, что это единственная возможность отвадить беду от вас и от этой больницы. Вы Чалмерса не знаете. — Он помолчал и передернул плечами. — Вы же его видели. Он возложил на вас ответственность за жизнь Росси. Если он сейчас сюда заявится, нам всем не поздоровится. Этот прокуроришка такой мстительный тип…

— Только на одни сутки?

— И ни часом больше. Максимум — сутки. Мне памятник можно будет поставить, если я так долго сумею скрываться от него. А если поднимется буря, обещаю вам: я помогу вам остаться в стороне.

— Ну ладно! — Голос молодого практиканта звучал без всякого энтузиазма. — Надеюсь, вы сами знаете, что делаете,

лейтенант.

Клэнси изобразил торжествующую усмешку.

— Ну, значит, нас двое, доктор.

— Трое, — сказал Капроски.

Клэнси задумчиво окинул взглядом рослую фигуру детектива.

— И ты со мной, Кап?

— С тобой, лейтенант. Это же все из-за меня. Если бы я не опростоволосился в «Фарнсуорте», ничего бы такого не случилось. — Он мотнул головой в сторону молчащего полицейского в форме. — А как Фрэнк?

— Наш Орлиный Глаз? — кисло улыбнулся Клэнси. — Фрэнк позволил убийце проникнуть в палату, которую охранял. Он будет с нами — это уж наверняка. Не правда ли, Фрэнк?

Барнет вымученно улыбнулся.

— Кто, я? Конечно, я с вами, лейтенант. — Он нервно кашлянул. — Черт, я же всегда выполняю ваши приказы. Разве нет?

Клэнси не ответил. Он уже лихорадочно обдумывал свой план. Затем повернулся, решительно стиснув зубы.

— Ладно, вот наша программа, доктор. Вы постарайтесь перенести труп в складское…

— Ключ…

Клэнси залез в карман, достал ключ и продолжил:

— …и смотрите, чтобы вас никто не видел. Ребята вам помогут. Силушка-то у них есть. И не прикасайтесь к трупу руками. Вам ясно? Ничего не трогайте — только перенесите. А потом ты, Капроски, перетряхни эту лечебницу вверх дном.

— А что искать, лейтенант?

Клэнси фыркнул.

— Белый халат, марлевую маску, перчатки, конечно. Неужели не ясно? И еще — каким путем убийца мог сюда проникнуть и выйти? Разузнай также, не заметили ли ночные сестры кого-нибудь незнакомого. И откуда мог взяться этот нож! — Он обернулся к патрульному. — Барнет, когда закончишь помогать доктору, доложишь в участок. Скажи сержанту, что я перевел Росси в другую больницу и снял тебя с дежурства. Свяжись со Стэнтоном и попроси его подскочить ко мне в отель «Фарнсуорт». Хотя нет. На углу Бродвея и Девяносто третьей, в паре кварталов к востоку от отеля, есть кафешка. Скажи, пусть ждет меня там. Я пошел завтракать. Он взглянул на часы.

— Пусть будет там через полчаса. — Потом повернулся к практиканту. — Когда придет человек из окружной прокуратуры, доктор, вы знаете, что ему сказать. — Он нахмурился. — А что

это за сестра, которая дежурит сегодня внизу?

— Я с ней поговорю, — сказал молодой врач. — Она… ну, мы с ней как бы обручены…

— Хорошо. — Клэнси задумался, анализируя свои действия, потом взглянул на практиканта. — А, доктор? Где мы сможем вас найти, если вы понадобитесь?

— Меня? Да я живу здесь. Когда не сплю, то работаю. И наоборот.

— Ну и славно. — Клэнси встал. — Поехали, ребята.

— Право слово, лейтенант, — сказал озабоченно Капроски. — Я надеюсь, что ты…

— Я знаю, что делаю, — закончил его мысль Клэнси и улыбнулся. — Ну, тогда нас девять.

Суббота. 8.45

Клэнси отодвинул тарелку, отпил кофе и поставил чашку на столик. Он вынул из кармана сигарету, закурил, глубоко затянувшись, и выпустил струю дыма над грязным прилавком. Потом обернулся к сидящему рядом Стэнтону.

— Ну, вот такая ситуация. Только не говори мне: «Я надеюсь, ты знаешь, что делаешь».

— Ну, тут ты прав, — сказал Стэнтон. — Я очень надеюсь, что ты знаешь, что делаешь. Вот и все. — Он взял свою чашку и уставился в нее, точно разгадка какой-то величайшей тайны покоилась в кофейной гуще на дне. — Значит, наш «голубок»[3] откинул лапки.

— Наш «голубок»? — переспросил Клэнси.

— Ну да. Он мне в джин продул шестьдесят с мелочью. Играли под честное слово. Во всяком случае, мы собирались уладить финансовые отношения до вторника. — Стэнтон допил кофе и поставил чашку, едва не грохнув ею об прилавок. — Надо было раньше понять, что слишком уж все хорошо складывается, чтобы так вот закончиться.

Клэнси горестно покачал головой.

— У каждого свои печали, — саркастически заметил он.

— Да-а. — Стэнтон отнесся к своей неудаче философски. — У тебя есть какие-нибудь мысли по этому поводу, лейтенант?

— Ни одной ясной, — нахмурился Клэнси.

— Кто бы ни стрелял в него в отеле, он или они знали, что не промазали и что его забрали в больницу. Если, конечно, они крутились там все это время. Тогда они могли узнать, в какую больницу его увезли, прочитав название на санитарном фургоне.

Вопрос же в том: кто знал, что он находится именно в этом отеле? Только менеджер. — Он задумчиво взглянул на сержанта. — Вчера звонил кто-нибудь?

— При мне никто. И без меня никто.

Клэнси передернул плечами. Он допил кофе, бросил окурок в кофейную гущу и соскочил с табурета.

— Ну, поехали в отель — запустим маховик.

Они вышли из кафе, погруженные в собственные мысли, свернули на Девяносто третью и быстро зашагали по людному тротуару, торопясь приступить к работе. Светофор на углу Вест-Энд-авеню задержал их на несколько секунд. На зеленый они перешли улицу и подошли к отелю. На этот раз они вошли через главный вход и оказались в полутемном вестибюле. Здесь они на мгновение замедлили шаг, давая глазам возможность привыкнуть к полумраку, потом прошли по вытоптанному ковру к стойке портье. Старик с копной снежно-белых волос улыбнулся им. Он сидел в кресле-качалке за стойкой. Он кивнул в знак приветствия и попытался было выбраться из качалки. Наконец ему это удалось, и он воззрился на них, положив руки на обшарпанный деревянный прилавок.

— Артрит, — объяснил он извиняющимся тоном и вздохнул. — Где моя молодость? Было время…

— Да, — грубовато оборвал его Клэнси. — Мы бы хотели видеть менеджера.

— Да я и есть менеджер, — сказал старик улыбаясь и подмигнул голубым глазом, точно сморозил удачную шутку. — Я еще и коридорный, и телефонист, и кассир. — Его голос окреп. — Разумеется, у нас есть лифтер. Увы, мне не справиться ни с лифтом, ни с багажом.

Клэнси удивленно воззрился на него. Ветхий костюм старика был потерт до блеска, и Клэнси давно уже не видел галстука такого фасона, что свисал с его тощей шеи. Впрочем, и пиджак, и галстук были чистенькие и отглаженные. Тут он понял, что имел в виду Капроски.

— Ясно. Мы можем куда-нибудь зайти и потолковать? Мы оба из полиции.

— А, это происшествие! — Старик повернул снежную голову и оглядел вестибюль с несчастно-виноватым видом. — А не можем мы потолковать прямо здесь? Понимаете, я послал лифтера с поручением и…

— Хорошо, — сказал Клэнси спокойно. Он сдвинул шляпу на затылок. — Прежде всего я бы хотел узнать подробнее, кто и когда бронировал номер четыреста пятьдесят шесть. Если вам нужно свериться с книгой, — пожалуйста.

— Да я и так помню, — поспешно ответил старик. — Я стар, но с памятью у меня все в порядке. Только иногда, знаете, артрит меня беспокоит — особенно в сырую погоду. Так, номер? Мне позвонил некий мистер Чалмерс и забронировал номер. Он сказал, что звонит из приемной окружного прокурора и ему нужен номер для мистера Рэнделла — Джеймса Рэнделла. Он оставил свой номер телефона — служебный и домашний, на тот случай, если мне нужно будет с ним связаться по поводу брони. Но, конечно, у нас в отеле много свободных номеров… — он откашлялся, — в это время года.

— Ясно, — сказал Клэнси.

— А когда сегодня ночью случилось это несчастье, конечно, я ему позвонил, — добавил старик.

— Ясно. Но ведь вы сразу поняли, как только увидели этого Рэнделла, что он — Джонни Росси?

— Прошу прощения? — В голубых глазах старика было написано удивление.

— Вы же меня прекрасно слышали. И вам не показалось странным, почему это Джонни Росси под вымышленным именем заселяется именно к вам в отель?

Голубые глаза приняли скорбное выражение.

— А чем вам не нравится этот отель? Он, конечно, не новый, с этим я спорить не буду, но у нас тут чисто. Это наша политика! Мы каждый день меняем в номерах белье. Знаете, многие постояльцы живут у нас годами! — Голубые глаза изучали Клэнси. — Я владелец этого отеля, сэр. Уже почти пятьдесят лет. Я и сам здесь живу.

Клэнси взглянул на тщедушную фигурку за стойкой и почувствовал себя неуютно под осуждающим взглядом голубых стариковских глаз.

— Я не имею ничего против вашего отеля. Я просто спрашиваю: вас разве не удивило, что такому человеку, как Джонни Росси, захотелось вдруг остановиться именно здесь?

— Вот вы все твердите: Росси, Росси. Для меня он Рэнделл. А чего мне удивляться? Я не знал этого мистера Рэнделла, или Росси, если вам угодно, но у нас и раньше останавливалось немало важных персон. Очень важных. Так почему бы мистеру Росси у нас не остановиться? У нас тут чисто, у нас приличное место… — Голубые глаза несколько затуманились при воспоминании о ночном происшествии. — А то, что случилось прошлой ночью, сэр, так это первая такая неприятность — за все время.

Клэнси бросил на него недоверчивый взгляд.

— Вы не знаете, кто такой Джонни Росси? И никогда о нем не

слышали? Вы что, газет не читаете?

Снежная голова медленно качнулась.

— Боюсь, не очень часто. Знаете, там такие неприятные вещи печатают. Войны, перестрелки, бомбы… — Морщинистые руки переплелись. — А теперь вот еще эту атомную бомбу придумали…

Стэнтон склонился над стойкой и взглянул на старика.

— Вы и радио не слушаете?

Голубые глаза просветлели.

— О, да! Музыкальные передачи и радиопостановки. Я-то знаю: многие считают эти постановки… ну, надуманными — так, кажется, говорят, но мне они нравятся. В них так много житейских проблем. Я люблю радиосериалы. Очень люблю. И знаете, большинство из них исполнено надежды — надо только уметь слушать.

Клэнси вздохнул и горестно взглянул на Стэнтона.

— Да. У людей есть немало житейских проблем, это точно. — Он поглядел на старика. — Мы хотим осмотреть этот номер. Один из моих людей, Капроски, ночью опечатал дверь.

— Да-да, я его помню. Мы с ним виделись. — Голубые глаза улыбались. — Он показался мне очень приятным человеком.

— Он прелесть! — сказал Стэнтон. — Пошли, лейтенант.

— Погоди-ка! — Клэнси снова обернулся к старику. — А не было ли звонков в номер, или из номера четыреста пятьдесят шесть?

— Когда вы вошли, я как раз проверял ночные звонки, — с готовностью сказал старик. Он потянулся к небольшому столику у кресла-качалки и, подхватив записную книжку, начал ее листать. — Четыреста пятьдесят шестой… Так, да. Было два звонка…

— Два? — Клэнси протянул руку и выхватил книжку из трясущихся пальцев. — Мюррей-Хилл — семь. Черт, это я звонил… Так, а этот из «Аптаун прайвит хоспитэл»… — Он бросил книжку на стойку. — Вчера в четыреста пятьдесят шестой было только два звонка?

Старик взял книжку и стал разглядывать листы. Он важно кивнул.

— Да, вчера вечером было только два этих звонка. Паренек, который дежурит тут ночью, очень аккуратный работник. Вчера был и еще один, утром, я как раз уже сидел здесь. Мистер Рэнделл, или мистер Росси, звонил сразу же после того, как к нам въехал.

У Клэнси загорелись глаза.

— У вас зафиксирован номер, куда он звонил?

— Должен быть зафиксирован. — Старик в раздумье наморщил лоб, повернулся к столику и, выдвинув ящичек, вытащил несколько одинаковых записных книжек. Он внимательно их осмотрел и бросил обратно в ящик за исключением одной, с которой обернулся к стойке и стал ее листать. Наконец он остановился и кивнул.

— Вот. Университет — 6-7887.

Клэнси взял книжку у него из рук и уставился на записанный номер. Мрачная улыбка тронула его губы. С него мигом слетела усталость.

— Если не возражаете, я запишу себе этот номер. И будьте добры, соедините меня с телефонной компанией.

— Пожалуйста.

Старик проковылял к коммутатору в углу. Он улыбнулся про себя, неуклюже садясь на единственный стул перед панелью. Узловатым пальцем он стал крутить телефонный диск и потом подключил провод в одно из гнезд. Он приложил трубку к уху и вежливо кивнул двум посетителям.

— Можете снять там трубку…

Клэнси в знак благодарности склонил голову и схватил трубку.

— Алло? Пожалуйста, соедините меня с мистером Джонсоном — приемная инспектора. Спасибо. — Он сунул руку в нагрудный карман, нащупал там шариковую ручку, нажал на кнопочку. Ожидая ответа, он придвинул к себе записную книжку.

— Алло, Джонсон? Это лейтенант Клэнси из 52-го участка. Все отлично, а у вас? Ну и славно. Вы не могли бы дать мне кое-какую информацию? Мне нужно узнать адрес по номеру телефона. Да. — Он взглянул на нацарапанные на листке цифры. — Университет — 6-7887. Да, правильно. Ну, конечно, подожду.

Он не сводил глаз с телефона. Стэнтон молча стоял рядом и ждал. Старик так и остался сидеть за коммутатором, сложив руки на коленях и глядя на полицейских.

— Алло? Еще раз… Да, записал. Западная Восемьдесят шестая улица, дом 1210. Квартира какая? — Он быстро писал. — Двенадцать? Один — два, да записал. Огромное спасибо! Да, как-нибудь надо обязательно собраться. Непременно. Спасибо! — Клэнси положил трубку, не сводя глаз с клочка бумаги, потом сложил его и сунул к себе в карман. Он повернулся к Стэнтону. Глаза его сияли.

— Стэн, тебе придется осмотреть номер одному. Я хочу проверить сейчас эту квартиру. Обследуй там все по полной программе: метки, вещи, одежда, чемоданы! Пошарь под

подкладками. Выверни карманы и все, что найдешь, принеси с собой в участок.

Стэнтон кивнул. Возможный след, на который их вывел телефонный номер, и ему улучшил настроение.

— Конечно, лейтенант. Я ничего не упущу. Где потом встречаемся?

— Я буду либо в участке, либо позвоню тебе туда и оставлю записку. А ты жди меня там.

— О'кей. — Стэнтон задумался. — Если ты вернешься в участок, лейтенант, Чалмерс тебя там тотчас перехватит.

Клэнси похлопал себя по карману, где лежал листок с адресом.

— Может, у меня к тому времени что-нибудь для него будет. — Он обернулся к сгорбившемуся за коммутатором старику. — Огромное вам спасибо за помощь. И если вдруг сюда нагрянут репортеры или еще кто и начнут задавать вам вопросы… — Он заметил, как голубые глаза помрачнели.

— Я вовсе не прошу вас лгать, — успокоил его Клэнси. — Просто говорите, что полиция просила вас никому ничего не рассказывать.

Старик кивнул, и его голубые глаза просветлели. Клэнси двинулся к двери, отсалютовал менеджеру на прощанье и выбежал на улицу. Старик посмотрел на Стэнтона.

— По-моему, он тоже очень приятный человек.

— Да, — сказал Стэнтон, идя к лифту. — Он довольно приятный. Надеюсь, что он также и не менее везучий…

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Суббота. 10.10

Дом 1210 по Западной Восемьдесят шестой улице оказался одной из тех недавно отремонтированных жилых многоэтажек, на реконструкцию которых, во всяком случае, по мнению Клэнси, муниципалитет вечно тратит кучу денег в попытке улучшить и без того шикарное жилье. Клэнси сам вырос в такой же многоэтажке на Сорок третьей улице недалеко от Десятой авеню, и даже невзирая на убогую нищету этого района, он до сих пор с теплым чувством вспоминает приветливые широкие лестницы, прохладу подъезда с высоким потолком и удивительный простор бесконечных холлов на этажах. Та гранитная многоэтажка, вдруг подумалось ему, осталась, кажется, единственным добрым воспоминанием о тех далеких уже днях — там он неизменно находил прибежище от жестокости внешнего мира. Он даже содрогнулся при мысли о том, какими варварскими разрушениями сопровождалась так называемая «реконструкция» жилого дома 1210.

Он медленно миновал здание, припарковался, вылез из машины и вернулся. Пронзительный крик заставил его поднять глаза — как раз вовремя, чтобы увернуться от резинового мяча, летящего прямо ему в лицо. Мимо него пробежали ребятишки, что-то громко крича и размахивая клюшками. Ну, подумал он с удовлетворением, по крайней мере в хоккей с мячом играют все теми же палками от швабр. Значит, для Нью-Йорка еще не все потеряно.

Он прошел под полосатым навесом над подъездом, служившим неизменной приметой всех старых многоэтажек после капитального ремонта, с омерзением оглядел крошечный, в стиле рококо, вестибюль и нажал на звонок у таблички «Кв. 12». После короткой паузы загудел зуммер и тяжелая дверь чуть приоткрылась. Он с удивлением уставился в домофон. Даже не спросили, кто здесь. Пожав плечами, он толкнул дверь и вошел в подъезд.

Как только дверь распахнулась, мимо него прошмыгнул коренастый парень, воспользовавшись, как оно и принято в Нью-Йорке тем, что кто-то из жильцов принимает гостя. Клэнси мельком заметил темный костюм, белую рубашку — «эскот», жидкую бороденку, темные очки под мягкими велюровыми полями шляпы. Вторгшийся в подъезд незнакомец грубо оттеснил

его в сторону и скрылся во мраке коридора, ведущего в глубь здания. Весьма в духе времени, злобно подумал Клэнси. Если уж кому-то взбрело в голову превращать эти старинные гранитные чудища в современные жилища, то уж могли бы заранее подумать, какой сброд сюда сразу же полезет!

Он поднялся наверх, прекрасно зная систему нумерации квартир во всех этих перестройках. Двери на этажах, ведущие в коридор к квартирам, были выкрашены в белый цвет, а двери квартир украшали небольшие декоративные картинки — каждая в своем стиле. На двери квартиры номер 12 на втором этаже красовалась уродливая пара игральных костей — на обеих выпало по шесть очков, — точно зеленые кляксы на розовом фоне. Клэнси поджал губы и постучал. Из-за двери ему сразу ответил приветливый голос, почти совсем не заглушенный тонкой фанеркой, — женский.

— Входи! Не заперто!

Он озадаченно поднял брови, повернул дверную ручку и, слегка толкнув дверь, обнаружил, что она и впрямь не заперта. Дверь распахнулась настежь, и его взору открылась светлая комната, со вкусом обставленная, но не слишком загроможденная мебелью. Комната купалась в солнечных лучах, проникавших сюда через большое окно. Эти окна своего детства Клэнси часто вспоминал с тоской. На низкой кушетке в середине комнаты сидела молодая женщина. Перед ней стоял кофейный столик с выстроившейся батареей причудливой формы флакончиков. Руки ее были заняты, халатик рискованно распахнут, обнажая полную грудь, едва умещавшуюся в светленький бюстгальтер. Войдя, Клэнси уставился на нее, а она дернула головой, откинув за плечи светлые волосы.

— Приветик! Найди себе стул. Я уже заканчиваю.

Клэнси медленно стянул с головы шляпу и почесал затылок.

Если это она таким образом изображала полное признание вины и чистосердечное раскаяние, то тогда он не кто иной, как сам Дж. Эдгар Гувер. Она подняла на него глаза, поймала взгляд, устремленный на ее полуобнаженный бюст, и без особого успеха попыталась запахнуть халат.

— Слышь, не обращай внимания, папик! Это не продается. Просто у меня еще лак на ногтях не просох… — Она улыбнулась: веселая, беззаботная, доброжелательно-шаловливая улыбка, ослепительно белые зубы. — Чтобы открыть тебе дверь парадного, мне пришлось нажать на кнопку зуммера локтем.

Клэнси сглотнул слюну и с опаской сел в зачехленное кресло, в котором чуть было не утонул. Он стал наблюдать за ее филигранной работой. У нее привычка, отметил он про себя,

кусать кончик языка, когда она сосредоточенно что-то делает. Она опять встряхнула головой, откинув волосы назад, и взглянула на него.

— Слышь, какая я негостеприимная хозяйка! Может, хочешь выпить? — Она мотнула головой в сторону шкафчика у стены, и от этого движения волосы снова упали ей на лицо. — Там есть все, чего только душа не пожелает. За исключением, пожалуй, аквавита.

— Нет, спасибо, — сказал Клэнси.

— Я тебя не осуждаю. Слишком рано. Я сама не пью до обеда, — улыбнулась она. — Закончу через секундочку — последний палец.

Она совершила крошечной кисточкой очень сложный маневр, сунула ее в одну из бутылочек, закрутила и откинулась назад.

— Ну вот и порядок. Как тебе?

Она отвела ладонь в сторону и стала рассматривать плоды своего труда, а потом протянула руку на суд Клэнси.

— Представляешь, этот лак называется «Морской закат над заливом». Ну и название! Я бы назвала это «Розовый восход»! — Теперь, когда ее руки были не заняты, она запахнула халат на своей изрядной груди и нахмурилась. — Ты опоздал, папик!

Ни одни мускул не дрогнул на лице Клэнси.

— Я обычно говорю: лучше поздно, чем никогда.

Она расхохоталась.

— Ты так любишь говорить? Я люблю говорить: сбереженный цент все равно что заработанный. И еще: когда под рукой не окажется гвоздя — потеряешь королевство! — Она откинулась на спинку кушетки, с довольным видом изучая свои ногти. — Но вот чего я никогда не говорю, так это: «Деньги — корень всех бед».

Она подняла глаза. Клэнси заметил, что они фиалкового цвета. Очень красивая женщина, решил он, и далеко не глупышка.

— Ну ладно, папик, моя бы воля, я бы все утро просидела тут с тобой да травила поговорки, но мне время некогда терять. Ты принес билеты?

Клэнси сидел с каменным лицом. Он лишь похлопал себя по нагрудному карману пиджака. Женщина довольно кивнула.

— Хорошо. Теперь скажи мне, папик, ты сам-то бывал в Европе?

— Два раза, — ответил Клэнси. Он совершенно успокоился. — Ну, первый раз, как сама понимаешь, с армией генерала Эйзенхауэра, но, пожалуй, это не в счет. — Он не упомянул, что второй раз побывал в другом полушарии, чтобы привезти домой особо опасного преступника-убийцу, да добрался только до лондонского аэропорта, где британская полиция

удерживала того парня под стражей.

Взгляд ее фиалковых глаз смягчился. Она подалась вперед и заговорила почти заговорщическим голосом.

— И что, там правда так красиво, как все говорят? Ну, знаешь, Копенгаген, Рим, Париж…

— Очень красиво, — подтвердил Клэнси.

— Ой, умираю, хочу посмотреть! А ты туда плавал теплоходом?

Клэнси медленно кивнул, не сводя глаз с ее счастливого лица.

— Один раз — теплоходом. Один раз — самолетом.

— И что, это правда здорово, как говорят? То есть я имею в виду теплоходом. Ну, там романтично — и все такое? — Она взглянула на него и расхохоталась немного смущенно. — Наверное, я выгляжу дурой, да только я еще ни разу на теплоходе не плавала…

— Бывает и романтично… — сказал Клэнси.

— Надеюсь, они там говорят по-английски? Ну, на теплоходе…

— В общем — да.

Она улыбнулась — широкой довольной улыбкой, — вздохнула и встала.

— Ну ладно, хорошего понемножку, а то я уж тащусь от самой мысли об этом путешествии. Но мне и правда пора бежать. Надо еще в последний момент сделать массу покупок, собрать вещи, так что, если ты дашь мне билеты, папик…

Клэнси решил, что по этому вопросу уже узнал все, что можно. Он положил шляпу на пол рядом с креслом и откинулся на мягкую спинку, сложив руки на коленях.

— Билеты, а куда? И для кого? — спросил он мягко. Она вытаращила глаза, опешив на мгновение. Потом ее глаза сузились, губы сжались. — Так ты не из турагентства?

— А я и не говорил, что оттуда, — сказал Клэнси спокойно. — Ты не ответила на мой вопрос.

— Тогда кто ты и что тебе надо?

— Фамилия моя Клэнси. — Казалось, он чувствовал себя очень уютно в глубоком кресле, но его глаза пристально наблюдали за девушкой. — Я лейтенант полиции…

— Поли-ции… — Она обомлела. Но в ее глазах не было ни растерянности, ни страха. Она, похоже, была удивлена, но ничуть не встревожена.

Клэнси нахмурился. Либо она талантливейшая в мире актриса, либо его единственная ниточка лопнула. Он пожал плечами. Еще одна поговорка к сегодняшней коллекции: взялся за

гуж — не говори, что не дюж. Он кивнул.

— Да-да. И я хочу задать несколько вопросов.

Она резко села, лицо ее побледнело.

— А покажите мне свое удостоверение!

Клэнси протянул ей бумажник. Она долго изучала его фотографию, потом вернула бумажник.

— Хорошо, лейтенант. Я понятия не имею, что все это значит, но все равно можете задавать ваши вопросы.

— Вот и славно. — Клэнси сунул бумажник обратно в карман. — Давайте вернемся к первому моему вопросу: куда билеты? И для кого?

— Я не могу ответить, лейтенант. — Она смотрела прямо в удивленное лицо Клэнси. — Извините. Тут нет ничего противозаконного. Просто я сейчас не могу отвечать на этот вопрос. — Она заколебалась и потом, словно борясь сама с собой, выдавила слабую улыбку. — По правде говоря, я и сама не знаю, почему меня просили держать это в тайне, но — просьба есть просьба. — Ее улыбка увяла. — В любом случае, я убеждена, что полиции это не касается.

Клэнси вздохнул.

— Мы в полиции предпочитаем сами решать, что нас касается, а что нет.

— Извините, — проговорила она тихо, но непреклонно. — Я не отвечу на этот вопрос. Дальше?

Клэнси поглядел на нее и пожал плечами.

— Ну ладно. Пропустим этот вопрос, но только пока. Давайте начнем сначала. Кто вы?

Фиалковые глаза гневно сузились. Она задохнулась.

— Вы что хотите сказать, что даже не знаете, кто я, и допрашиваете меня как обыкновенного преступника?

— Я допрашиваю вас не как преступника, — сказал Клэнси терпеливо. — Я допрашиваю вас как гражданку Соединенных Штатов. Пожалуйста, отвечайте на мои вопросы.

Она закусила губу, потянулась к лежащей на кушетке сумочке, раскрыла ее, достала и свирепо швырнула ему портмоне. Лейтенант взял портмоне и стал изучать его содержимое. Там были водительские права, выданные в Калифорнии на имя Энн Реник. Маленькая карточка, закатанная в пластик, сообщала, что Энн Реник, двадцать девять лет, пол — женский, рост пять футов шесть дюймов, волосы светлые, глаза фиолетовые. Он повернул карточку тыльной стороной и отметил про себя отсутствие отметок о нарушении правил дорожного движения. Затем достал из кармана записную книжку и сделал там какие-то пометки, после чего вежливо протянул ей портмоне. Она сидела, сжав

губы, с гневно пылающими глазами. Вырвала у него из руки портмоне и бросила в сумочку. Клэнси кивнул и стал осматривать комнату.

— Это ваша квартира?

— Нет. Она принадлежит моей подружке… — Внезапно ее осенила какая-то мысль. Лицо разгладилось, и она немного успокоилась. — Это как-то связано с квартирой?

— Вы давно здесь живете?

— Два дня. Моя подружка уехала на пару недель и разрешила пожить у нее. Она оставила ключ у дворника. Это имеет какое-то отношение к квартире?

Клэнси вздохнул. Ему, похоже, было ужасно уютно сидеть в этом кресле, но когда он задал следующий вопрос, его взгляд буквально впился в лицо молодой женщины.

— Вчера утром вам звонили из отеля «Фарнсуорт»?

Он мог поклясться, что удивленное выражение на ее лице было абсолютно естественным.

— «Фарнсуорт»? Первый раз слышу.

Клэнси нахмурился. Он легко встал с кресла, подошел к телефону и посмотрел на номер. «Университет — 6-7887». Так, либо старик менеджер неправильно записал номер, с которым его просил соединить новый постоялец, либо тут что-то нечисто. И все же девушка из Калифорнии, как и Джонни Росси. Связь, конечно, хрупкая, это надо признать, потому что то же самое связывает еще несколько миллионов человек в этой стране, но ведь она еще не захотела рассказывать ему о предстоящем путешествии в Европу. Что тоже не Бог весть какое преступление. Ты, кажется, не там ищешь, Клэнси, подумал он и обернулся.

— А вам вчера утром кто-нибудь звонил?

Она закусила губу.

— Это не ваше дело.

В груди у Клэнси екнуло: ну, наконец-то! Это был первый сигнал того, что он находится на верном пути. Он продолжал уже более уверенно и настойчиво.

— Вам что-нибудь говорит имя Джонни Росси?

И вдруг выражение ее лица разом изменилось, но все-таки это был не страх. Скорее просто осторожность и затаенная тревога.

— Да, я слышала о Джонни Росси. А что?

Клэнси взвесил все шансы за и против полной откровенности и решил все ей выложить. Он отошел от столика с телефоном и приблизился к женщине вплотную, заложив руки за спину и не спуская с нее глаз.

— Вы знали, что вчера утром Джонни Росси здесь, в Нью-

Йорке, поселился в отеле «Фарнсуорт» под вымышленным именем? И что сразу же после регистрации он позвонил из отеля в эту квартиру? — Он сделал секундную паузу и продолжал: — И что сегодня ночью неизвестный проник в этот отель и стрелял в него из дробовика?

Сначала фиалковые глаза смотрели на него невидящим взглядом, потом, когда до нее дошел смысл сказанного Клэнси, она отреагировала именно так, как он и ожидал. Ее лицо смертельно побледнело, фиалковые глаза, устремленные на него, наполнились ужасом и закрылись. Он поначалу решил, что она сейчас упадет в обморок. Ее свежевыкрашенные ногти вцепились в подушки кушетки, спазматически сжались и стали тихо царапать парчовую обивку. Она совсем сникла.

— Нет, — прошептала она хрипло. — Нет! Я не верю!

— Верьте! — жестоко сказал Клэнси. — Это правда.

— Нет! — Ее лицо сморщилось: она едва сдерживала слезы. — Вы лжете. Это подлый розыгрыш. Он бы меня предупредил… Это розыгрыш. Они бы не стали!

— Кто? — Клэнси хищно склонился над ней и чуть не закричал. — Кто не стал бы?

Женщина подалась вперед, точно во сне, бессознательно царапая пальцами подушки. Волосы беспорядочными прядями упали ей на лицо, невидящие глаза уставились в пол.

— Это какая-то ошибка. Они бы не стали. — Она подняла невидящие глаза: она обращалась не к Клэнси, а к какому-то мысленному собеседнику. — Нет, они не могли. Зачем им?

— Говорите! — грубо крикнул Клэнси. — Кто в него стрелял?

Ответа не последовало. Молодая женщина, казалось, внимательно рассматривала узор на ковре. Она порывисто вздохнула, пересиливая себя, а потом начала медленно качать головой из стороны в сторону. Тихие стоны скоро затихли. Она положила руки на колени и крепко сцепила ладони. Так она сидела несколько минут, уставившись в пол. Когда же она наконец подняла глаза, ее лицо было совершенно бесстрастным.

— Что вы сказали?

— Я спросил: кто стрелял в него? — резко, почти свирепо сказал Клэнси. — Вы же знаете! Кто?

Она смотрела на него все тем же невидящим взглядом, и, казалось, не слышала вопроса. Она медленно перебирала в уме события, вспоминала, сопоставляла, сравнивала ужасные факты, осознавала собственную беспомощность и наивность. И вот решимость поборола все прочие эмоции. Она устало поднялась и отвернулась от кушетки.

— Мне надо уйти, — сказала она едва слышно, оглядывая

комнату так, точно недоумевая, как это она могла совсем недавно сидеть здесь и беззаботно радоваться. Ее затуманенный взгляд скользнул по Клэнси, точно это был предмет обстановки или напольная лампа у кушетки.

— Вы никуда не пойдете, — холодно возразил Клэнси. — Вы будете отвечать на мои вопросы. Кто в него стрелял?

Она удивленно посмотрела на него, оторвавшись от своих дум при звуке его голоса. Ее взгляд снова стал осмысленным, губы чуть сжались.

— Вы собираетесь меня арестовать, лейтенант? Если так, то по какому обвинению? И где ордер на арест? — она двинулась в спальню. — Мне надо одеться и уйти…

Клэнси посуровел.

— Я… — Он осекся, соображая. — Ну ладно, — продолжал он миролюбиво. — Но мы вернемся к этому. Потом. Позже.

Похоже, она опять о чем-то задумалась.

— Да, так-то оно будет лучше, лейтенант. Потом. Позже. Когда у меня будет больше времени… — Она отвернулась, нахмурившись, и медленно, как сомнамбула, пошла в спальню, не замечая, что ее халат распахнулся и уже почти волочится по полу.

Клэнси кивнул ей в спину и быстро пошел к выходу. Он сбежал по лестнице, толкнул тяжелую дверь и поспешил на угол улицы. Его взгляд упал на окно аптеки: телефонная будка примостилась внутри у витрины, так что звонивший мог видеть всю улицу. Он вбежал в аптеку, прошагал мимо прилавка со множеством всех мыслимых товаров, за исключением сугубо аптечных, и втиснулся в телефонную будку. Отсюда ему был хорошо виден полосатый навес над подъездом жилой многоэтажки. Он быстро набрал номер полицейского участка.

— Алло, сержант? Это лейтенант Клэнси…

— Лейтенант? Где вы пропадаете? Тут такое творится! Помощник окружного прокурора Чалмерс названивает каждые пять минут. И капитан…

— Сержант! — рявкнул Клэнси. — Помолчи и слушай! Стэнтон на месте?

— Только что пришел. Но лейтенант, я же говорю…

— Послушай меня! Позови Стэнтона.

В голосе дежурного сержанта послышались нотки смирения.

— О'кей, лейтенант. Сию минуту.

Клэнси нетерпеливо ждал, не отрывая глаз от помпезного подъезда дома 1210. На улице между тем игра в хоккей была в полном разгаре, о чем свидетельствовал ребячий гомон. Оборки полосатого навеса развевались под теплым ветерком. Внезапно его оглушил рокочущий голос Стэнтона.

— Привет, лейтенант! Ну, был я в этом номере и…

— Потом, Стэнтон! Сейчас я тебя прошу: дуй на угол Коламбус и Восемьдесят шестой. Я здесь в телефонной будке в аптеке на углу. Юго-восточный угол. Я тебя увижу. Давай быстрее!

Он повесил трубку прежде, чем Стэнтон успел задать вопрос, вышел из тесной будки и подошел к полке, на которой высилась стопка потрепанных телефонных книг. Он вытащил одну и стал листать. Но при этом не спускал глаз с подъезда дома 1210. А может она выйти черным ходом? Может, если захочет лезть через забор: там ни подъездной аллеи, ни пешеходной дорожки. Во всяком случае, он был вынужден положиться на удачу — не может же он находиться сразу в двух местах.

Вдруг кто-то больно ткнул его в плечо; он обернулся и увидел перед собой полную женщину в брюках и палантине, с негодованием взирающую на него. Он отошел в сторону, дивясь ее замысловатому наряду. Она начала листать том, который он только что держал в руках, что-то гневно бормоча про себя. Клэнси двинулся к журнальному стенду, глядя поверх него на подъезд дома 1210. Где же Стэнтон, черт его дери? Он понятия не имел, сколько времени требуется женщине, чтобы переодеться, но уж ясное дело, не целый день!

Подъехало такси, из которого выскочил Стэнтон. Клэнси перегнулся через стенд и, рискуя его повалить, постучал по стеклу витрины. Стэнтон обернулся, кивнул и сунул таксисту мелочь. Клэнси, расталкивая покупателей, поспешил к выходу и перехватил Стэнтона в дверях. Лейтенант поволок его от аптеки на угол, где они остановились, укрывшись за зеленым газетным киоском. Клэнси торопливо говорил, не спуская пристального взгляда с полосатого навеса над подъездом.

— Надо сесть на хвост одной девице, Стэн. Я ее тебе сейчас покажу. Она должна выйти из того дома, с полосатым навесом над подъездом. Зовут Энн Реник, двадцать девять лет, рост пять футов шесть дюймов, блондинка, фиалковые глаза. Такая красоточка — закачаешься. Смотри, не упусти ее ни в коем случае. При любой удобной возможности звони мне в участок. Я буду ждать. А я договорюсь с кем-нибудь из наших женщин агентов — она подстрахует, если девица попробует от тебя оторваться в шляпном магазине, или в сортире, или еще как-нибудь…

— А она знает, что за ней хвост?

— Сейчас она ничего не знает. Она немного не в себе и плохо соображает. Я ей, кажется, дал сильную встряску, хотя будь я проклят, если понимаю, чем. Тем не менее она скоро придет в

себя и начнет соображать. Эта девчонка не дура, Стэн! — Он схватил сержанта за рукав. — Дело пахнет жареным. Энн Реник точно знает, кто… Погоди! Вот она — только что вышла, смотри — такси ловит! — Клэнси сунул руку в карман. — Вот тебе ключи от моей машины, вон она стоит, сразу за спиной Энн. Иди садись за руль и, как только она поймает такси, поезжай за ней. Смотри, не упусти ее!

Последние слова были обращены в пустоту. Стэнтон уже пересекал улицу. С деланно-беззаботным видом он прошел мимо женщины, даже не взглянув на нее. Молодая женщина стояла на самой кромке тротуара, подавшись вперед, и нетерпеливо махала рукой проезжающим такси. Ее светлые волосы растрепались на ветру и в них играло солнце. Клэнси, стоя в своем укрытии, увидел, как к навесу подкатило такси. Женщина нагнулась к водителю и стала что-то ему говорить, потом открыла заднюю дверцу и прыгнула на сиденье. Такси отъехало от тротуара. Стэнтон в машине Клэнси тронулся с места и спокойно поехал за ними. Обе машины свернули за угол.

Клэнси удовлетворенно потер руки. Началось! Наконец-то все сдвинулось с мертвой точки. По крайней мере дело стало вырисовываться из полного тумана, окутавшего его со вчерашнего дня.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Суббота. 12.45

Клэнси вышел из такси на углу Тридцать девятой улицы и Десятой авеню, расплатился с водителем. Войдя в бар, он быстро направился в глубь зала к телефонам-автоматам. Жаль, что пришлось потерять так много времени и ехать в такую даль, в особенности когда полным-полно работы, но по-другому нельзя было. Сейчас надо хвататься за любую возможность. Он втиснулся в узкую будочку и набрал номер.

Ему ответил голос, прозвучавший под аккомпанемент ровного перестука бильярдных шаров.

— Да?

— Порки, — сказал Клэнси.

— Щас! — На том конце провода даже не удосужились прикрыть ладонью микрофон, и Клэнси едва не оглох от крика. — Эй, Порки! Тебя к телефону!

В трубке послышался совсем другой голос — тихое соло на фоне все той же бильярдной мелодии.

— Слушаю.

— Порки, я хочу поставить на Бармена.

После мгновенной паузы голос произнес:

— Сколько?

— Один и четвертачок.

— И все?

— И все.

— Поздновато — для такой маленькой ставки.

Голос Клэнси посуровел. Он крепче обхватил телефонную трубку и уставился на нее, точно собирался испепелить своим взглядом невидимого собеседника.

— Для старого друга — никогда не поздно!

Угрожающие нотки в его голосе возымели свое действие.

— Ладно, старый друг. Твоя ставка принята.

— Спасибо, — сухо сказал Клэнси.

Он повесил трубку, поглядел на часы и двинулся в темный угол бара. Он выбрал пустую кабинку между такими же пустыми кабинками, скользнул туда, снял шляпу и вытер вспотевший лоб. «Пожалуй, надо чего-то перехватить, — подумал он. — Времени достаточно». Но странно: мысль о еде не вызвала аппетита. Из-за стойки бара к нему направилась фигура в кожаном фартуке.

— Пахта, — сказал Клэнси. — Большой стакан.

— Хорошо. — Фигура в фартуке поплыла обратно к стойке. Клэнси устало потер ладонью лицо, прикрыл глаза и стал ждать.

Суббота. 13.15

Широко распространенное мнение, будто платные осведомители — это тщедушные, тощие, неопрятные коротышки с заискивающим взглядом, разумеется, само по себе смехотворно. Стукачи, как и всякие профессионалы, бывают разных размеров, форм и весовых категорий, но самые удачливые из них, как правило, весьма общительны, дружелюбны и имеют массу знакомых. Тощим тщедушным грязнулям-коротышкам непросто даже узнать у прохожих точное время, что уж говорить о получении ими важной информации. А важная информация и есть предмет интереса и товар платных осведомителей.

Отличным примером в этом смысле был Порки Фрэнк — всегда опрятно одетый, смазливый весельчак-толстун, который занимался букмекерством просто ради собственного удовольствия. Бизнес у него был небольшой, но надежный, то есть иначе говоря честный. Успех букмекерского дела ни в коей мере не вводил Порки в искушение бросить карьеру осведомителя: он радовался предоставляемой ему этим занятием возможности общаться с людьми, и это занятие служило прибыльным каналом для распространения получаемой им информации, добывание которой в противном случае обернулось бы пустым расточительством его усилий. А пустое расточительство, как еще в детстве научила Порки его строгая мать, — порок.

Он вошел в бар легкой походкой, почти вприпрыжку, прошмыгнул в полумраке к задней стене, одарив приятной улыбкой бармена, юркнул в кабинку, сел напротив Клэнси и бросил довольный взгляд на свои дорогие часы.

— Неплохо. Час пятнадцать ровно. Учитывая, что вы всегда так поздно предупреждаете о встрече, мистер К. К счастью, я не был занят. — Он с изумлением взглянул на стоящий перед лейтенантом стакан с пахтой. — Господи, что это?

— Пахта.

Порки даже отпрянул.

— Так, значит, вы и правда на работе — ни-ни?

Клэнси усмехнулся.

— Хочешь знать правду?

— Конечно, — ответил Порки. — Правда — единственный вид информации, с которой стоит иметь дело.

— Ну, тогда правда состоит в том, что за последние двое

суток я спал около пяти часов и настолько ослаб, что с одного стакана пива я бы, наверно, скопытился.

— Ох, ну слава Богу, я сегодня проспал свои законные восемь часов. Самое приятное в моем бизнесе то, что всегда есть время заняться собой. Так что если позволите… — Он махнул рукой официанту, сделал заказ и развалился на сиденье. Клэнси попивал свою пахту и дожидался, пока официант поставит стакан перед его собеседником.

Порки отпил изрядный глоток, поставил стакан и взглянул на Клэнси.

— Ну-с, мистер К., и кто же вас интересует?

— Росси. Джонни Росси.

Приятное полное лицо заметно напряглось. Порки явно не ожидал, что разговор пойдет на эту тему. Он долго смотрел на лейтенанта задумчивым взглядом, а потом опустил глаза и уставился в свой стакан. Однако когда он вновь поднял взгляд на Клэнси, к нему уже вернулось спокойствие. Он взял стакан и стал вертеть его в руках.

— А почему вы о нем спрашиваете? Он же очень далек от вашей юрисдикции.

Клэнси нахмурился. Странно было слышать такое заявление от стукача, особенно такого, как Порки Фрэнк, которого он хорошо знал.

— С каких это пор тебя беспокоят подобные вещи?

— Меня? — пожал плечами Порки. Он продолжал рассеянно вертеть стакан. — Меня никогда ничего не беспокоит, за исключением, пожалуй, снайперов. Ну и конечно, неплатежеспособных должников. Просто мне странно, что вы о нем спрашиваете.

— Почему?

Порки поднял стакан, отпил и поставил на стол. Он заговорил, точно желая сменить тему.

— В последнее время много чего болтают.

Клэнси сохранял терпение.

— Например?

Порки поднял взгляд и выразительно посмотрел Клэнси прямо в глаза.

— Ну, поговаривают, что в синдикате не все довольны мистером Джонни Росси. Надоел. Возможно, как и вся его семья.

— Из-за чего-то конкретного?

— Насколько я слышал — финансы. И еще слышал, что, может быть, на то есть веские причины. Кое-кто поговаривает, что Джонни Росси в школе следовало бы лучше учиться. В особенности — по части арифметики…

— Садится играть крапленой колодой?

— Ну, насколько я слышал, — мягко сказал Порки, — тут дело даже не в крапленой колоде. Если слухи верны, он снял колоду, да и забыл выложить на стол что-то около двадцати шести карт.

Клэнси понимающе кивнул. Похоже на правду, если сравнить с тем, что ему уже известно. Это объясняло многое. Он взглянул на Порки.

— Ну и как может кто-то из членов организации надеяться, что ему такое сойдет с рук? Неужели у них никто ничего не контролирует?

— Бухгалтерия находится в Чикаго, — сказал Порки. — Так что требуется время, чтобы все проверить. — Он пожал плечами. — Ну, а как можно в банке растратить кучу денег, да и смыться с ними?

— Обычно этот номер не проходит, — возразил Клэнси.

— Ну, насколько я слышал, у Джонни Росси либо пройдет, либо нет.

Клэнси, услышав это загадочное заявление, нахмурился.

— А ты слышал из верного источника?

Порки посмотрел на него и пожал плечами.

— Вы же знаете, как оно бывает. В моем бизнесе всегда слышишь уйму всяких новостей, но ведь ни одна новость не поступает заверенная нотариусом. Лично мне думается: верно болтают.

Клэнси задумался на мгновение.

— Ты сказал, что синдикат, возможно, имеет зуб на всю семью. А что, брат Пит вместе с Джонни замешан в этом деле?

— Не знаю. — Порки Фрэнк, похоже, огорчился оттого, что его осведомленность, как выяснилось, имеет свои пределы. — Я слышал, никаких на этот счет признаков нет, но вы же знаете братьев Росси. Эти двое с пеленок были не разлей вода. Я догадываюсь, что бухгалтерия синдиката сейчас в поте лица проверяет и перепроверяет все отчеты, пытаясь найти пропажу.

— Понятно. И где же сейчас Джонни Росси?

Этот вопрос застал Порки врасплох. Он, усмехнувшись, взглянул на Клэнси, потом приложился к своему стакану, отпил большой глоток и снова поставил его на стол.

— Только не надо пудрить мозги, а, мистер К.?

Клэнси вспыхнул.

— Как это понимать?

Порки смотрел на него невинными глазами.

— То-то я и удивился, что вы стали обсуждать со мной братьев Росси. Я-то думал, что уж кто-кто, а вы мне сможете

сообщить новый адресочек Джонни Росси.

Клэнси, стиснув зубы, впился в глаза собеседнику.

— Что, и об этом сплетни ходят?

Порки поднял руку.

— Не о вас, мистер К. Так, просто треп обычный. Свояку сноха шепнула. — Он с любопытством взглянул на Клэнси. — Так у вас там, где вы работаете, тоже есть свои секреты?

— М-да, — задумчиво сказал Клэнси.

Порки иронически поднял густые брови.

— Вы не желаете сделать заявление для прессы?

Клэнси встал. Лицо его потемнело. Не удосужившись ответить на шутку, он надел шляпу и вышел из кабинки.

— Увидимся!

— О, мистер К.! — воскликнул Порки обиженно-извиняющимся тоном. — Бармен-то оказывается классный жеребец. Он победил в заезде.

— Ах, да! — Клэнси порылся в кармане, вытащил несколько банкнот и положил их на стол.

— Спасибо.

Порки равнодушно сунул деньги в карман и продолжал сидеть, задумчиво рассматривая свой стакан. Клэнси прошел по полутемному бару на улицу и остановил такси.

Чтоб этот Чалмерс провалился! Язык без костей! Значит, уже поползли слухи, что полиция где-то прячет Росси. Потрясающе! Садясь в такси, он отогнал эту мысль и попытался осмыслить только что услышанное. А услышал он всего лишь то, о чем уже и сам догадался. Во всяком случае, его догадки отчасти подтвердились. Только отчасти. Появилась всего одна ниточка, подумал он раздраженно. А беда с этими ниточками в том, что по мере того, как их распутываешь, они становятся все тоньше и тоньше… Он вздохнул, откинулся на подушки и закрыл глаза.

Суббота. 14.05

Увидев Клэнси, устало входящего в дверь участка, дежурный сержант оторвался от своих бумаг. Он бросил лишь один взгляд на осунувшееся лицо лейтенанта и сразу понял, что совершенно бесполезно даже упоминать о непрекращающихся звонках мистера Чалмерса. Бесполезно, а может, даже и небезопасно. «Надеюсь, — повторял про себя сержант, — лейтенант сам знает, что делает».

Клэнси поймал взгляд сержанта, сразу все понял и улыбнулся.

— Что, Чалмерс все названивает?

Взгляд сержанта немного просветлел, но все равно оставался немного смущенным, словно он был тоже виноват в бесконечных звонках помощника окружного прокурора.

— Да, сэр.

Клэнси махнул рукой.

— Кто-нибудь еще звонил?

— Около десяти звонил Стэнтон, через пятнадцать минут после вашего ухода, — ответил сержант, радуясь, что разговор ушел от Чалмерса. — Я послал к нему Мери Келли. Он звонил из отеля «Нью-Йоркер». Наверное, Мери Келли встретила его там, потому что с тех пор ни он, ни она больше не звонили.

Клэнси довольно кивнул.

— А от Капроски есть что-нибудь?

— Он еще не звонил.

— Ладно, — сказал Клэнси. Он двинулся было к своему кабинету, но остановился. Хочешь не хочешь, но надо все-таки поесть, а то так и на ногах не удержишься. — Сержант, окажи мне любезность! Пошли кого-нибудь в ресторан на углу — пусть принесут мне ветчину на ломте ржаного хлеба с соленым огурцом и горчицей. И кофе — с сахаром, черный.

— А я думал, вы ходили обедать, — удивленно отозвался сержант.

— Да, но забыл взять десерт, — бросил Клэнси и пошел по коридору к своей двери. Он ловко зашвырнул потрепанную шляпу на шкаф, рухнул в кресло и уставился на бельевые веревки за окном. За время его отсутствия комбинезоны сменились вереницей мокрых носков. Он угрюмо воззрился на них. Может, эти чертовы веревки болтаются пустыми только на йом-кипур, подумал он устало. А где же я был на йом-кипур?

Зазвонил телефон, он потянулся к трубке, вдруг ощутив усталость во всем, ставшем как будто ватным теле. «Я бы себе посоветовал либо немедленно проснуться, либо отправиться спать, — подумал он. — А то в таком состоянии все из рук валится».

— Да?

— Лейтенант, — раздался извиняющийся голос сержанта. — Я забыл. Когда звонил Стэнтон, он попросил вам передать, что сегодня утром оставил личные вещи того человека из отеля «Фарнсуорт» в среднем ящике вашего письменного стола. Он там и записку оставил. Он сказал, что не успел вам этого сообщить, когда вы с ним виделись на Восемьдесят шестой улице.

— Спасибо, — сказал Клэнси. — Я посмотрю, что он там оставил.

Он положил трубку, отъехал на кресле от стола и выдвинул центральный ящик. Поверх бумажек, заполонивших ящик, лежал коричневый конверт. Он взял его и удивился, что тот такой легкий. Он задвинул ящик, подъехал в кресле к столу и раскрыл конверт. Из него выскользнул бумажник — и больше ничего. Клэнси нахмурился и заглянул в конверт. Ни мелочи? Ни ключей? Ни носового платка? Он покачал головой, вспомнив, сколько барахла всегда напихано по его карманам, и раскрыл бумажник.

Новенький, дешевый, самый обычный бумажник из кожзаменителя — такие можно купить в любом универмаге любого города — их тысячи и тысячи, и все они похожи как две капли воды. Он стал шарить по крошечным отделениям, но ничего не нащупал. Ни карточки, ни фотографии, ни клочка бумаги, ни даже простой картонной карточки для инициалов и адреса владельца, которыми всегда снабжены такие бумажники.

Он отстегнул кнопку внутреннего клапана и обнаружил там несколько банкнот и сложенный клочок бумаги. Он вытащил деньги и пересчитал. Две сотенные, четыре пятидесятки, четыре двадцатки, три десятки и две долларовые купюры. Пятьсот двенадцать долларов. Он машинально записал сумму на конверте, потом взял клочок бумаги и развернул. Его губы тронула улыбка, когда он стал читать написанное крупным почерком Стэнтона послание:

«Вот и все, что я нашел. Я ничего не трогал, но здесь шестьдесят баксов — мои, или были бы моими по справедливости. Но где она, справедливость? Никаких документов при нем не было. Я обыскал всю комнату. В карманах ничего, кроме этого. Ни меток, ни нашивок, ничего. Одна только сумка, вроде тех, что авиапассажирам разрешается брать с собой в самолет, без инициалов, только с надписью „САС“. Наверное, он в ней носил пижаму или халат. Кроме этого — ничего. Даже ни одной чистой рубашки нет. Ни смены обуви. Даже пары чистых носков нет. Ничего! Я все оставил, как было, на тот случай, если ты захочешь все сам перепроверить. Стэн».

Клэнси повертел записку, улыбка растаяла, а лоб покрылся морщинами. Если, как утверждает Стэнтон, нет никаких документов, значит, их и нет. Но полная анонимность была труднообъяснима, в особенности если учесть, что лицо служило основным удостоверением личности этого человека. Даже лишней пары ботинок нет, ни чистой рубашки, ни даже пары носков для смены! «Безносочный Джонни Росси, — подумал Клэнси, — первый подающий в команде „Сан-Квентин“».

Он еще раз осмотрел бумажник, сунул деньги обратно в

кармашек, вложил бумажник в конверт, а конверт положил в ящик. Потом надо будет положить в сейф — но это потом. В любом случае это все бесполезно. Это не зацепка. «Нигде ни одной зацепки, — подумал он удрученно. — Может, если бы я не был сегодня такой квелый, я бы смог заметить то, что лежит у меня прямо под носом. Хороший ночной сон, возможно, помог бы распутать это дело лучше, чем сотня зацепок».

Опять зазвонил телефон и прервал его раздумья. Он потянулся к трубке, превозмогая зевоту.

— Да?

— Лейтенант, тут пришел человек. Он хочет с вами поговорить. — Сержант замялся и продолжал упавшим голосом: — Это Пит Росси…

Клэнси выпрямился — усталость разом как рукой сняло.

— Пропусти!

— Прибыл также ваш сандвич, сэр. — Сержант, похоже, совсем стушевался. — Мне подождать, пока вы освободитесь?

— Нет, пришли! Я думаю, его не удивит вид жующего человека. — Он положил трубку и задумчиво почесал подбородок. Клэнси вдруг понял, что небрит. Надо побриться, надо купить новый костюм и денька два проваляться в постели. И надо получить ответы на множество вопросов, если я и впрямь собираюсь закончить это дело через двадцать четыре часа. Или в двадцать четыре дня.

В дверях появился полицейский. Подойдя к столу, положил завернутый в бумагу сандвич и поставил картонный стаканчик с кофе. Он вышел, а в дверном проеме тут же выросла фигура мужчины лет около пятидесяти, с иголочки одетого, но с грубым, легко узнаваемым лицом профессионального бандита, которое не могло скрасить никакое материальное благополучие. Трехсотдолларовый костюм сидел как влитой на широкоплечей фигуре, а пятнадцатидолларовый шелковый галстук чудом сошелся на бычьей шее. «Более ранний и грубый вариант покойного постояльца отеля „Фарнсуорт“», — подумал Клэнси. Сходство было разительным. Коренастый мужчина стоял в дверях и оглядывал небольшой кабинет. Его крошечные глазки скользнули по обшарпанному письменному столу, поцарапанным шкафам, заметили и убогий вид из окна. Он скривил губу.

Клэнси привстал, протянул руку, придвинул сандвич поближе к себе и начал разворачивать обертку. Он невозмутимо взглянул на стоящего в дверях посетителя.

— Проходи и садись.

Росси взял стул у стены, подвинул его к столу и сел. Он огляделся, ища, куда бы положить свою жемчужно-серую шляпу,

но потом решил, что собственное колено было наиболее чистым местом для шляпы. Клэнси подавил улыбку при виде этой демонстрации и открыл крышку картонного стаканчика. Крошечные и пристальные, как у рептилии, глазки буравили его.

— Так, — сказал Клэнси, засовывая в рот сандвич. — Чем могу помочь?

— Где мой брат? — Голос у Пита Росси был резкий и сиплый и звучал так, словно какой-то недруг поразил его голосовые связки, от чего каждое произнесенное слово давалось ему с трудом и причиняло ужасную боль.

Клэнси прожевал кусок и отпил кофе. Кофе был холодный и, как всегда, имел привкус горячего картона. Он поднял глаза на посетителя.

— Ты ошибся дверью, — сказал он спокойно. — Бюро находок дальше по коридору.

Пит Росси угрожающе сжал челюсти.

— Ты мне мозги не крути, лейтенант! Со мной — не надо! Я не то, что твои местные карманники! Я Пит Росси. Где мой брат?

— А с чего это ты решил, что я знаю?

Тяжелая волосатая рука с ухоженными ногтями взметнулась вверх — гигантское кольцо на мизинце радужно заиграло на свету.

— Не надо мне мозги крутить, лейтенант. Я только что говорил с Чалмерсом в окружной прокуратуре. Где он?

— А что сказал Чалмерс?

— Ты знаешь, что сказал мне Чалмерс. Где Джонни?

Клэнси отправил в рот еще кусок сандвича и стал медленно жевать. Вкус был отвратительный. Он проглотил и, нахмурившись, отодвинул сандвич в сторону.

— А не сказал ли тебе, случаем, Чалмерс, что кто-то стрелял в твоего брата из дробовика? И не промахнулся.

— Да, он мне сказал. Но он также сказал мне, что рана несерьезная. — Тяжелая, точно кусок мрамора, рука легла на стол и сжалась в кулак. — Он также сказал мне, что ты, лейтенант, забрал его из больницы и где-то спрятал. Я хочу знать — где. И зачем.

Клэнси бросил остатки сандвича в мусорную корзину и с омерзением отставил в сторону картонный стаканчик с кофе. Надо было заказать пахты — картонка не испортила бы ее вкус. Впрочем, на что можно было надеяться, если в этом дурацком ресторане за те десять лет, что он существует, научились делать лишь простейший сандвич — ветчина на куске ржаного хлеба. Он достал из кармана сигарету, закурил и сквозь облачко дыма с любопытством посмотрел на посетителя.

— Ты давно в Нью-Йорке, Росси?

— Слушай, лейтенант. Я пришел сюда задавать вопросы, а не отвечать на них.

— Ответь хотя бы только на этот.

Хмурый, тяжелый взгляд лейтенанта заставил вдруг посетителя ясно осознать, что он находится в полицейском участке.

— Пару дней. А что?

— А что ты делаешь в Нью-Йорке? Наскучило сидеть в Калифорнии?

— Я приехал на экскурсию, — невозмутимо пророкотал сиплый голос. — Захотелось поглазеть на небоскребы. Ну ладно, лейтенант, хватит тянуть резину. Где мой брат Джонни?

— Кто тебя надоумил отправиться к Чалмерсу? — продолжал Клэнси. Несмотря на тяжелый пристальный взгляд, в его голосе, похоже, было только равнодушное любопытство. — Что, когда твой братец исчезает, ты всегда начинаешь поиски с канцелярии окружного прокурора? — Его голос неожиданно посуровел. — Или все было наоборот? Это Чалмерс тебя разыскал?

Маленькие глазки презрительно сверкнули из недр припухших век.

— В этом городе любят почесать языком. А у меня есть уши. — Слабая улыбка исчезла так же быстро, как возникла, и сменилась свирепым оскалом. — Ну, и где он?

— Ты мне вот что лучше скажи, — спокойно произнес Клэнси, следя взглядом за спиралью табачного дыма, поднимающегося к потолку. — Про эту стрельбу. Вот твоего брата подстрелили. Кому бы это было нужно, как думаешь?

Лицо Пита, казалось, было высечено из мрамора.

— Ошибка, — проскрипел Росси. — Полагаю, произошла ошибка.

— Что значит ошибка? Ты хочешь сказать, что его приняли за другого? Или ты хочешь сказать, что кто-то пришел в дрянной отелишко, вообразил, будто он в тире, и принял Джонни за «мельницу»? Или за «бегущего кабана»? — Клэнси ласково улыбнулся. — Или за «голубка»?

Ни один мускул не дрогнул на каменной физиономии гангстера.

— Произошла ошибка, — повторил Росси.

— Согласен, — сказал Клэнси безмятежно. — Но вот кто ошибся?

Росси наклонился над столом.

— Слушай, лейтенант, не забивай себе голову! — сказал он с нажимом. — Мы найдем того, кто это сделал, и нам не нужны

легавые для подмоги. В семье Росси умеют находить решения возникшим разногласиям. Мы сами улаживаем свои неприятности.

Клэнси удивленно поднял брови.

— Ты почему-то не учитываешь, что в него стреляли, а стрелять в человека противозаконно. И это, естественно, означает, что полиция должна вмешаться. Но есть и еще одно обстоятельство… — Он пристально посмотрел в глаза посетителю. — Я вот слышал, что семья Росси уж не такая и всемогущая. Я слышал, что они сами уже не могут уладить свои неприятности.

Маленькие глазки превратились в маковые зернышки. Наступила тишина.

— У тебя плохо со слухом, лейтенант. И давай оставим эту болтовню. Где мой брат Джонни?

— Я же сказал тебе, ты ошибся дверью. Обратись в бюро находок.

Пит Росси на секунду задержал взгляд на усталом осунувшемся лице лейтенанта и встал. Его здоровенные руки прижимали серую шляпу к животу.

— Кстати, об ошибках — ты только что допустил одну ошибку, лейтенант. — Он изо всех сил старался говорить мягко, насколько это позволял ему хриплый скрипучий голос. — Большую ошибку. У меня ведь есть друзья.

— Не сомневаюсь, — сказал Клэнси, глядя в тяжелое лицо. — И я не сомневаюсь, что у них есть дробовики…

Пит Росси открыл рот и закрыл. Глядя на Клэнси ненавидящим взглядом, он прошипел:

— У, легавый! Грошовый голодранец, легаш поганый! Да мне на тебя тьфу! Я тебя в упор не вижу! — И пошел к двери.

— Ну зачем ты так… — начал было Клэнси, но сразу осекся, увидев, что обращается в пустоту.

Он повернулся к окну и стал лихорадочно соображать, что бы мог значить визит Пита Росси. Шеренга сохнущих на веревке носков колыхалась на ветру, словно навевая утешение его измученной душе. «Безносочный Джонни Росси, подумал Клэнси, ввинчивая сигарету в пепельницу. Безносочный Джонни Росси, мальчик на побегушках при команде „Чистилище“».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Суббота. 15.20

— Лейтенант? Стэнтон на проводе!

— Отлично. Соедините. — Клэнси отложил рапорт, над которым корпел, и, откинувшись на спинку, стал ждать. Раздался щелчок коммутатора. — Алло! Стэн?

— Привет, лейтенант.

— Ты где?

— В той самой аптеке на Коламбус, где мы встречались сегодня утром. Мери Келли стоит напротив окон ее квартиры, наблюдает. Обсуждает что-то с двумя старушенциями. Похоже, они создают местный общественный комитет за запрещение игры в хоккей в этом районе. Мне отсюда все видно.

— И?

— И вот сейчас я повешу трубку и пойду чего-нибудь перекушу. У меня с утра ни минутки не было.

Клэнси закатил глаза.

— Ты можешь хоть на полчаса забыть о своем желудке? Куда она пошла? Блондинка?

— А! — Стэнтон глубоко вздохнул. — Ну, она направилась прямехонько в отель «Нью-Йоркер», нигде не останавливалась. Такси довезло ее до выхода на Тридцать четвертую, и она на всех парах побежала внутрь. Я припарковался на стоянке такси, и мне пришлось посветить своим значком, когда швейцар попытался намылить мне шею. Короче, оставил я там твою колымагу и помчался в отель. И как раз успел заметить, что блондинка села в лифт. Двери закрылись у меня прямо перед носом. Но я же знал, что не должен терять ее из виду, поэтому я зашел в телефонную будку, откуда были видны лифты, позвонил в участок и попросил сержанта прислать кого-нибудь мне на подстраховку, а он сказал: будет Мери Келли.

— Продолжай! — нетерпеливо приказал Клэнси.

— Ну, мне пришлось торчать в вестибюле и следить за лифтами. Я даже не мог отойти и допросить лифтера, который отвез блондинку наверх, потому что у них там лифты с двух сторон, и я боялся, что если пойду к тому лифту, она может спуститься на другом лифте, и я ее упущу…

— Господи ты Боже мой! Дальше!

— Короче, я решил, что как только появится Мери Келли, я смогу отлучиться и допросить лифтера, но тут смотрю: эта

блондинка вылезает из другого лифта — значит, я все-таки был прав — и бежит к почтовой стойке.

Клэнси нахмурился.

— К почтовой стойке?

— Ну да! Она пошла к почтовой стойке и поговорила там с клерком, а потом клерк передал ей конверт. Она сунула конверт в сумочку, достала оттуда другой конверт и отдала его клерку. Маленький такой конверт…

— Стоп! — Клэнси на мгновение задумался и щелкнул пальцами. — Ну, конечно!

— Что конечно? — озадаченно спросил Стэнтон. Потом его осенило: — Так ты знаешь, что было в тех конвертах, лейтенант?

— Кажется, догадываюсь, — сказал Клэнси. — Билеты на теплоход. Вот потому-то она так долго и не выходила из квартиры. А я-то думал: чего она там копается — неужели ей нужно так много времени на переодевание? Теперь все встало на свои места. Она позвонила в турагентство и попросила их доставить билеты в отель. А сама оставила там конверт либо с деньгами, либо с чеком, чтобы посыльный из турагентства его забрал. — Он удовлетворенно кивнул и вспомнил о Стэнтоне. — А потом что?

— Билеты на теплоход? — спросил пораженный Стэнтон. — Какие еще билеты на теплоход?

— Неважно. Долго объяснять. Расскажи, что дальше было в «Нью-Йоркере».

— Так, что дальше… Ну, короче, стою я там, маскируюсь под приезжего зеваку и надеюсь, что Мери Келли не будет телиться и скоро появится, потому что я страшно хотел подойти к тому клерку за почтовой стойкой и спросить у него, что это за конверты, а может, хоть одним глазком взглянуть на тот, что оставила мадемуазель Реник. Как вдруг она, Реник, разворачивается и опрометью несется на улицу. Я даже не знаю, что же мне теперь делать — смеяться или плакать, потому что она мчится к выходу на Восьмую авеню, а я-то машину оставил на углу Тридцать четвертой! И тут я понимаю, что машину придется бросить и брать такси, а Мери Келли будет ломать голову, куда это я запропастился, но, слава тебе, Господи, нам повезло: она обошла отель вокруг и вышла-таки на Тридцать четвертую и там поймала такси. А я прыгнул за руль. Тут как раз и Мери Келли собственной персоной явилась, а у меня ни минутки не было ввести ее в курс дела, и я решил, что «Нью-Йоркер» может подождать. Хватаю Мери Келли, сажаю ее в машину, газую, и мы садимся той на хвост.

— Передохни, — сказал Клэнси. — Она где-нибудь

останавливалась по дороге?

— Нет. Только знаешь, что она сделала? Она заставила таксиста возить ее вокруг Центрального парка с полчаса. Но не останавливалась и не вылезала. Только каталась по кругу все полчаса. — Он замялся. — И знаешь, лейтенант, ты бы показал свою тачку хорошему механику. А то поршни так стучат, что за милю слышно:

— Знаю, — сказал Клэнси. — Это все?

— Все. Она вернулась к себе домой, Мери Келли стоит в квартале от ее подъезда и чешет языком с двумя старушенциями да поглядывает на подъезд. А я вот тебе звоню. И еще собираюсь пойти перехватить сандвич да стаканчик кофе.

Пока Стэнтон излагал свое намерение, Клэнси размышлял. Он подался чуть вперед, крепче обхватил пальцами телефонную трубку.

— Ты можешь забыть о своем желудке? Потом поешь! Вот что: пусть Мери Келли стоит на наружном наблюдении. Я сейчас кого-нибудь туда пошлю ей в пару. А ты возвращайся в «Нью-Йоркер». Узнай, на каком этаже она вышла, а потом постарайся узнать у горничной или коридорного, в какой номер она заходила. Если не удастся, узнай по крайней мере этаж, а потом попроси у портье список всех постояльцев на этаже. Проверь имена: Реник, Ренделл, Росси…

— Все на «Р»?

— Пока да. Кстати, я вот еще что подумал. Срисуй-ка мне этот список проживающих. А потом спустись вниз и спроси клерка у почтовой стойки обо всем, что он помнит про конверт, — тот, что взяла блондинка. Может, там в углу указан обратный адрес или еще что. И если конверт, который она оставила, все еще там лежит, принеси его. Если они будут выступать, дай мне знать. А если конверт уже забрали, спроси у клерка, не помнит ли он, кому был адресован конверт или по крайней мере кто его забрал.

— Еще что-нибудь?

— Это все, что мне пока пришло в голову. Ты все понял?

— Я-то понял. Я бы поел, конечно, но я понял. — Стэнтон вздохнул. Ему в голову пришла новая мысль. — Кстати, лейтенант, ты нашел тот бумажник в своем ящике, что я тебе оставил?

— Нашел. Это все?

— Все. Ни разу в жизни не видел такого чистюли. Сам не знаю, почему я этого сразу не заметил, когда сидел с ним в номере. У него ведь не было даже бритвенных принадлежностей. Даже зубной щетки — и той не было. У него не было даже чистой

пары носков на смену!

— А это просто-напросто означает, — задумчиво произнес Клэнси, — что он и не собирался оставаться там до вторника. — Его глаза сузились. — Может, он даже не собирался оставаться там и до завтра.

— Хочешь сказать, он собирался сделать ноги? — поразился Стэнтон. — Оставшись мне должным больше шестидесяти баксов?

— Я же тебе вдалбливал: не играй в азартные игры! Я же тебя предупреждал. Может, он просто забыл, может, у него голова была тогда забита куда более важными вещами.

— М-да! Мне это сразу показалось. Ну ладно, поеду-ка я в отель.

— Пожалуйста! — сказал Клэнси. — И звони мне.

— Ладно. — В трубке послышались короткие гудки. Клэнси сидел, сжимая умолкнувшую трубку, затем несколько раз нажал на рычаг, пока не возник голос сержанта.

— Сержант, кто сейчас в участке свободен?

— Квинлевен свободен.

— Отлично. Пошли его к дому 1210 по Западной Восемьдесят шестой улице, на подстраховку. Мери Келли находится там, на другой стороне, ведет наружное наблюдение. Ей может понадобиться помощь. Пусть он у нее узнает, что надо делать, — она ему все объяснит.

Клэнси положил трубку и развернулся в кресле к окну, пытаясь соединить разрозненные сведения, которые ему удалось добыть за это время. У него были факты, постоянно всплывали новые, но они что-то пока не склеивались. Он вздохнул. Может, когда позвонит Капроски, может, когда у него будут еще какие-то факты, все прояснится. Он недовольно покачал головой. «Может, ты этот клубок и распутаешь, подумал он с горечью, но не раньше, чем когда кто-нибудь войдет в этот кабинет и положит на стол подписанное признание».

Он вернулся к своему рапорту.

Суббота. 16.40

— Лейтенант? Капроски на проводе!

— Хорошо. — Клэнси отложил ручку и почесал затылок. Он потянулся и расправил плечи, пытаясь избавиться от ломоты в спине. — Кап?

— Привет, лейтенант!

— Где ты?

— Стою на Бродвее. Существенно к северу. На углу Бродвея и

Сто восьмой. — Голос Капроски звучал уныло. — Слушай, сколько мне еще кататься на этой карусели?

— Безуспешно?

— Ничего, — вздохнул Капроски. — Лейтенант, могу поклясться, я обошел триллион турагентств. Я прочесал все конторы к югу до Коламбус-авеню, а к северу — до Кафедрал-паркуэй и Сто десятой. Это тут в двух кварталах. Там они занимаются только чартерными рейсами до Пуэрто-Рико. И представляешь: я обошел половину из всех имеющихся. Сначала я обходил только крупные. — Капроски чуть не хныкал. — Ты хоть знаешь, сколько турагентств в этом городе? Мама родная! Если бы каждое агентство обслуживало хотя бы по полпассажира, Нью-Йорк летом опустел бы! — Он задумался. — И я бы не стал плакать.

— А как насчет теплоходных рейсов? Ты проверял компании?

— Да, я их все обзвонил. Все, чьи теплоходы уходят в Европу, начиная с сегодняшнего дня и на неделю вперед. У меня вскочила мозоль на пальце. Половина из них даже не в курсе, кто их пассажиры. Нам повезло, что они хотя бы знают, куда отправляются их теплоходы. Какие-то там болваны сидят!

Клэнси нахмурился и погрузился в раздумья. Капроски вторгся в его мысли.

— И еще вот что, лейтенант.

— Да? Что?

Капроски замялся.

— Ну, ты мне сам не сказал, но я подумал, почему бы не проверить фамилию Рэнделл вместе с Реник…

Клэнси выпрямился, мысленно отвесив себе подзатыльник.

— Слава Богу, хоть у кого-то в этой конторе котелок варит! Ну и?

— Та же история. Пусто. — Капроски помолчал. — Мне продолжать?

Клэнси немного подумал.

— А как насчет Росси?

— Это идея, — глубокомысленно заметил Капроски. — Как это я не догадался! — Он помолчал. — Во многих агентствах мне показывали списки клиентов. Об этих можно теперь не беспокоиться. Но некоторые из них были филиалами — их конторы расположены в центре. Я могу вернуться и проверить их снова, если хочешь. И еще у меня тут записаны адреса парочки агентств неподалеку отсюда.

— Может, и стоит, — сказал Клэнси. — У меня уже исчерпались идеи. И время. — Он взглянул на свой рапорт, не видя строчек. — Но ты ведь не проверял по адресу — дом 1210 по

Западной Восемьдесят шестой улице? Может, она оставила адрес, когда бронировала билеты?

— Но я ведь даже не знал ее адреса! — запальчиво возразил Капроски. — Ты же мне не сказал.

— Я совсем запарился, — сказал Клэнси. — Ты уж прости меня. Мне, естественно, надо было оставить кого-нибудь у ее квартиры и взять того парня, кого она зовет «папик». Он из турагентства. За него Реник приняла меня. — Вдруг до него дошел второй смысл слова «папик», но он сразу отогнал эту мысль и вернулся к интересующей его проблеме. — Она сказала, что он опаздывает, так что, возможно, у нас не было бы времени. А если он пришел позже, она все равно бы ушла. А в-третьих, вообще поздно огорчаться по этому поводу.

— Какой парень?

— Неважно. — Клэнси подивился собственной глупости. — Проехали. Я тебя, Кап, прошу только об одном: не останавливайся! Продолжай поиски! Не знаю, что тебе еще сказать.

— Ну что ж, тогда мы продолжаем, — сказал философски Капроски. — Как говорится, количество часов в сутках можно и увеличить.

— Но грешно тратить их попусту, — угрюмо отозвался Клэнси.

— Тратить? Да кто тратит? — возразил Капроски браво. — Я буду звонить, лейтенант!

— Ну и славно, — сказал Клэнси и бросил трубку на рычаг.

Он поглядел в окно, разочарованный неудачей Капроски. Его взгляд привлекла бельевая веревка. Однажды эта веревка болталась пустая, и ему ужасно захотелось припомнить, когда это было. На Рождество? На Новый год? В день святого Патрика? Он вернулся к своему рапорту, так и не найдя ответа. «И как это только, — вдруг подумал он при виде исписанных страничек, — полицейские участки умудрялись функционировать до изобретения пишущих машинок, без карандашей, без ручек? Особенно без шариковых ручек. Или, может быть, до той поры, как изобрели служебные рапорты, и не надо было исписывать горы бумаги синими, фиолетовыми, красными и черными чернилами, у полицейских оставалось больше времени для поимки преступников? Возможно ли такое? Не имея под рукой шкафов с документацией, ротапринта, шариковой ручки? Да и мусорной корзины?»

Весьма маловероятно. Весьма. Он снова оттолкнул странички рапорта — на этот раз решительно. Вот посплю вволю, плотно поем, тогда и вернусь к этой писанине, пообещал он самому себе

и задумался. События, которые он излагал в этом рапорте, произошли менее тридцати шести часов назад, а их подробности уже начали таять в памяти. Может, все-таки рапорты играют свою существенную роль в жизни, согласился он. А может, крепкий ночной сон — вот единственный ответ…

Зазвонил телефон. Он перестал мечтать о мягкой, теплой постели, вернулся в свой обшарпанный кабинет и, тяжко вздохнув, снял трубку.

— Да?

— Лейтенант! Опять Капроски!

— Соедини!

В ожидании он вытащил помятую пачку сигарет, достал последнюю, сунул в рот и закурил. Скомкал пустую пачку и отправил ее в мусорную корзину.

В трубке зазвучал голос Капроски, в котором слышалось плохо скрываемое ликование.

— Лейтенант? Ну, кажется, нам попалась рыбка. Я из того же места, откуда только что звонил. Турбюро «Карпентерс» на углу Бродвея и Сто восьмой. Твоя догадка сработала. Слушай: у этого Пита Росси настоящее имя не Порфирио ли?

— Точно, — сказал Клэнси, вспомнив. — Но все его зовут Пит. Ну так что?

— А то, что когда ты предложил еще проверить имя «Росси», — торжествующе продолжал Капроски, — я решил, а почему бы не начать прямо отсюда. И узнал, что они сделали бронь на имя Порфирио Росси и уже доставили билеты.

Клэнси сощурился.

— Один или два билета?

— Один.

— Куда?

У Капроски упал голос.

— Вот тут загвоздка, лейтенант. Билет не на теплоход. На самолет. И не в Европу, а в Калифорнию. В Лос-Анджелес.

Клэнси оторопело поглядел на телефон.

— Ты звонишь из агентства?

— Да, из автомата. Тут у них будка в углу. А что?

— Спроси, когда был сделан заказ. И на какое число. Когда он улетает?

— Подожди.

Трубка умолкла: Капроски оставил ее болтаться на шнуре, а сам отправился узнавать. Когда он заговорил снова, в его голосе уже не было торжествующих интонаций, но зато он выдал полную информацию.

— Заказ был сделан сегодня около четырех. Меньше часа

назад. На сегодняшний ночной рейс. Десять минут первого. «Юнайтед эрлайнз», рейс 825 из «Айдлуайлда». Ему надо зарегистрироваться не позже, чем за полчаса до вылета.

— Куда доставили билет?

— Билет послали в отель «Пендлтон». Все дело заняло минуту. Они позвонили туда, выписали билет и отправили его с посыльным. В отеле сказали, что Росси там остановился под своей фамилией.

Клэнси быстро соображал. Он уже окончательно очнулся. Вот это новость — возможно, самая главная! Он смял в пальцах сигарету и склонился над телефоном.

— Далеко ли от «Пендлтона» до «Фарнсуорта», не знаешь?

— От «Пендлтона» до «Фарнсуорта»? Ну, что-то… — Тут Капроски все понял. — Да самое большое — два квартала! Лейтенант, мне пойти туда и взять этого Росси за задницу?

— Нет, у нас мало оснований. Но вот что ты можешь сделать. Отправляйся в «Пендлтон» и попробуй узнать, был ли Росси у себя в номере прошлой ночью. И если он отсутствовал, то когда вышел и когда вернулся.

— Ты читаешь мои мысли, лейтенант?

— Ничего я не читаю, — спокойно сказал Клэнси. — Отправляйся. И позвони, когда все выяснишь.

— Ладно. Все равно турагентства скоро закрываются. Уже около пяти. — Капроски засмеялся. — Ну, гора с плеч. Еще пять минут — и я бы сам купил билет в Европу.

— Купи билет в «Пендлтон»! — буркнул Клэнси и бросил трубку.

Он развернулся в кресле к окну. Небо над крышами жилых домов подернулось серой пеленой сумерек, клонящееся к западу солнце бросало на стены мягкие тени. Итак, Пит Росси заявился в полицейский участок примерно в два пятнадцать и завел свою волынку «где мой братишка», а менее чем через два часа купил себе билет на самолет обратно в Калифорнию. Интересно, очень интересно! Коварный лейтенант полиции умыкнул его любимого раненого братишку неизвестно куда, и мистер Порфирио Росси приходит в участок, грозит кулаком, а потом преспокойненько садится на самолет с чувством выполненного долга. Интересно — это еще слабо сказано. Скорее уж невероятно. Даже «невероятно» не годится для такой ситуации. Невозможно! Вот это самое точное слово: невозможно.

Он уставился на сгущающиеся сумерки. В окне жилого дома напротив, четко очерченного на фоне темнеющего неба, возник силуэт полной женщины. Она потянулась к бельевой веревке и начала один за другим стаскивать с нее носки и развешивать

вместо них застиранные майки. Круглосуточная служба, подумал Клэнси. Вечный двигатель. Где же я был в День Благодарения? А в День Памяти погибших? А Четвертого июля? Безносочный Джонни Росси, водонос специального взвода бестолковых из 52-го участка…

Он похлопал себя по карманам в поисках сигарет и вспомнил, что недавно выкинул пустую пачку. Со вздохом он стал привычно рыскать по всем ящикам, выдвинул центральный ящик письменного стола, наткнулся на большой коричневый конверт, машинально пошарил среди бумаг. Ничего. Негодующе покачав головой, он задвинул ящик и выдвинул верхний правый. Тот, дойдя до середины, застрял, удерживаемый чем-то внутри. Он запустил ладонь в щель — пальцы нащупали тапочек и сильно прижали его ко дну ящика. Ящик дернулся вперед, и Клэнси запустил руку под стопку белой одежды, чтобы убедиться, не оставил ли он там, случаем, пачку сигарет.

У него под рукой зашуршали какие-то клочки бумаги — и больше ничего. Разочарованно тряхнув головой, он уже собрался было задвинуть ящик и позвонить сержанту, чтобы тот послал кого-нибудь за сигаретами, как вдруг замер и похолодел.

Рука его снова юркнула в ящик и выудила оттуда один тапочек. Он стал его разглядывать, потом сунул ладонь внутрь и нащупал скомканный носок. Он машинально бросил взгляд за окно и представил себе батарею носков, раскачивавшихся там весь день. Безносочный Джонни Росси, левый крайний команды… Его рука резко потянулась к телефону.

— Сержант! Барнет здесь?

— По-моему, да, лейтенант.

— Мне надо знать точно, а не по-твоему. Посмотри! А если нет, найди его! И пусть пулей мчится ко мне в кабинет.

Он положил трубку. Глаза его горели. Ну, конечно! Вот что целый день не давало ему покоя — носки! Он прикрыл глаза, мысленно представляя больничный коридор, полумрак в палате, полицейского охранника, клюющего носом перед дверью на стуле. И темную фигуру, уверенно шагающую мимо охранника: открывается дверь, и нож всаживается в грудь лежащего на кровати. А потом фигура так же легко выскальзывает из палаты. Что там говорил Честертон? Да, и бойлерная. Он там не был, но мог себе ее представить: с современным котлом, возвышающимся над полом, и запиханная под котел одежда, которую сразу можно заметить… Одежда, взятая из шкафчика врача, находящегося в отпуске… И открытая все время дверь на задний двор. И кран, который так вовремя сломался, и его потребовалось срочно починить… Разрозненные факты начали наконец складываться в

единую мозаику, появляясь из потаенных глубин памяти, куда он их бессознательно складывал. Теперь все эти фактики послушно выстраивались в ряд, точно солдаты в парадных шеренгах.

Осторожное покашливание вернуло его в настоящее. Он открыл глаза. Перед ним стоял навытяжку Барнет, взволнованно глядя на него.

— Вы хотели меня видеть, лейтенант?

— Да. — Клэнси выпрямился. — Барнет, подумай и вспомни. Вчера, вернее сегодня утром, когда ты сидел под дверью палаты. Сколько раз входил врач?

— Два раза. Я же говорил.

— Еще раз скажи. Как он выглядел? Второй.

Барнет смутился.

— Я же все рассказал, лейтенант. На нем был обычный костюм врача: белая куртка, белые брюки, белые тапочки. На голове белая шапочка, на лице марлевая маска.

— А ты не рассмотрел его волос? Лица?

— Нет, сэр. Да и, если помните, у них в этой больнице в коридорах такая темень ночью. Они же выключают верхний свет и оставляют только крохотные лампочки на стенах.

Клэнси кивнул.

— А перчатки? У него на руках были перчатки?

Барнет наморщил лоб, припоминая.

— Черт, я не помню. А что я утром говорил?

— Ты сказал: были перчатки.

Барнет пожал плечами.

— Ну, значит, были. Тогда я все это лучше помнил. Если я сказал, что были перчатки, значит, у него были перчатки.

Клэнси улыбнулся. Это была почти кровожадная улыбка довольного каннибала.

— Хорошо, Барнет. Все. Спасибо.

— Черт, лейтенант, извините, что больше не могу ничего припомнить.

— Ты мне рассказал больше, чем ты думаешь! — ответил Клэнси. Его улыбка увяла. Он уже говорил сам с собой. — Ты мне все это рассказал утром в больнице, но я тебя плохо слушал. Наверное, со мной случился шок. Или приступ идиотизма. — Он вдруг понял, что размышляет вслух, и кинул на патрульного бесстрастный взгляд. — Все, Барнет. Можешь идти.

— Есть, сэр. — Рослый патрульный помялся и поспешно развернулся на каблуках, торопясь уйти. Клэнси уже нащупал телефонную трубку.

— Сержант! Мне нужен док Фримен. Возможно, он еще в лаборатории — проверь там в первую очередь. Я подожду у

телефона.

Он откинулся на спинку кресла, держа трубку около уха, снова перебирая в уме цепочку фактов. Оставалось еще множество бессвязных фактов, которые никак не выстраивались в единую цепь, но по крайней мере один элемент этой шарады можно было считать решенным. А за этой разгадкой потянется вся цепь. Может быть… Внезапно его лоб избороздили морщины. «Но ты же понимаешь, старина Клэнси, — сказал он про себя, — что если ты сейчас не ошибаешься, то тогда все дело запутывается еще больше, а?» Он тяжело вздохнул. «Ладно, черт с ним. Давайте-ка по порядку». Он вдруг осознал, что сержант на проводе и уже довольно давно ему что-то говорит.

— Лейтенант? А, лейтенант? Вы меня слышите?

— Я здесь, сержант.

— Я нашел дока Фримена. Сейчас я соединю.

— Замечательно! — Клэнси вернулся из своего мысленного путешествия в «Аптаун прайвит хоспитэл». Когда сержант переключил линию, в трубке раздался отчаянный приступ кашля.

— Док? Это Клэнси. Я хочу, чтобы вы взглянули на одного человека.

Кашель резко прекратился.

— Он мертвый или живой?

Клэнси с улыбкой посмотрел на телефонную трубку.

— В настоящее время он мертв, док.

Наступила пауза.

— Что значит: в настоящее время? — Клэнси почти воочию увидел изумленное лицо собеседника. — Это тот же самый, Клэнси?

— Тот же самый, док.

— Вы сообщили в отдел убийств?

— Нет.

Наступила более продолжительная пауза.

— Знаете, Клэнси, — заговорил док таким тоном, точно объяснял элементарную вещь туповатому ребенку, — полицейское управление — это все равно что провинциальный городишко. Все всё друг про друга знают. Особенно, если в дело сует свой нос мистер Чалмерс, который все равно что городской глашатай, так сказать.

— Слушайте, док. Вы можете мне помочь или нет?

На том конце провода глубоко вздохнули.

— Да я помогу вам, Клэнси. Вы же знаете, что помогу. Но если парень мертв, он же может подождать пару минут. А то я тут как раз окрашиваю предметные стекла.

— Пусть кто-нибудь другой этим займется, док, — заявил

Клэнси твердо. — Он мертв, но ждать не может.

— Он не может ждать или вы не можете ждать, Клэнси? — мягко спросил док Фримен. — Ладно, дайте я только переоденусь. Где встречаемся?

Клэнси бросил взгляд на свои часы.

— «Аптаун прайвит хоспитэл»… — На другом конце провода раздалось удивленное восклицание, но Клэнси не обратил на это внимания. — Нет, погодите. Давайте лучше на углу Девяносто восьмой и Вест-Энд-авеню, в квартале от больницы. — Он замолчал в раздумье. — Капроски и Стэнтон оба на задании. Я бы хотел прийти туда с ними вместе. Попробую перехватить их. Так что давайте встретимся, скажем, через час. В половине седьмого.

— В половине седьмого? — переспросил печально док Фримен. — А сколько, вы думаете, времени занимает окраска стеклышек?

— Не имею ни малейшего понятия. Да мне и наплевать. Если у вас есть время — отлично. Можете красить свои стеклышки. Но только будьте на углу Девяносто восьмой и Вест-Энд в половине седьмого.

— Буду.

— Ну и славно. Да, и кстати — спасибо, док.

Клэнси положил трубку и вернулся к своему многострадальному рапорту. Однако мысли его были далеко. Он ждал телефонного звонка с минуты на минуту — либо от Капроски, либо от Стэнтона, либо от обоих сразу. Прошло пятнадцать минут, и он решил, что его бдение бессмысленно. Он встал, стянул пиджак, выдвинул левый верхний ящик и вытащил оттуда табельный револьвер в кобуре. Он перебросил ремни через плечо, покрепче подтянул, достал из кобуры револьвер и открыл барабан. Потом сунул его обратно в кобуру под мышку, надел пиджак и застегнул нижнюю пуговицу. Он взглянул на выдвинутый правый ящик, откуда торчала врачебная белая одежда, и на его губах снова заиграла кривая усмешка.

Нагнувшись к ящику, он медленно задвинул его, обошел стол и открыл дверь. Внезапно пришедшая в голову мысль остановила его на полпути. Он вернулся к столу и, порывшись в левом верхнем ящике, вынул связку ключей и отмычек. Довольный, что теперь-то он наконец вполне экипирован, Клэнси вышел из кабинета и бодро зашагал по узкому коридору.

Сержант проводил его взглядом.

— Ужинать, лейтенант?

— Просто подышать. Слушай, сержант, у меня для тебя есть задание. Позвони в отель «Пендлтон» и узнай, нет ли там Капроски. У него было достаточно времени найти то, что ему там

нужно было найти. Он должен был позвонить. В любом случае я буду ждать его на углу Девяносто восьмой и Вест-Энд-авеню в шесть тридцать. — Он замолчал, обдумывая свои дальнейшие действия. — Если же он все-таки позвонит, передай ему это, но предупреди, чтобы он все в «Пендлтоне» разузнал и только потом уходил.

— Хорошо, — сказал сержант, записав все в дневник. — Но что если я им позвоню, а мне скажут, что он уже ушел?

— Это маловероятно. Он должен был прежде позвонить. А потом позвони в отель «Нью-Йоркер». Свяжись с тамошним детективом. Попроси его найти Стэнтона. Он должен быть где-то там: либо где-то на этаже, либо скорее всего у почтовой стойки. А может, у стойки администратора по брони. — Он задумался. — Или в баре. Передай Стэнтону, чтобы он тоже подходил на угол Девяносто восьмой и Вест-Энд как можно скорее. Если нас там уже не будет, пускай ждет при входе в «Аптаун прайвит хоспитэл». На улице, а не в вестибюле. Ты понял?

— Записал, лейтенант.

— И то же самое скажи Капроски, если мы разминемся на Девяносто восьмой. На улице! Мы с доком Фрименом будем внутри. А потом у меня для них будет дело. Ты все понял?

Сержант кивнул. Клэнси устремился к двери, а сержант потянулся к телефону. Когда раздался звонок, Клэнси замер. Он стал слушать, что говорит сержант.

— Алло? Кто? Нет, мне жаль, мистер Чалмерс. Его сейчас нет на месте. Что? Он не сказал, но, думаю, он ушел ужинать. Да, сэр. Я передал вашу просьбу. Нет, сэр, он обычно ест в разных местах. Да, сэр, я ему обязательно скажу.

Сержант положил трубку, подождал секунду, потом снова поднял трубку и начал крутить диск. Он даже не поднял глаза на лейтенанта, замершего в дверях. Клэнси улыбнулся и, толкнув вращающуюся дверь, вышел на улицу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Суббота. 18.35

Такси, в котором ехал лейтенант Клэнси, резко свернуло к тротуару на углу Девяносто восьмой улицы и Вест-Энд-авеню. Расплатившись с водителем и выйдя из машины, он машинально отметил, что на парковке было свободное пространство по меньшей мере для четырех автомобилей. «Если бы я приехал на своей старушке, — подумал он с горечью, — тут бы яблоку негде было упасть от припаркованных машин». Он отогнал эту мрачную мысль и пересек улицу.

Со стороны Бродвея показались идущие рядом двое мужчин: док Фримен и Капроски. Приблизившись к лейтенанту, здоровяк-детектив помахал рукой.

— Привет, лейтенант, я встретил дока на углу. Когда сержант позвонил в «Пендлтон», я как раз заканчивал опрашивать портье. Я выяснил все, что только можно, об этом Росси, лейтенант. Он был…

— Потом, — обрезал его Клэнси и, повернувшись к коренастому врачу, произнес извиняющимся тоном: — Здравствуйте, док. Извините, что приходится вечно заставлять вас заниматься этими делами…

— Ну, вы-то не виноваты, — возразил док Фримен. — Это я, дурак старый, позволяю вам вертеть собой как… Так что вы не виноваты. — В руке он держал свой неизменный саквояж. Взяв его в другую руку, он взглянул на часы. — Ну, ладно, давайте-ка двигаться и поскорее закончим с этим делом. Я бы хотел еще сегодня успеть поужинать. Больница на соседней улице, да?

Клэнси тоже бросил взгляд на часы.

— Давайте обождем несколько минут. Может, еще Стэнтон появится.

— Ну тогда слушай про этого Росси, — сказал Капроски, но Клэнси оборвал его взмахом руки. Капроски вытаращил глаза. — Ей-Богу, лейтенант, ты что, не хочешь…

— Потом, — сказал Клэнси. — Может, Стэнтон ушел из отеля до того, как сержант туда позвонил?

Он еще не закончил эту фразу, как подкатило такси — прямо к тому месту, где они стояли. Из такси выскочил Стэнтон и, передавая на ходу деньги водителю, захлопнул дверцу.

— Привет, лейтенант! — сказал он. — Привет, Кап. Привет, док. Ну и что тут у нас? Дружеская встреча? — Он обвел

присутствующих взглядом и обратился к Клэнси. — Лейтенант, я узнал все досконально в отеле «Нью-Йоркер»…

— Потом! — сказал Клэнси со сверкающими глазами. — Все в свое время. Сначала покончим с этим. Так вот: мы идем в больницу, но не через главный вход. Мы войдем через дверь бойлерной. — Он повернулся к Капроски. — Ты знаешь, как туда пройти?

— Конечно, — сказал Капроски. — Дверь с обратной стороны. Выходит на бетонную площадку, как раз в двух ярдах от въезда для санитарных фургонов. — Он заколебался. — Лейтенант, а что мы там будем делать?

— Разгоним туман, — сказал Клэнси. — Когда мы войдем… Как пройти в складское помещение, где вы оставили труп?

— Это в подвале. То есть в полуподвальном этаже. На том же этаже, что и бойлерная и гардероб. Если выйти из бойлерной в коридор, надо повернуть сразу направо. Первая дверь — гардероб, где врачи переодеваются, вторая дверь — склад. — Он нахмурился, припоминая. — Потом кафе — ну, кухня, где они готовят для себя еду…

— Стоп, — сказал Клэнси. — Все верно. Это на том же этаже через две двери от бойлерной. Это я и хотел узнать. Вот туда мы и пойдем. Я хочу, чтобы док осмотрел тело.

— Зачем? — изумился Стэнтон. — Что, что-то прояснилось?

— Да, — сказал Клэнси. — В голове у меня прояснилось. Пошли.

Они пошли рядом. Клэнси вдруг остановился.

— Идем по двое. Капроски! Ты и док — идите впереди, мы со Стэнтоном сзади. Нечего нам изображать кордебалет. Или компанию студентов, отправившихся на пирушку.

— Ну, видно, у меня будет долгая жизнь, — сказал док Фримен. — Я не выглядел студентом даже тогда, когда учился в Колумбийском университете. — Но тем не менее он зашагал рядом с рослым Капроски, а Стэнтон и Клэнси чуть отстали.

Они пересекли Девяносто седьмую. Перед ними возвышалось здание больницы, которое отличалось от соседних жилых домов только вывеской, уже подсвеченной в наступающих сумерках. Стрелка на белом столбике у кромки тротуара указывала въезд для санитарных фургонов. Капроски и док Фримен как ни в чем не бывало прошли мимо главного входа. Док размахивал своим саквояжем. Клэнси с озадаченным Стэнтоном прошли следом и не раздумывая свернули на въездную аллею.

Санитарный фургон стоял под навесом на дальнем краю площадки. Ни шофера, ни санитаров не было видно. Капроски, не оборачиваясь, прошел мимо фургона и направился к двери в

стене. Подойдя к двери, он ее легко толкнул и вошел. За ним последовали остальные. Клэнси плотно закрыл дверь.

Когда они вошли внутрь, их обдала волна теплого влажного воздуха. Бойлерная была залита отраженным от кафельных стен ярким светом ослепительно-белых лампочек под потолком. Маленький человечек в чистеньком комбинезоне сидел за крошечным столом и читал газету. Он поглядел на вошедших поверх очков и вскочил, удивленный и разгневанный непрошенным вторжением.

— Это что такое!..

Клэнси шагнул вперед, засунул руку в карман, вытащил свой бумажник, раскрыл и показал полицейский значок.

— Полиция, — сказал он спокойно. — Мы хотим осмотреть помещения.

Коротышка смутился при виде значка.

— Вам следовало войти через главный вход, — сердито пробурчал он.

— А нам захотелось войти здесь, — возразил Клэнси, возвращая бумажник в карман. Он стал озираться вокруг, игнорируя коротышку. — Стэн, останься здесь с ним. Пусть он нас не беспокоит, и не надо, чтобы он вообще побеспокоил кого-нибудь в этом славном заведении. Ты меня понял?

— Я понял, лейтенант. — Стэнтон навис над коротышкой в комбинезоне. — Все в порядке, приятель. Садись. Читай свою газету. Можешь даже вслух, если хочешь, только не очень громко.

Человек на секунду задумался и плюхнулся обратно на стул. Стэнтон устроился на углу стола. Клэнси открыл дверь, выглянул в коридор и кивнул. Он вышел в пустынный коридор — за ним док Фримен и Капроски — и двинулся ко второй двери. Она была заперта. Клэнси выудил из кармана связку ключей. Поколдовав несколько минут над замком, он открыл дверь и вошел. За ним последовали остальные. Капроски включил свет и плотно закрыл дверь.

В помещении было прохладно из-за кондиционера, тихо урчащего под потолком. Здесь было прохладно и влажно и ощущался характерный аромат смерти. Труп лежал на железной каталке, стоящей под углом к полкам на стене. Простыня, покрывавшая тело, неровно вздулась в том месте, где торчал нож. Док Фримен поморщился, уловив острый трупный запах, и оглянулся на лейтенанта, но тот уже быстрым шагом приблизился к телу. Он откинул простыню и отошел, бросив на мед-эксперта взгляд с затаенной надеждой.

— Это он, док.

Док Фримен осторожно поставил саквояж на пол и встал

рядом с Клэнси. Он дотронулся тыльной стороной ладони до восковой щеки, после чего ущипнул мраморно-холодную кожу двумя пальцами и с отвращением поджал губы.

— Когда он умер, Клэнси?

— Приблизительно двенадцать часов назад.

Док Фримен с удивлением перевел взгляд на лейтенанта.

— Вы хотите сказать, что он умер вскоре после поступления в больницу?

— Именно так.

— И вы только сейчас собрались об этом сообщить?

— Вы не поняли, док, — нетерпеливо сказал Клэнси. — Я не собираюсь ничего сообщать. Официально. — Он отступил назад и, засунув руки в карманы, продолжал смотреть на лежащее на каталке тело со всевозрастающим напряжением. Когда он снова заговорил, было похоже, что он обращается больше к самому себе, чем к присутствующим. — Как только у меня возникает новая догадка, какой-то умник рушит все мои гениальные гипотезы. Поэтому я хочу раз и навсегда убрать его с моего пути.

— Так что же вы от меня хотите? — спросил саркастически док Фримен. — Чтобы я выписал свидетельство о смерти и указал там, что причиной смерти стала коронарная недостаточность?

Клэнси взглянул на него.

— Я хочу, чтобы вы сказали мне, отчего он умер.

Док устремил взгляд на нож, вогнанный в грудь по самую рукоятку, и опять взглянул на Клэнси. Капроски, стоящий рядом с лейтенантом, поглядел на своего начальника так, точно тот внезапно лишился рассудка.

— Ага, — сказал док. — Теперь понимаю.

Он снова перевел взгляд на труп, потом со вздохом нагнулся, подхватил с пола пухлый саквояж, поставил его на полку, открыл, достал пару резиновых перчаток и стал их сосредоточенно надевать.

— А как насчет отпечатков пальцев на рукоятке?

— Отпечатков быть не должно, — ответил Клэнси уверенно. — Убийца был в хирургических перчатках. Но если хотите, постарайтесь вытащить нож, не касаясь рукоятки.

— Правильно, — кивнул док Фримен. Он надел перчатки, шагнул к каталке и медленно вытянул нож, ухватившись двумя пальцами за полоску стали между рукояткой и телом. Он пристально осмотрел орудие убийства, потом осторожно отложил его в сторону и, сощурившись, стал изучать рану. Положив ладони на грудь убитого по обеим сторонам от раны, он несколько раз надавил на грудную клетку. Из раны тотчас заструилась кровь. Док кивнул и провел пальцами до края

ключицы, прощупывая траекторию проникновения ножа и возможные повреждения внутренних органов. Наконец он надавил на живот и закончил осмотр. Он выпрямился и важно посмотрел на лейтенанта, терпеливо ждущего его вердикта.

— Я, кажется, вас понял, — сказал док Фримен медленно. — Одно можно сказать с уверенностью. Его сердце перестало биться задолго до того, как его ударили этим ножом. Кто бы ни нанес этот удар, нож всадили в мертвого.

Клэнси порывисто выдохнул.

— Так я и думал, — удовлетворенно заметил он. — Именно это я и хотел услышать. А теперь не посмотрите ли вы его огнестрельные ранения, док?

Док Фримен кивнул. Не отрывая взгляда от трупа, он порылся в саквояже, нашел там ножницы и стал аккуратно разрезать бинты на шее и груди. Терпеливыми пальцами он приподнял хирургический пластырь, наложенный в несколько слоев, и медленно снял повязку с затянувшихся ран. Капроски, заглядывавший ему через плечо, отвернулся, ощутив прилив тошноты.

— Неплохая работа, — сказал док Фримен. — Я имею в виду хирурга. Да и стрелок свое дело тоже неплохо сделал.

Он склонился над раной, изучая отчетливые отверстия от дроби и пытаясь вычислить мощность и направление выстрела. Он выпрямился, качая головой.

— Безнадежно. Ни единого шанса. Только чудо могло спасти этого человека. Если могло.

Клэнси торжествующе улыбнулся.

— В таком случае вы согласитесь засвидетельствовать под присягой, что причиной смерти этого человека было проникающее огнестрельное ранение?

Док Фримен воззрился на своего коллегу.

— Странно, что вы меня об этом просите, Клэнси. Я бы не стал свидетельствовать, что моя мама употребляет в пищу только кошерную еду, не имея возможности проверить этот факт более тщательно.

— Док, вы же понимаете, что я имею в виду!

Док Фримен нахмурился, его маленькие глаза приняли задумчивое выражение.

— Не знаю, что у вас на уме, Клэнси, но если это вас несколько успокоит, я вам скажу — строго между нами: у меня не вызывает сомнения факт, что причиной его смерти был этот выстрел. Разумеется, необходимо провести дополнительное вскрытие, чтобы установить точную причину смерти.

— Но это был не нож?

— Это уж точно, — сказал док Фримен. — Это был не нож. — Он задумался и уточнил свое заявление. — Если, конечно, нет других ран. — Он снова посмотрел на труп.

— Нет, — сказал Клэнси.

— Чего-то я не понимаю, — подал голос Капроски. Он ухитрился так встать, чтобы иметь возможность видеть лейтенанта и дока, но не кровавое месиво, обнажившееся после удаления повязок с трупа. — Кому понадобилось всаживать нож в мертвого?

— Молодому практиканту, доктору Уилларду, конечно, — тихо сказал Клэнси.

— Но зачем? Если он уже и так умер?

— Именно потому, что он умер, — сказал Клэнси. — Я совсем недавно это понял. Долгонько мне пришлось ломать голову, чтобы понять, но все же я понял. Пошли — накройте его и пошли. Давайте-ка потолкуем по душам с доктором Уиллардом.

Док Фримен стащил с ладоней перчатки.

— А когда мы отправим труп в лабораторию для полного обследования, Клэнси? Это единственный способ выяснить, отчего же он все-таки умер.

— Скоро, — пообещал Клэнси. — Очень скоро. Пошли.

Он подождал, пока док соберет свой саквояж, после чего все вышли в коридор. Клэнси закрыл дверь, подергал ручку, чтобы удостовериться, что замок защелкнулся, и зашагал к лифту. Проходя мимо двери бойлерной, он вспомнил о Стэнтоне. Он открыл дверь и заглянул внутрь.

— Эй, Стэн! Пошли!

— С удовольствием. Тут такая жара. — Стэнтон направил указательный палец на сантехника в комбинезоне. — А как насчет коротышки?

— Пусть читает свою газетенку.

Все четверо двинулись по коридору гурьбой, потом, похоже, поняли, как чудно они смотрятся со стороны, и в ожидании лифта разбрелись по холлу. Клэнси нажал кнопку, и все молча стали слушать тихое шуршание машины, мягко вознесшей их наверх и с легким толчком остановившейся на пятом этаже. Клэнси бросил взгляд на озабоченное лицо дока Фримена и не смог сдержать ухмылки. Он обратился к Капроски:

— Как будет по-польски «спокойно»?

Капроски с недоумением пожал плечами:

— Это ты у меня спрашиваешь?

— Ну извини, — сказал Клэнси и, выйдя из лифта, повел группу к врачебным кабинетам. Он распахнул дверь, полагая, что кабинет окажется пуст, но доктор Уиллард сидел за столом,

держа в руке термос. Он поднял взгляд, стараясь ничем не выдать своего волнения, и отставил термос. Он обвел глазами вошедших и остановил взгляд на Клэнси.

— Привет, лейтенант. — Он замялся, дернул рукой, точно собираясь предложить кофе гостям, а потом передумал и откинулся на спинку кресла. Он заговорил, натужно улыбаясь. — Приехали забрать своего клиента?

Клэнси присел на край стола. Капроски и Стэнтон многозначительно встали у двери. Хирург понял, что это значит. На лбу у него выступила испарина. Клэнси сунул руку в карман за сигаретой, но вспомнил, что сигарет нет. Он вытащил руку из кармана и положил ладонь на бедро.

— Вы не хотите нам все рассказать, доктор? — спросил он строго.

Практикант поднял глаза, собираясь уже что-то возразить, но тут же виновато их опустил. Он помотал головой, точно раскаиваясь в собственной глупости.

— Так вы догадались. Вы обо всем догадывались с самого начала?

— Я должен был догадаться, — сказал Клэнси. — Но я оказался туп. Я должен был сразу догадаться, когда Барнет сказал мне, что врач дважды входил в палату и оба раза на нем были маска, шапочка и перчатки. Я бы еще мог понять, если вошедший туда во второй раз переоделся в одежду врача, но зачем же появляться в таком виде в первый раз? Врачи не навещают своих пациентов, вырядившись словно на операцию. — Он взглянул на склоненную перед ним голову. — Но даже если допустить, что вы входили к нему дважды при полном хирургическом параде, вы же затолкали весь этот наряд под бойлерный бак, в том числе спортивные тапочки с носками. Знаете, если человек второпях переодевается, — как, скажем, убийца, — очень сомневаюсь, что он так же стал бы менять носки. Не стал бы — если, конечно, человек не переодевается только для того, чтобы его не узнали. На столь долгое переодевание у него просто не было бы времени. Но даже если допустить столь невероятный факт, все равно после переодевания вряд ли он стал бы аккуратно засовывать носки в тапочки. Вот я и предположил, что этой одеждой воспользовался не убийца, а в этом случае оставался только один человек в одежде врача…

Молодой практикант печально взглянул на него.

— Я и не знал, что в этих тапках были носки. Я даже и не рассмотрел эти вещи как следует. Я просто…

— Так я и думал. И еще: кто-то вызвал сантехника починить водопроводный кран наверху — только для того, чтобы в

бойлерной никого не было какое-то время и чтобы получить возможность скрыться через бойлерную на улицу. Все это говорило о том, что убийца хорошо знаком и с расположением помещений в больнице, и с распорядком дня служащих, так что вряд ли он там оказался по чистой случайности. — Он вздохнул. — Ну, и что вы нам теперь расскажете, доктор?

— А что говорить? — горестно пожал плечами практикант. — Он умер. Я понял, что он умирает, когда положил его на операционный стол.

— Но когда мы встретились внизу в вестибюле, вы говорили мне совсем иное.

Молодой хирург криво усмехнулся.

— Этика врача. Этому нас учат в колледже.

— И тем не менее…

— Джонни Росси, — продолжал едва слышно молодой врач, рассматривая свои ладони. — Большая шишка в синдикате. И его братец Пит, известный головорез… Я же знал, что он взвалит на меня вину за смерть брата…

— Вскрытие убедительно показало бы истинную причину смерти, — мягко возразил док Фримен.

— Показало? Кому? Питу Росси? Гангстеру, который знает одно: его брат поступил в больницу живым, а увезен мертвым? Короче, тогда я думал только об этом. Теперь я понимаю, что совершил ошибку. Но тогда… Особенно когда этот мистер Чалмерс… — Он поднял палец и сказал: — «Вы несете ответственность, доктор!..» Я не мог рисковать.

— Но мне-то кажется, что, осуществив свой план, вы рисковали куда больше! — возразил Клэнси.

— Вы не понимаете! — воскликнул молодой практикант срывающимся голосом. — Вы же не знаете всего! Я не могу опять оказаться под следствием! — Его глаза сверкнули: он что-то вспоминал.

— Почему, как вы думаете, я торчу в этой дыре? — продолжал он торопливо. — Выношу за стариками судна, как простой санитар? Я работал в детской больнице в Кливленде. У меня умер пациент, маленький мальчик, не по моей вине. Но разве можно в чем-то убедить родителей? А они были членами совета директоров той больницы. И меня вышвырнули… — Он печально взглянул на Клэнси. — Знаете ли вы, что значит для практиканта быть изгнанным из больницы за профнепригодность? Вы можете себе представить, что это значит? Слава Богу, я получил здесь место — и только потому, что у Кэти хорошие отношения с директором. — Он передернул плечами. — Я вам все это рассказываю, потому что вы бы все равно это

выяснили! — По его лицу пробежала страдальческая гримаса. — Если бы мистер Чалмерс узнал, что его пациент умер у меня на столе, и если бы он раскопал ту кливлендскую историю — моя песенка была бы спета… Мне пришлось пойти на это. Иначе я бы все потерял. И зачем вы только отправили его к нам? Почему вы не отвезли его в «Белльвю», где ему самое место?

Капроски смущенно глядел в стену. Молодой практикант осекся и с обреченным видом поднялся из-за стола.

— Ладно. Я пойду с вами. Я только переоденусь. Пусть один из ваших людей пойдет со мной и удостоверится, что я не собираюсь сбежать…

— Вы мне не нужны, — тихо сказал Клэнси. — Сядьте! — Он усадил молодого хирурга в кресло. — Есть соответствующий закон, по которому вы можете понести наказание за совершенное деяние, но, честное слово, мне совсем не хочется его применять, в особенности в отношении врача. Вам сломают профессиональную карьеру, а какое наказание может быть для вас более тяжким? Но я готов предъявить вам обвинение во вмешательстве в деятельность правоохранительных органов. Из-за вас я потерял уйму времени и сил. Но посади я вас сейчас в тюрьму, мне-то какой от этого прок? И если честно, я могу вас понять.

— То есть вы меня не забираете?

— Не забираю, — кивнул Клэнси. — Я просто хотел разрешить эту загадку и понять, что Росси подвергся нападению только один раз, а не два раза. Но взамен я бы хотел, чтобы вы подержали труп у себя в складском помещении еще какое-то время.

— Это все?

— Это все. Да, и еще я хочу, чтобы вы пока держали язык за зубами.

Возникшая было надежда во взоре врача угасла.

— Но им уже все известно…

— Никому ничего не известно! — начал Клэнси и замолчал, осененный догадкой. — Кому вы рассказали? Кому? — Он соскочил со стола и навис над молодым врачом. — Кому?

— Мистеру Росси, Питу Росси, его брату, — нехотя ответил врач. — Вот так я понял, что они не отстанут… Он пришел сюда и стал спрашивать, где его брат. Я… не мог ему солгать… Я испугался.

Наступила тягостная тишина, которую нарушил док Фримен.

— Великолепно! — сказал он тихо. — Все раскрылось. Ладно, Клэнси, теперь можете сообщить обо всем в отдел убийств.

— Погодите! — сказал Клэнси. Он выпрямился, лихорадочно размышляя, потом снова склонился над врачом. — В котором

часу он был здесь? Этот Пит Росси…

— Было три часа…

— Вы показывали ему тело?

— Да…

Клэнси кивнул. Глаза его горели.

— Что он сказал, когда увидел нож?

— Ничего не сказал. И я ничего не сказал… — Молодой практикант поднял голову. — Но он единственный, кто знает. Я ничего не рассказал мистеру Чалмерсу, когда он приходил сюда утром… Я сказал ему только то, что вы просили…

Клэнси снова выпрямился. Его холодный взгляд застыл. Все молча смотрели на него.

— Теперь слушайте, что я вам скажу, доктор, — сказал он, голос его звучал глухо. — Я вам сочувствовал, но вы быстро можете лишиться моего сочувствия. Я снова вам повторяю: никому ни слова! Это мое последнее предупреждение. Если вы заикнетесь об этом хоть одной душе, я предъявлю вам обвинение в осквернении трупа, так что вы даже глазом не успеете моргнуть! Подумайте, что это будет значить для вашей карьеры. — Он развернулся к коллегам. — А теперь пойдемте отсюда.

И двинулся к двери, но на ходу обернулся.

— Возможно, вам будет звонить сантехник или вам об этом расскажет кто-то, кому он успел уже нажаловаться. Он скажет, что мы зашли через черный ход и швыряли по служебным помещениям. Можете ему сообщить, что мы проверяли систему отопления, водоснабжения, санитарные условия — все, что придет вам на ум…

Он не стал ждать ответа и поспешил к лифту. Все четверо доехали до первого этажа в молчании и вышли на улицу под удивленным взглядом дежурной медсестры, которая не могла припомнить, как они вошли.

— Клэнси, — сказал док Фримен сердито, — как долго вы еще собираетесь ломать эту идиотскую комедию? Позвоните в отдел убийств — пусть они займутся делом. Теперь, когда Питу Росси все известно…

— Он будет нем, как рыба, — сказал Клэнси уверенно.

— Почему?

— Не знаю, но он будет молчать. Если бы он решил раззвонить, он бы давно это сделал.

— Клэнси, вы переутомились. Вам надо плотно поесть и хорошенько выспаться.

— Не возражаю, — сказал Клэнси. — Плюс еще хороший подзатыльник. Мне надо было бы научиться внимательно слушать других, даже если со мной разговаривает такой тугодум, как

Барнет. У меня полдня ушло на то, чтобы разгадать загадку, ответ на которую сразу можно было найти. Может быть, если бы я допер до этого сразу, мы бы сейчас были в другом месте.

Капроски, похоже, наконец-то удалось уловить смысл разговора.

— Значит, если доктор его не убивал, — сказал он, нахмурившись, — мы вернулись к тому, с чего начали. Убийца — тот тип, который шарахнул его в отеле.

— Верно, — сказал Клэнси.

— Но нам не известно, кто он.

— И это правильно. Но бьюсь об заклад: я знаю того, кто знает убийцу. Красотка Реник. Утром я обошелся с ней слишком вежливо, но время церемоний прошло. Сейчас мы едем туда и получим простой ответ на простой вопрос: кто укокошил нашего приятеля Джонни Росси. И почему. — Он обратился к доку Фримену: — Док, спасибо вам огромное. Самое позднее завтра вы получите свой трупик для разделки. А пока я был бы вам признателен, если бы вы забыли, где и как провели сегодняшний вечер.

Док Фримен улыбнулся.

— Вы хотите от меня отделаться, Клэнси? Но я остаюсь. Все равно вечер уже пропал.

Клэнси пожал плечами.

— Как вам угодно. Ну, пошли.

Он шагнул на бордюр и поднял руку, пытаясь привлечь внимание проезжающих мимо такси. Яркий свет фар, включенных каким-то очень предусмотрительным водителем, вырвал из сумерек его устало ссутулившуюся худую фигуру.

Док Фримен выругался сквозь зубы и предпринял последнюю попытку воззвать к благоразумию лейтенанта.

— Клэнси, вы точно свихнулись! Передайте дело отделу убийств и идите домой отдыхать. Вы же с ног валитесь.

— Это вы свихнулись, док. Если я сейчас пойду спать, тогда мне самое место проснуться в психушке. Или получить от капитана коленом под зад. И вы это понимаете.

Подкатило такси. Клэнси потянулся к дверной ручке.

— Ну, поехали!

Суббота. 20.05

Они подъехали к дому 1210 по Западной Восемьдесят шестой улице, но Мери Келли нигде не было видно. И Квинлевена тоже. Они вышли из машины, и Клэнси огляделся по сторонам. До их

слуха донесся цокот шпилек по асфальту. Со стороны Коламбус-авеню к ним приблизилась женщина, миновала их, ни слова не говоря, и вошла в подъезд небольшого жилого дома напротив. Клэнси кивнул остальным и последовал за женщиной. Мери Келли ждала его в подъезде.

— Ну что?

Мери Келли было около сорока лет, у нее было простое, но приятное лицо и довольно невыразительная фигура. Главным достоинством ее внешности были глаза, о чем она не подозревала. Она не понимала, почему никто никогда не называл ее просто «Мери», но всегда «Мери Келли». Еще Мери Келли недоумевала, почему такой милый человек, как лейтенант Клэнси, должен каждый вечер ложиться в холодную постель один.

И нельзя сказать, что Клэнси не знал о ее отношении к себе. Он заметил, как при виде его усталой фигуры ее карие глаза сразу загорелись нежностью, и повторил свой вопрос с излишней грубоватостью:

— Ну что? Она дома?

— Да, она не выходила, — сказала Мери Келли. Она взглянула на зашторенные окна во втором этаже дома напротив. — Свет горит.

— А где Квинлевен?

— Он у черного хода — делает вид, что чинит телефонную проводку.

Клэнси кивнул.

— Мы зайдем к ней потолковать. Капроски останется с тобой. — Щелкнул замок во внутренней двери, и из холла вышла женщина. Она презрительно посмотрела на беседующих в вестибюле мужчину и женщину, скользнула взглядом по Мери Келли, и ее губы тронула улыбка сочувствия. Клэнси сглотнул конец фразы и приподнял шляпу.

— Благодарю вас, мэм, за эту информацию. — И быстро последовал за улыбающейся женщиной на улицу. За его спиной раздался грудной голос Мери Келли:

— Не стоит!

Он подошел к ожидающим его коллегам.

— Кап, ты остаешься здесь с Мери Келли. Нечего нам изображать из себя взвод на марше. Стэнтон, ты идешь со мной. — Он обернулся к доку Фримену. — И вы, если хотите.

Все трое пересекли улицу и вошли в подъезд перестроенной многоэтажки. Они задержались у внутренней двери, пока Клэнси разбирался с замком. Наконец дверь распахнулась, и они поднялись по лестнице на второй этаж. Клэнси остановился перед дверью с парой игральных костей. Из-под плохо пригнанной к

косяку двери выбивалась полоска света. Он поднял руку, призывая к тишине, и прислушался. Из квартиры не доносилось ни звука. Он кивнул и забарабанил в дверь. Ответа не последовало. Он нахмурился и стал стучать громче. Ответа не было. Он развернулся и озабоченно поглядел на своих сопровождающих.

— Может, она в душе, — предположил Стэнтон. Клэнси помотал головой. Стэнтон пожал плечами. — Или в сортир пошла…

Клэнси поднял руку, вознамерился опять постучать, но, выругавшись чуть слышно, полез в карман за связкой ключей и отмычек. Со второй попытки простенький замок открылся. Клэнси сунул связку ключей в карман, и они вошли. Бросив быстрый взгляд на разгромленную комнату, Клэнси схватил Стэнтона за рукав, оттащил его к стене и захлопнул дверь.

Они стояли и молча оглядывали комнату. Кругом царил настоящий кавардак. Подушки были сдернуты с кресел и кушетки. Все книги валялись на полу, ящик небольшого столика был выдвинут и висел на волоске пустой. Вытряхнутые из ящика бумаги были разбросаны по ковру. Даже ковер с одной стороны был выдран из-под плинтуса и вывернут изнанкой вверх. Трое вошедших переглянулись. Не сговариваясь, они разделились и пошли осматривать квартиру.

Кухня была пуста. Клэнси уже собрался выйти, как до его слуха долетел сдавленный возглас Стэнтона. Он развернулся и по темному коридору мимо ванной рванул в спальню. В дверях он столкнулся с доком Фрименом, и они замерли на месте, уставившись на распростертое на постели тело.

Длинные светлые волосы спутались, точно огромная рука схватила их и свирепо выкрутила, пытаясь выдрать с корнем. Она лежала абсолютно нагая. Полные груди были испещрены многочисленными сигаретными ожогами, которые сбегали по плоскому животу и терялись в паховых волосках. Рот был заклеен клейкой лентой, руки и ноги туго стянуты той же лентой и прочно привязаны к ножкам кровати. Между белых грудей торчал нож. Ручеек крови, уже засохший, тянулся через живот по боку и завершался коричневой лужицей под широкими бедрами. Остекленевшие фиалковые глаза были устремлены в потолок.

Док Фримен бросился вперед. Стэнтон уже яростно разрывал ленту, которой тело было привязано к кровати. Док отстранил его, мельком пробежав глазами по телу.

— Оставьте ее. Ничего не трогайте. Она мертва. Потрясенный Клэнси так и остался стоять в дверях.

Он медленно двинулся вперед и, нахмурившись, глядел на

изуродованное тело. Он скрестил руки на груди. Док Фримен тяжело выдохнул.

— Кто это, Клэнси?

— Фамилия Реник. Она была… связана с Росси каким-то образом.

— Каким?

— Не знаю, — сказал Клэнси упавшим голосом. — Не знаю.

— Ну вот что, — сказал док Фримен. — Звоните-ка в отдел убийств.

Клэнси не ответил. Он медленно обвел спальню тяжелым взглядом, словно затаенная ярость, пылающая в его глазах, могла заставить безмолвную мебель выдать какие-нибудь зловещие подробности преступления, совершенного в этой комнате. Один комод у стены был нетронут. Платяной шкаф стоял распахнутый настежь с выдвинутыми ящиками. По полу раскидана одежда. Тут же валялась опустошенная дамская сумочка. Клэнси, прищурившись, кивнул, точно что-то понял.

— Ну так как? — В голосе дока Фримена звучало нетерпение. — Чего вы ждете? Телефон в соседней комнате. Пусть этим займется отдел убийств!

— Нет! — упрямо проговорил Клэнси. Он снова взглянул на кровать. — Пока нет.

— Послушайте, Клэнси, — сказал док Фримен уже злобно. Стэнтон с равнодушным лицом смотрел на них. — Я врач, но я также работаю в полиции. Я свалял дурака там, в больнице. Теперь я сам буду звонить.

Клэнси оторвал взгляд от кровавого зрелища. Мысли его были, похоже, далеко.

— Нет, док, не сейчас.

— Одумайтесь, Клэнси, вы настолько утомлены, что не отдаете себе отчета в своих поступках. У вас же ум зашел за разум. Я вызываю отдел убийств! — Док Фримен двинулся в гостиную, но Клэнси преградил ему путь, положив руку на плечо.

— Времени нет, док! Неужели вы не видите? Если сейчас в дело вмешается отдел убийств, мы застрянем тут на многие часы. А убийца скроется от нас бесследно.

— Да о чем вы говорите?

— Вот о чем я говорю! — Клэнси снял ладонь с плеча дока Фримена и обвел ею комнату. — Вы только посмотрите! Пойдите взгляните на гостиную! Вы говорите, что работаете в полиции. Ну, и что вы скажете по поводу этого бедлама?

— Убийца, очевидно, что-то искал, — ответил док Фримен, прищурив глаза, и внимательно посмотрел на Клэнси. — Вы хотите сказать: вам известно, что он искал?

— Ну конечно! — раздраженно ответил Клэнси. — Билеты на теплоход! В Европу. И он их нашел.

— Билеты на теплоход?

— Слишком долго объяснять, док, но поверьте мне на слово.

— А с чего вы взяли, что он их нашел?

— Взгляните! — сказал Клэнси почти свирепо. — Он разгромил гостиную. И половину спальни. А потом вдруг остановился, не дойдя до этого комода. Почему? Его, конечно, не вспугнули. Мери Келли и Квинлевен все еще ведут внешнее наблюдение. Он остановился, потому что обнаружил то, за чем пришел. Или потому, что она наконец заговорила и сказала, где искать. Вот тогда-то он ее и зарезал. — Он нахлобучил мятую шляпу на затылок, сунул руки в карманы пиджака и заходил кругами. Мозг его напряженно работал. — Вот почему нам нельзя терять ни минуты. Убийца, возможно, уплывает сегодня вечером. — Он замер. — Ну конечно, сегодня вечером!

— Но почему?

Клэнси молча уставился в пол, пытаясь сопоставить все имеющиеся у него факты, связать их в цепочку, понять смысл произошедшего.

— Потому что был сделан заказ на авиабилет, — сказал он наконец убежденно. — Потому что в гостиничном номере не обнаружили ни бритвы, ни чистой рубашки, ни пары носков…

Док Фримен недоумевающе смотрел на него.

— Какая связь?

— Не знаю, — ответил Клэнси. — Но я уверен!

Док Фримен покачал головой.

— Я вас совсем не понимаю, Клэнси. Возможно, вы и правы — как оно часто бывало. А может, и нет. Но я офицер полиции, как и вы. Как и Стэнтон. Отказ сообщить о случившемся в отдел убийств — серьезное служебное нарушение. Вы это знаете не хуже меня.

— Шесть часов, — задумчиво произнес Клэнси. — Самое большее — еще шесть часов. Потом будет поздно в любом случае. Если дело не прояснится в течение шести часов, я обещаю вам, что доложу о двух убийствах в отдел и одновременно положу свой значок на стол.

— Нечего вам бросаться своим значком, — возразил док Фримен. — Если вы доложите об убийствах немедленно, самое большее, что вас ждет, это строгач. Но если вы проваландаетесь еще шесть часов, или даже шесть минут, тогда вам действительно придется положить значок на стол.

Клэнси задумчиво поглядел на него.

— А убийца тем временем уйдет. Или это уже не имеет

значения?

— Вам решать.

— А я и решил. Я уверен.

Док Фримен смерил его взглядом. Наступила пауза.

— Вы глухого уговорите, Клэнси, — сказал док Фримен. — А я старый дурак.

— Спасибо, док. — Клэнси обернулся к Стэнтону. — А ты что скажешь, Стэн?

Стэнтон смотрел на него не мигая.

— Ну, в сложившейся ситуации я вот что скажу, лейтенант: из этой западни, в которую ты попал, выбраться можно только ползком вперед. Так что я с тобой, лейтенант.

— Ну и славно. Тогда бегом в участок. Нам надо заняться делом.

— А что с Мери Келли? — спросил док Фримен. — Вы не хотите узнать у нее, кто входил и выходил?

— Я узнаю, — сказал Клэнси. — Но позвольте я с ней сам поговорю. Достаточно того, что мы трое увязли в этом дерьме по уши, не надо втягивать сюда еще и Мери Келли.

— А что, она бы не стала возражать, — сказал Стэнтон. — Ради тебя, лейтенант…

Клэнси пропустил замечание мимо ушей и бросился к двери. Док Фримен и Стэнтон последовали за ним. Клэнси на ходу выключил верхний свет в гостиной, запер квартиру, и все трое спустились вниз. Выйдя из подъезда, они перешли на другую сторону улицы. К ним тут же подошли Мери Келли и Капроски. Мери Келли взглянула на темные окна квартиры.

— Она спит, — спокойно сказал Клэнси. Он всмотрелся в лицо сотрудницы 52-го участка. — К ней сегодня кто-нибудь приходил?

— Я наблюдала за подъездом. Люди входили и выходили, — сказала Мери Келли и сделала недовольную гримаску. — Не знаю, заходил ли кто-то из них к ней. Я не обращала на них особого внимания. Ведь мне об этом никто ничего не сказал. — Она оторвала взгляд от лица лейтенанта и взглянула в окна второго этажа дома напротив. — Что, наблюдение снимаем? Или есть вероятность, что после вашего разговора она оденется и выйдет?

— Она не выйдет, — ответил Клэнси. — Можно снимать наблюдение. Ты скажешь Квинлевену? — Мери Келли кивнула. — Ну тогда на сегодня хватит.

Он повернулся и зашагал по направлению к Коламбус-авеню, но Стэнтон схватил его за локоть.

— Твоя машина, лейтенант! Я оставил ее днем там на

стоянке.

Клэнси вытаращил на него глаза. Днем? Неужели только сегодня днем? Он вдруг остро ощутил охватившую его усталость, граничившую с физическим истощением, и вспомнил, что прошли уже многие часы с тех пор, как ему посчастливилось выспаться ночью. Ну ладно, подумал он, если это чертово дело скоро не прояснится, у меня появится отличная возможность долго-долго отдыхать. Вечный покой! Он двинулся к машине.

— М-да, я и забыл.

Устало садясь за руль и принимая ключи от Стэнтона, он очнулся на мгновение и стал думать, что еще он забыл. «Что ты еще забыл? — настойчиво шептал ему внутренний голос. — Что же ты еще забыл?»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Суббота. 21.10

Клэнси въехал в свой отсек в гараже 52-го участка, поставил переключатель скоростей на нейтрал и выключил зажигание. Он посидел несколько минут за рулем, наслаждаясь покойной тишиной безлюдного гаража, вдыхая знакомый запах бензина и металла. Потом резко подался вперед и выключил фары. Хлопнули боковые дверцы, из которых вышли его пассажиры. Он потряс головой, озираясь вокруг. Сюда он ехал, почти машинально вертя баранку: мысли его витали далеко. Он даже теперь не мог припомнить, как свернул с улицы на узкую подъездную аллею к гаражу, а ведь это было какие-то считанные минуты назад. Он вздохнул, потер лицо, открыл свою дверцу и вышел. Остальные стояли и терпеливо дожидались его, переминаясь на замасленном бетоне.

Они пошли по мрачному полуподвалу старого здания. Войдя в темный кабинет, Клэнси нащупал на стене выключатель. Вспыхнул верхний свет. Он кивком пригласил всех троих располагаться.

— Садитесь. Я сейчас буду. Только схожу к дежурному, узнаю, нет ли новостей.

Капроски смущенно кашлянул.

— Слушай, лейтенант, а может, послать кого-нибудь за сандвичами? Уже десятый час…

— Брюхо будем набивать позже! — отрезал лейтенант. — Когда все прояснится — будем ужинать.

— Ну конечно! — покорно согласился Капроски. — Но я же не об ужине. Я только о сандвиче…

— Потом! — заявил Клэнси решительно, завершая дискуссию, и отправился к дежурному. Ночной дежурный поднял взгляд на подошедшего.

— Добрый вечер, лейтенант! — приветливо сказал он. Он пододвинул к себе ворох записок и стал их раскладывать перед собой. — Так, мистер…

— …Чалмерс звонил три раза, — устало закончил Клэнси.

— Точно! — изумился сержант, в очередной раз подивившись проницательности Клэнси. — Он просил, чтобы вы позвонили ему в любое время, как только вернетесь. Он сказал, это очень срочно. Хотите, я вас соединю? Он оставил номер.

— Нет, — начал Клэнси, и в ту же секунду телефон, стоящий

около локтя сержанта, затрезвонил. Клэнси подождал, пока здоровенный сержант снимет трубку. После краткого обмена репликами сержант закончил беседу.

— Из вашего кабинета звонил док Фримен. Он попросил послать кого-нибудь в ресторан и принести четыре кофе.

— Очень хорошо, — равнодушно отозвался Клэнси.

— Так что с мистером Чалмерсом?

— Не надо ему звонить. И пожалуйста, если он сам позвонит, не соединяйте меня. Что еще?

— Лос-Анджелес, — продолжал сержант, взяв еще один клочок бумаги. — Звонили из Бюро идентификации. Какой-то сержант Мартин.

— Я поговорю с ним, как только вы меня соедините, — сказал Клэнси и, устремив усталые глаза на сержанта, добавил: — Больше ни с кем.

— Хорошо, лейтенант. — Сержант уже набирал номер.

Клэнси вернулся в кабинет, точно закинул шляпу на шкаф и стянул пиджак. Под пристальными взглядами коллег он расстегнул подмышечную кобуру, положил револьвер в верхний ящик письменного стола и снова надел пиджак. Он расправил его на себе, застегнул нижнюю пуговицу и опустился в кресло. Док Фримен удивленно поднял брови: у Клэнси была репутация полицейского, предпочитавшего обходиться без оружия.

— Пистолет?

— Я знал, что этот молоденький доктор отчаянный парень, — сказал Клэнси равнодушно. — А отчаянные ребята часто подвержены паническим настроениям, и я не доверяю этим бравым паникерам. — Он развернулся в кресле, давая понять, что разговор окончен, и уставился в окно. За окном чернела ночь. «Интересно, сушится там сейчас белье или нет? — подумал он. — Наверное, вечером ничего не сушится. Вот, вероятно, когда я видел эти чертовы веревки голыми — ночью. Или поздно вечером. Или вообще не видел?» Он повернулся обратно.

— Ну ладно, — произнес он глухо. — Приступим к работе. Ты первый, Капроски. Итак, что было в «Пендлтоне»?

Капроски, будучи уже в курсе событий, произошедших в доме 1210 по Западной Восемьдесят шестой улице за время его отсутствия, с готовностью вытащил записную книжку. Он послюнил палец и перелистнул страничку.

— Значит, так. Как я уже говорил тебе, когда звонил от «Карпентерс», этот Росси снял номер в «Пендлтоне». Он выехал незадолго до моего прихода туда — без десяти пять вечера сегодня, если быть совсем точным — это я проверил по их регистрационной книге. Но накануне он весь день провел в

номере. Я уже докладывал, что он забронировал билет на рейс «Юнайтед эрлайнз» в Калифорнию. Он выехал через пятнадцать минут после того, как ему доставили билеты в гостиницу.

— Почему билеты?

— Ну, то есть один билет. Один. То есть для него одного.

Клэнси задумался.

— Билеты… Она тоже сказала «билеты». Но ведь можно сказать «билеты», даже если отправляешься в путь один, но едешь сразу в несколько мест. А она… — Он тряхнул головой. — Ладно, неважно. Продолжай. Когда он въехал в «Пендлтон»?

Капроски сверился со своими записями.

— Днем в четверг. Около четырех.

— Много багажа?

— Две сумки.

— Ладно. Не похоже, чтобы он отправлялся в Европу. — «Я так устал, — подумал Клэнси, что и не знаю, о чем еще спрашивать». — А что было вчера вечером?

— Это я как раз и собирался там выяснить, — сказал Капроски, качаясь на стуле. — Вчера вечером он неотлучно находился в своем номере.

Клэнси недоверчиво посмотрел на него.

— Это тебе кто сказал?

— Многие. — Капроски опять пробежался глазами по своим каракулям. — Немало, во всяком случае. — Он поднял взгляд. — Насколько я понимаю, тебя интересует фактор времени: когда этот Росси, то есть Джонни Росси, получил свой заряд в брюхо. Это случилось примерно в три утра. Я-то поначалу решил: очень трудно будет проверить, что этот парень делал в такое время. То есть обыкновенно люди в такое время спят — ведь так? Но этот Росси вовсе и не спал — я имею в виду Пита Росси. Каждые полчаса он звонил в бар и просил принести ему в номер стакан. — Он снова сверился с записями. — С часу ночи до приблизительно четырех утра.

— Из бара? Там что, бар есть?

— Ну да. Хотя мне с моим кошельком там делать нечего. — Тут до Капроски, кажется, дошел смысл только что произнесенных им слов, он сглотнул слюну и виновато кашлянул. — Ну, надо было, конечно, все проверить…

— И кто приносил ему выпивку?

— Каждый раз один и тот же официант, — сказал Капроски, радуясь перемене темы. — Если Росси и покидал номер, то только между этими заказами, хотя, откровенно говоря, мне это не кажется возможным. Время между заказами плюс время ожидания, пока их принесут к нему в номер… — Он покачал

головой. — Ему же надо было находиться в номере, когда официант приходил. Нет, этот «Фарнсуорт» находится довольно близко от «Пендлтона», но не так чтобы очень. Конечно, можно проверить такси, но у «Пендлтона» нет стоянки, а идти ловить такси на угол — это потеря времени. Даже если предположить, что он бежал. А надеяться на то, что подцепишь случайную тачку в такой поздний час…

Клэнси нахмурился.

— Там есть бар, открытый круглосуточно, но нет стоянки такси?

— Ну, бар открыт не круглые сутки, — заметил Капроски. — Он закрывается в половине пятого утра. Но вообще-то правильно: бар есть, а стоянки такси — нет. Слушай, лейтенант, многие дрянные отельчики имеют лицензию на торговлю спиртным, но не имеют лицензии на стоянку такси.

— Ладно, поехали дальше, — сказал Клэнси. Он подвинул к себе записную книжку, взял ручку и приготовился записывать. — Значит, он не выходил из номера всю ночь. Или, во всяком случае, в том временном промежутке, который нас интересует. — Он вдруг поднял голову. — А в официанте ты уверен?

Капроски немного смутился.

— Я об этом тоже думал. Но я проверял. Он мне не соврал.

Клэнси пристально поглядел на него, но ничего не сказал.

— Они не знают, были у него посетители?

Капроски торжествующе расплылся.

— Да, — сказал он довольно. — Были!

— Да? Говори же! Кто?

Капроски пожал плечами.

— Кто — не знаю, но кто-то приходил к нему примерно в половине четвертого утра. По моим подсчетам.

— По твоим подсчетам? Почему?

— Официант сказал. Из бара. Всю ночь он носил в номер Росси по одному стакану, но около половины четвертого он, говорит, отнес туда два.

Клэнси задумался.

— Выпивка одинаковая?

— Я об этом тоже подумал, лейтенант, — ухмыльнулся Капроски. — Нет, разная.

Клэнси кивнул и сделал пометку в книжке.

— А почему официант так точно назвал время?

— Выходя из бара, они оставляют талон в регистрационной книге. Мы нашли бумажку.

— Он не видел, кто был в номере, когда принес заказ?

— Нет. Он говорит, Росси встретил его в дверях, расплатился

и взял поднос. Ему это вовсе не показалось странным — в этой дыре постояльцы так часто делают. У них, бывает, гости просиживают в номерах всю ночь — и отнюдь не все во фраках.

— А что носильщик? Он что-нибудь помнит? Или лифтер? Он никого не поднимал на его этаж в такой поздний час?

— У них лифт автоматический. Носильщик ничего не знает. Я думаю, что гость поднялся пешком по лестнице. Так его бы никто не заметил.

Клэнси посмотрел в книжку. Он написал только одно слово: «выпивка». И все. Стэнтон прокашлялся.

— Похоже, что этот Росси просто обеспечил себе алиби, — сказал здоровяк-детектив. — Заказывая себе выпивку в номер каждые полчаса.

— Не знаю, не знаю, — задумчиво произнес Клэнси. — Вряд ли. Если он действительно никуда не выходил из отеля, он мог бы обеспечить себе алиби, просто сидя в холле внизу у всех на виду. А если он делал эти заказы намеренно, тогда он бы поостерегся сделать дополнительный заказ в три тридцать.

Док Фримен, внимательно слушавший разговор, поднял руку.

— Не знаю, что все это значит, — сказал он, — но из рассказа Капроски мне стало ясно, что просто этот тип любит выпить. Ему пришлось не спать всю ночь, дожидаясь гостя, и он просто убивал время за выпивкой.

— Мне тоже так кажется, — согласился Клэнси. Вошел патрульный в форме, с трудом удерживая в огромных ладонях четыре картонки с кофе. Он осторожно поставил стаканчики на стол и удалился. Клэнси взял один, снял крышку и поднес к губам. Лицо его обдало горячим освежающим паром, он подул, отхлебнул, сморщился: ну и вкус! — и с отвращением поставил стаканчик на стол.

— Ладно, Стэн, — сказал он, придвигая книжку и развернувшись к рослому детективу. — Теперь тебя послушаем.

Стэнтон торопливо отпил кофе, поставил стаканчик и достал свои записи. Но не успел он начать свой доклад, как зазвонил телефон. Клэнси сделал Стэнтону знак подождать и снял трубку.

— Лос-Анджелес на линии, — сказал сержант.

Клэнси сжал трубку.

— Алло?

— Алло! Лейтенант Клэнси? Это сержант Мартин из лос-анджелесского Бюро идентификации. Вы, ребята, работаете допоздна, я смотрю!

Клэнси не отреагировал. Он придвинул книжку ближе и зажал трубку щекой.

— У вас есть для меня что-нибудь, сержант?

— Энн Реник, — ответил сержант Мартин официальным тоном, точно декламировал собственную автобиографию. — Урожденная Энн Повалович, родилась в Денвере, штат Колорадо, в 1934 году. В 1943 году вместе с родителями переехала в Лос-Анджелес — отец получил здесь работу на военном заводе. В 1952 году она окончила Голливудскую среднюю школу. В 1959-м вышла замуж за Альберта Реника. Судимостей нет — у обоих. В наших досье отпечатков нет. — Сержант оставил свой официальный тон. — Боюсь, не слишком много, лейтенант. Судя по тем скудным сведениям, что нам удалось раздобыть, похоже, это добропорядочная супружеская пара.

— А чем она зарабатывала на жизнь? — спросил Клэнси. — Или она была домашней хозяйкой?

— Вы сказали «была»?

— Да. Так чем же она зарабатывала?

— Она недавно начала работать маникюршей в салоне красоты одного из отелей в Голливуде. Чем занималась раньше, нам неизвестно. Так вы сказали «была». Что с ней?

— Она убита. А что ее муж? Он чем занимается?

— Торговец, продает подержанные машины. Похоже, у них дела шли неплохо. — Сержант замолчал, понимая, видимо, сколь смешно прозвучали его слова в свете только что полученной им информации. — И как ее убили?

— Зарезали. — Клэнси думал о своем. — У них не было там врагов?

— Это мы не проверяли, — медленно сказал сержант. — Мы послали к ним в квартиру сотрудника: они живут совсем рядом с нашей конторой — это можно считать маленьким чудом для Лос-Анджелеса, — и он поговорил с их соседями. Все о них отзываются очень хорошо. Потом наш сотрудник поговорил с владелицей салона красоты. Энн Реник, оказывается, попросила у нее отгул. Сказала, что уезжает повидаться с друзьями. — Он помолчал. — Теперь я думаю — это странно. Только приступила к новой работе, и вдруг — не прошло и недели, как просит отгул. — Сержант добавил чуть ли не обиженно. — Но утром вы не сказали, что она убита.

— А утром она была жива.

— А… — В трубке повисла пауза. — Ладно, мы продолжим проверку. Вас еще что-нибудь сейчас интересует?

Клэнси задумался.

— А что Джонни Росси?

— Джонни Росси? Гангстер?

— Он самый.

— А что с ним?

— Есть что-нибудь о его связях с Энн Реник?

Сержант замолчал, видимо, от изумления.

— По той информации, которой мы располагаем на данный момент, — ничего. Но, конечно, мы не проверяли это. Вы же не просили… — Сержант помолчал. — Подождите. Подождите у телефона. — На несколько минут трубка замолчала. Когда сержант снова заговорил, в его голосе угадывалось торжество. — Мне показалось, что я уже слышал где-то название отеля, где она работала. Не знаю, можно ли это назвать связью или нет, но она работала в салоне красоты в том самом отеле, где проживает Джонни Росси.

Клэнси почувствовал, как знакомый холодок, точно крошечная мышка, побежал по спине. Он сжал трубку сильнее.

— Вы не можете узнать, сержант, не встречались ли они? И при каких обстоятельствах, если встречались.

— Не знаю, смогу ли я что-то выяснить сегодня. Вряд ли. Уже седьмой час — у нас. Салон красоты в отеле уже, пожалуй, закрыт. Но мы постараемся. Если я ничего не сумею выяснить сегодня, завтра утром я первым делом этим займусь. И сегодня же отправлю кого-нибудь к ее мужу, если он дома. Завтра же мы проверим и компанию по продаже подержанных автомобилей. И снова опросим соседей. Еще сегодня.

— Чем скорее, тем лучше, — сказал Клэнси. — Звоните мне в любое время, как только что-то выясните. Дело горящее и раскручивается очень быстро, возможно, вы там сумеете найти кое-какие ответы.

— Мы прямо сейчас и займемся. Теперь, когда мы знаем об этом подробнее, мы поработаем с большим успехом. Что-нибудь еще?

— Нет, пока все. Хотя погодите — а нельзя ли достать фото?

— Мы попросим ее мужа. Если он, конечно, дома. — Сержант замялся. — Все равно же придется ему рассказать.

— Я бы пока об этом умолчал, — посоветовал Клэнси. — В конце концов мы пытались установить личность убитой только по водительским правам. Знаете, а вдруг мы ошиблись! Возможно, это вовсе не она. Конечно же, фотография нам бы очень помогла.

— Наверное, вы правы, — с облегчением произнес сержант Мартин. — Наш сотрудник, который сегодня днем опрашивал соседей, сказал, что, по их словам, Реник в последнее время был какой-то ужасно нервный. Так что не стоит добавлять ему переживаний, если пока для этого нет веских оснований…

— Но вы добудете для меня фотографию?

— Мы обязательно достанем ее тем или иным способом и переправим вам, — сказал сержант. — Через полчаса по

получении я перешлю вам ее по телетайпу. Я же сказал, они живут от нас в двух шагах. Как-нибудь уговорим мужа. А может, его там и нет.

— Ну, буду ждать, — сказал Клэнси. — Огромное вам спасибо.

— Мы сейчас же этим и займемся!

Клэнси положил трубку, пораженный известием, что Реник работала в том же самом отеле, где живет Росси. В Калифорнии. И вот теперь они оба мертвы — убиты в Нью-Йорке. Обоих убили в течение суток. Совпадение? Едва ли… И еще один немаловажный факт: Пит Росси приехал в Нью-Йорк и собирается скоро возвращаться в Лос-Анджелес. Но он почему-то заказал билет на самолет только после того, как узнал, что брат мертв. Почему? Или он сам и исполнил чей-то приговор? Но это мало похоже на все те истории о братьях Росси, которые ему доводилось слышать. И как-то не поддается логике — ведь у синдиката возникли подозрения относительно их обоих. Если, конечно, в синдикате не поручили Питу это дело, чтобы проверить его лояльность, и поэтому он не мог покинуть Нью-Йорк, не выполнив своего поручения в «Фарнсуорте». Но он сам находился в «Пендлтоне», у себя в номере в момент убийства, — если, конечно, Кап что-то не напутал. Но Кап редко ошибается в таких вещах. Тогда все это выглядит полнейшей бессмыслицей…

Он вдруг понял, что к нему обращается Стэнтон, и поднял лицо.

— Что ты сказал?

— Я начал докладывать…

— А! — Клэнси придвинул к себе записную книжку, взял карандаш и кивнул. — Начни сначала, я прослушал.

— О'кей, — добродушно сказал Стэнтон и стал читать свои записи. — Ну значит, как ты меня и просил, я отправился обратно в «Нью-Йоркер» и опросил лифтера и диспетчера, но ни тот, ни другой не смогли вспомнить ничего определенного о блондинке. Лифтер…

— Это была та же самая смена?

— Ну да! Они работают по двенадцать часов — в дневную и в ночную. Четыре дня подряд. Дурацкий у них график. — Он помолчал, размышляя. — Но, конечно, не такой дурацкий, как в полицейском участке. Короче, этот лифтер заявил мне, что ничего не помнит. Он говорит, все пассажиры на одно лицо. Я-то ему не сказал, что, на мой взгляд, все гостиничные лифтеры на одно лицо. Короче, там был прокол, но я кое до чего докумекал. Знаешь, носильщики в этих больших отелях всегда выписывают талон, когда относят багаж наверх, на тот случай, думаю, чтобы

их никто не смог обдурить. Вот я и подумал: а вдруг тот самый носильщик ехал в том лифте, когда я пришел за ней в отель, а она вскочила в отъезжающий лифт. Я тогда не заметил, пустой он или там еще кто был. Короче, я нашел бригадира носильщиков, и мы начали проверять талоны.

— Молодец, — похвалил Клэнси. — И успешно?

— И да, и нет. Зависит от того, что понимать под успехом. Я вошел с ней в отель, если не ошибаюсь, примерно без двадцати двенадцать. Мы перерыли все талоны и нашли шесть, выписанных в промежутке между половиной двенадцатого и без десяти двенадцать. Я опросил ребят, которые выписали эти талоны, и один из них вспомнил, что ехал в лифте вместе с блондинкой. — Он нахмурился. — Да дело в том, что я бы ему не особенно доверял.

— Это еще почему? — удивленно спросил Клэнси.

— Ну, — сказал Стэнтон, наморщив нос, — это, похоже, какой-то придурок. Любая девчонка представляется ему роскошной блондинкой. Такой, сразу видно, бабник! Наверное, только и знает, что гоняется за всеми юбками. Он не смог вспомнить, вышла она на пятом или на шестом этаже, но уверял, что точно на одном из них. Он, говорит, сразу обратил на нее внимание и надеялся, что, мол, она поднимется довольно высоко и ему удастся ее хорошенько рассмотреть. — Стэнтон с негодованием покачал головой. — Я же говорю — бабник тот еще!

— Не думаю, — задумчиво произнес Клэнси. — То есть мне наплевать, бабник он или нет, но я склонен доверять его показаниям. Ну и? Ты проверял пятый и шестой?

— А как же! Других-то зацепок не было. Горничные не смогли припомнить, приходила ли в указанное время блондинка, или нет. Но одна из них — на пятом — сказала, что в тот день были у них две посетительницы-блондинки, но, судя по ее описанию, ни одна из них не похожа на Реник — даже близко. — Он пожал плечами. — Наверное, они видят за день столько новых лиц, что даже не обращают на них внимания.

— Ты получил списки проживающих на этих двух этажах?

— Да, у портье. — Стэнтон полез во внутренний карман пиджака и достал какие-то бумажки. Он перебрал их и вынул из стопки два отпечатанных на мимеографе листа, положил их перед Клэнси, склонился и стал объяснять. — Номера, обведенные кружочком, освободились. До того, как я туда пришел во второй раз.

Клэнси взял листки и пробежал глазами по строчкам первого списка. Это были постояльцы пятого этажа. Его глаз

автоматически останавливался на всех фамилиях, начинавшихся на «Р». В этом списке их было четыре: Рид Х. Б., Райнхардт П. с женой, Роланд Дж. с женой и Райкинд Дж. М. с женой. Он отложил список и стал внимательно изучать список постояльцев шестого этажа. Его внимание привлек только один обладатель фамилии на «Р» — Рамгэй Н. Д. Ни один из номеров не был обведен кружком.

Клэнси поднял взгляд.

— Ты проверял этих людей — на «Р»?

— У меня не было времени, — ответил Стэнтон. — Я как раз заканчивал опрашивать портье, когда пришел тамошний сыскарь и сказал, что ты меня вызываешь. На Вест-Энд.

— Да. — Клэнси отложил второй список, некоторое время смотрел на оба листка и потом обвел две последние фамилии из списка пятого этажа. Он обратился к Капроски, перекинув ему список: — Кап, позвони детективу в «Нью-Йоркер». Пусть он проверит этих двоих. Пусть сообщит мне все, что может, о них. Если можно, описание внешности, когда въехали — все в этом духе. И позвони с другого аппарата. Я не хочу занимать эту линию.

— Есть! — Капроски вскочил и потянулся за листками.

— Да, и скажи ему: мне не нужны их подробные биографии! Только сведения, которые можно получить сразу! — Он подумал и добавил: — Знаешь, подожди у телефона, пока он ходит и узнаёт.

— Ладно, — сказал Капроски, забрал списки и ушел.

Док Фримен прокашлялся.

— У вас что-то есть, Клэнси?

— Еще не знаю. Возможно, и нет. Я просто хватаюсь за каждую соломинку. — Он сунул руку в карман, пошарил там в поисках сигарет и снова вспомнил, что выбросил пустую пачку еще днем. Док Фримен бросил ему через стол свою. Клэнси поймал ее на лету, вытащил сигарету, зажег спичку и, прикурив, бросил спичку в направлении мусорной корзины.

— Спасибо, док. — Он повернулся к Стэнтону. — Так, продолжим. Что тебе удалось выяснить у почтовой стойки?

— Прокол. Они ее не вспомнили — ни ее, ни конверты, ничего.

Клэнси вытаращил глаза.

— И это все?

— Это все.

Клэнси перегнулся через стол.

— А ты говорил с нужным клерком?

— Я нашел нужного. Это был тот самый, которого я видел,

когда пришел за ней в отель в первый раз. Но это же огромный отель, — стал оправдываться Стэнтон. — Через эту стойку проходит уйма писем за день. За целый день — знаешь сколько! Я-то думаю, он даже в лица не смотрит — люди приходят, отдают ему письма, он их отдает — и все. Видит только руки.

— М-да. — Клэнси стряхнул пепел с сигареты, нахмурился и вдруг свирепо размял почти целую сигарету в пепельнице. В маленьком кабинете воцарилось молчание. Наконец Стэнтон его нарушил:

— Ну и что теперь будем делать, лейтенант?

Клэнси задумчиво воззрился на него.

— Это хороший вопрос. Это очень хороший вопрос. — Он развернулся в кресле к доку Фримену. — Док, может, пойдете домой?

Док Фримен улыбнулся в ответ.

— Я не отстану от вас еще в течение часа, после чего возьму вас за шкирку и уложу в постель и, может быть, сначала сделаю инъекцию. Вы же сами не понимаете, что засыпаете на ходу.

— Голова у меня засыпает, — ехидно ответил Клэнси. Он подался вперед, схватил карандаш и стал перечитывать исписанную страничку записной книжки. Слово «выпивка», фамилия «Реник», название отеля «Нью-Йоркер», а остальное — бессмысленные узоры. Он откинулся на спинку и отбросил карандаш.

— Бог свидетель: у меня гора фактов. Слишком много, я бы даже так сказал. Но только они что-то не складываются. Они не складываются в нечто содержательное. Вот, кажется, я уже вижу свет в конце туннеля — так нет, подваливают еще новые факты, и снова все как в тумане!

— Надо поспать, — сказал док Фримен. — Вот что вам сейчас необходимо.

— И хороший ужин! — подхватил Стэнтон. — Ты когда ел в последний раз, лейтенант? — Он помолчал и добавил, стараясь придать своим словам сердобольное звучание: — Когда мы все в последний раз ели?

— Клэнси! — просительно воскликнул док Фримен. — Ну почему вы не бросите это дело? Позвоните капитану Уайзу, расскажите ему все как есть. Все. И пусть этим займется отдел убийств. А потом поедем ко мне, пропустим пару стаканчиков, и я уложу вас в постель. Вы же слишком хороший человек, чтобы гробить себя так безжалостно!

— М-да, — отозвался Клэнси, глядя на изрисованный листок записной книжки. — Я хороший человек. Я чудо света. — Он стал вертеть в пальцах карандаш. — Может быть, если бы я позвонил в

отдел убийств сразу, когда Росси еще находился в больнице, мы бы продвинулись куда дальше…

Вдруг его пальцы впились в карандаш. Он гневно отшвырнул его в сторону.

— Нет! Только не когда Чалмерс впутан в это дело! Уж он бы постарался, чтобы все запуталось еще больше…

— Клэнси, послушайте меня…

— Док, вы во всем правы, но я вам говорю: нет! — Клэнси выдавил улыбку. — Дайте мне еще одну сигарету. — В тот момент, когда он закуривал, в кабинет вошел Капроски. Клэнси отбросил спичку и взглянул на детектива.

— Ну что?

— Гостиничный сыщик знает этого Райкинда. Да его все в отеле знают. Он уже сидит там полгода, а то и больше. Старик с высоченной и худющей женой. Он чем-то занимается в ООН — так считает гостиничный сыскарь. — Он нахмурился. — Роланд — тот въехал недавно. Кстати, он уже выехал.

— Когда?

— Да только что. Минут пятнадцать назад. Он с женой — оба. — Капроски взглянул на свои записи. — Кассирша его хорошо помнит. Она сказала: похож на музыканта. Или поэта. В общем, стиляга. Борода, черные очки, шляпа. Жена блондинка — невысокая, но фигуристая — так кассирша о ней выразилась. — Он снова заглянул в записную книжку. — У них было багажа шесть мест.

В глубине мозга Клэнси зародилось смутное воспоминание. Где-то он видел человека в черных очках, с бородой, в шляпе… Где? И та встреча имела какое-то отношение к этому делу. Где? В больнице? Нет… Он сощурился. Да это же описание того самого нахала, который прямо перед его носом проскочил в раскрытую дверь дома, где жила Энн Реник, когда он пришел к ней в первый раз. Он глубоко вздохнул. Но под это описание может подойти, наверное, половина обитателей всех многоэтажек Нью-Йорка. Он обратился к Капроски:

— А швейцар случаем не слышал, куда они направлялись?

— Нет, он загружал их чемоданы в багажник. И таксист ему был не знаком. Это было такси «Йеллоу»[4] — вот и все, что он запомнил. — Капроски перегнулся через стол. — Но мы легко найдем это такси, лейтенант. По путевым листам — он же сегодня сдаст его после возвращения в гараж. Это просто.

— Да! — жестко сказал Клэнси. — Или завтра. — Он стукнул кулаком по столу. — Время! Время! Вот наша главная проблема, неужели ты не понимаешь? У нас нет времени ждать, пока все таксисты Нью-Йорка сдадут свои путевые листы. Время… — Он

вздохнул, подавляя отчаяние и усталость. — Конечно, ты прав, Кап. Ладно, если мы ничего путного не узнаем еще сегодня, будем проверять гараж «Йеллоу».

Док Фримен нахмурился.

— А кто этот Роланд?

— Возможно, первая скрипка Филармонического оркестра, который спешит на поезд, отправляющийся с Пенсильванского вокзала в Филадельфию. А может, и пейзажист из Вихоукена. Едет на пленэр со своей невысокой, но фигуристой женой. Я же вам сказал: я хватаюсь за любую соломинку! — Он поднялся и потянулся за шляпой. — Ладно, пошли.

— Куда? — спросил док Фримен.

— В контору на Сентр стрит. Сейчас я думаю, на их телетайп должна поступить фотография. — Он обвел остальных взглядом. — Если конечно, у кого-нибудь нет более интересного предложения.

Все молчали.

— Так я и думал, — сказал Клэнси сухо и вышел из кабинета.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Суббота. 22.25

Четверо мужчин поднялись по широкой лестнице городского управления полиции на Сентр стрит, то и дело давая дорогу сбегающим по ступенькам служащим, офицерам и журналистам. Они вошли через тяжелые двери в просторный вестибюль и осмотрелись. Вокруг сновало множество людей. Клэнси сразу узнал знакомого репортера: тот стоял у стенда пресс-информации и что-то писал в своей записной книжке. Дежурный заметил Клэнси и подозвал к себе.

— Привет, лейтенант! Хотите увидеться с капитаном Уайзом?

Клэнси подошел к стойке и удивленно спросил:

— Капитан Уайз? А он что здесь делает? Он же должен лежать дома в постели…

Полицейский пожал плечами.

— Не знаю. Он недавно пришел. Сидит в кабинете инспектора Клейтона.

— Да, пожалуй, мне надо с ним повидаться, — сказал Клэнси без всякого энтузиазма. Он повернулся к своим коллегам. — Кап, иди в телетайпную и жди фотографию. Принеси ее мне в кабинет инспектора Клейтона.

— А когда она поступит, лейтенант?

Клэнси бросил на него свирепый взгляд. Вся усталость, разочарование и отчаяние, скопившиеся за весь этот долгий день, внезапно закипели у него в душе, и он взорвался.

— Поступит не позже, чем поступит! Когда же ты, черт тебя побери, научишься выполнять то, что тебе говорят, не задавая тысячу идиотских вопросов?!

Капроски вытаращил глаза, в них блеснула обида.

— Я же просто спрашиваю, лейтенант…

Клэнси провел ладонью по глазам.

— Извини, Кап. Я не имею права так с тобой разговаривать. Ни с тобой, ни с кем другим. Бог свидетель: ты по этому делу работаешь не меньше моего и, может быть, лучше меня. Прости меня. Я малость не в себе. Извини, Кап.

Угрюмое лицо Капроски разгладилось.

— Ладно, лейтенант, забыли. Ты просто устал, вот и все.

Клэнси взглянул в его большое добродушное лицо.

— А ты-то как? Ты же сам на ногах целый день. Или и того больше.

— А что я? Я же здоровенный поляк! — Капроски усмехнулся. — Ну, я пошел в телетайпную — ждать фотографию.

Расправив свои широченные плечи, он зашагал по вестибюлю.

Док Фримен с любопытством посмотрел на лейтенанта.

— Забавный вы человек, Клэнси.

— Большой юморист, — согласился Клэнси.

— Я не Капроски имею в виду. Я хочу спросить: зачем вам понадобился капитан Уайз? — Док Фримен недоуменно покачал головой. — Неужели вам недостаточно за этот день беготни? Ведь если он пришел к инспектору Клейтону, вас ждут там только неприятности. Почему бы не попросить Капроски принести эту фотографию в тот маленький итальянский ресторанчик на углу? По крайней мере, мы бы смогли перекусить — в ожидании.

— Ну да! — поспешил согласиться Стэнтон. — Это отличная идея, лейтенант!

— Ладно, вы оба идите, а я не голоден. Мне и впрямь надо повидать капитана.

— Зачем? — не отставал док Фримен. — Вы можете объяснить?

Клэнси смерил взглядом упитанную фигуру дока Фримена.

— Док, мне очень приятно, что вы обо мне так заботитесь, но если вы и в самом деле хотите оказать мне услугу — отправляйтесь домой. Не надо меня водить за ручку. Идите домой. Отстаньте от меня. Уходите!

— Псих, — пробормотал док Фримен. Он обернулся к Стэнтону. — Ладно, Стэнтон. Пойдем поедим. Вы же слышали, что сказал лейтенант.

Стэнтон замялся и печально покачал головой.

— Вы, док, идите. Я остаюсь с лейтенантом.

— О Боже! — раздраженно проговорил док Фримен. — Как же это трогательно! Ладно, Клэнси. Идите к своему капитану Уайзу. Кладите свою голову на плаху. Мы вас тут подождем.

Осунувшееся лицо Клэнси осветила слабая улыбка.

— Около кабинета инспектора есть стулья. Посидите там.

— Замечательная мысль! — сказал док Фримен довольно. — Когда вы закончите свой доклад, я, пожалуй, войду и изложу все сам. По крайней мере после этого вас отправят домой спать.

Стэнтон издал недовольный возглас. Док Фримен взглянул на него.

— Успокойтесь! Никому я ничего не скажу. Если бы у меня было больше ума, я бы сказал. Но если бы ума у меня было больше, я бы тут не стоял! — Он обратился к Клэнси. — Ну, и чего вы ждете? Я умираю с голоду, но я точно знаю, что мы не поедим, пока вы не переговорите с капитаном.

— Я иду, — с усмешкой сказал Клэнси и двинулся по коридору.

Доктор и Стэнтон пошли за ним. Он свернул за угол и подошел к двери инспектора Клейтона. Замерев на мгновение и обреченно передернув плечами, он нажал на дверную ручку. Дверь распахнулась, он вошел и закрыл за собой дверь.

Капитан Уайз и инспектор Клейтон с удивлением воззрились на вошедшего. Они сидели друг против друга за столом инспектора. При виде изможденного лица лейтенанта они оба как по команде откинулись на спинки кресел и замерли. Капитан Уайз тяжело развернулся. Когда он заговорил, в его голосе звучала нескрываемая любовь к подчиненному, но также проскальзывали и необычные нервные нотки.

— Клэнси, что ты здесь делаешь в столь поздний час? Ты пришел на исповедь?

— Я пришел присесть хоть на пять минут, — отозвался Клэнси и подтвердил свои слова, плюхнувшись на зачехленный стул у стены. Он кивнул в знак приветствия инспектору, который едва заметно кивнул в ответ, молча наблюдая за происходящим. Инспектор Клейтон давно уже понял, что самый эффективный способ ладить с хорошими и надежными подчиненными — это не вмешиваться в их дела.

Клэнси подавил зевоту.

— Я жду, когда на телетайп поступит одна фотография. Я узнал, что вы здесь… — Полуприкрыв веки, он взглянул на инспектора и перевел взгляд обратно на седого капитана. — Лучше бы спросить: а что ты здесь делаешь? Ты же болен и должен лежать в постели.

— Болен? В постели? Когда взбесившийся ирландец сорвался с цепи на 52-м участке? — Капитан Уайз попытался придать своим словам юмористический смысл, но в его глазах затаилась тревога. Инспектор молчал. Капитан Уайз вытащил из кармана трубку, сунул ее в рот и стал нервно жевать кончик. — У тебя, Клэнси, вид живого мертвеца. А ведь болен-то, кажется, я. Ну, как дела?

Клэнси закрыл глаза.

— Все ужасно.

Капитан Уайз, похоже, напрягся еще больше. Инспектор Клейтон вмешался в разговор:

— Что ты намерен делать, Клэнси?

— Уходить в отставку, — мягко ответил Клэнси, открыл глаза и поверх седой головы капитана, поверх изборожденного морщинами лица инспектора Клейтона уставился в пустую стену. — Уйду в отставку, поселюсь на берегу горного ручейка,

куплю себе хижинку с окнами, увитыми розочками…

— Хватит болтать! — рявкнул Сэм Уайз и тут же виновато добавил: — Ладно, Клэнси, можешь плюнуть мне в рожу. Валяй, плюнь мне в рожу. Но поверь: я сделал все, что мог…

— Плюнуть тебе в… — Клэнси оторвал глаза от видения, которое он только что — к своему собственному удивлению — вызвал на пустой стене кабинета инспектора. Он выпрямился и очнулся. — Почему я должен плевать тебе в рожу?

— Я сделал все, что в моих силах, — тихо повторил капитан. Он взглянул на инспектора, точно ища подтверждения своих слов у начальника. — Поверь мне. Вот можешь спросить у инспектора. Но я же всего-навсего капитан, ты должен понять. Я же не председатель комиссии по уголовным делам.

— Благодарение Господу! — пробормотал Клэнси и усмехнулся, избегая взгляда инспектора. — Нет, неправда. Хотел бы я, чтобы ты был председателем комиссии, Сэм. Ну давай, выкладывай.

Капитан Уайз глубоко вздохнул и заговорил, не глядя лейтенанту в глаза.

— Чалмерс еще с тобой не говорил?

Интересно! Клэнси перевел взгляд с одного на другого.

— Чалмерс? Нет…

— Когда ты вышел из участка?

— Минут двадцать назад. Может, чуть раньше. Движение сейчас сам знаешь какое. А что?

— Ну, значит, вы с ним разминулись, — сказал капитан Уайз. — Он взглянул на утомленного лейтенанта с нескрываемым сочувствием. — У него… ордер…

Клэнси вскочил. В его злых глазах сгустились грозовые тучи.

— Ордер? На что?

— О личной неприкосновенности. Для Джонни Росси. — Капитан Уайз спокойно смотрел в полыхающие гневом глаза Клэнси. — Где ты его прячешь, Клэнси?

— Я же просил тебя дать мне двадцать четыре часа! — укоризненно проговорил Клэнси. — Я думал, ты мне друг.

— Я тебе друг, — тихо сказал капитан Уайз. — Ты устал. Ты уже плохо соображаешь. Я же сказал: я сделал все, что было в моих силах. Но я же всего только капитан. — Он пожал плечами. — А ты мне ни словом не обмолвился, что происходит. Ты за целый день мне ни разу не позвонил. Ты же мог бы мне хотя бы домой звякнуть… Ты же не обеспечил меня боеприпасами!

— Боеприпасами? — улыбнулся Клэнси холодно. — Да у меня нет никаких боеприпасов. — Он сверлил глазами коренастую фигуру капитана. Сэм Уайз опустил глаза. Внезапно в

голове у Клэнси зародилось сомнение. — Что еще, Сэм? Выкладывай!

Капитан сглотнул.

— Он сказал, что собирается предъявить обвинение, Клэнси. Злоупотребление служебным положением, вмешательство в дела правосудия… После того как он получил на руки этот ордер, он просто рвал и метал…

— Смех да и только! — презрительно сказал Клэнси. — Если бы не этот Чалмерс, дело приняло бы совсем иной оборот. — Он безнадежно покачал головой. — Ну ладно, теперь-то, думаю, об этом поздно сожалеть.

— Эх, Клэнси, Клэнси! — Капитан Уайз подался вперед и заговорил проникновенно: — Ну почему бы не посадить его в лужу? Ну скажи нам, где ты прячешь этого гангстера — и почему? Расскажи нам все, что тебе удалось раскопать. Мы бросим на это дело всех свободных людей. — Он устремил взгляд на инспектора, и тот, соглашаясь, кивнул.

Клэнси обвел обоих взглядом.

— Я нарыл столько, что рассказывать пришлось бы всю ночь. Но только ничего не склеивается.

— А ты еще раз попробуй склеить! — просительно сказал капитан Уайз. — Должно склеиться! Почему ты нам не доверяешь, Клэнси? Это единственный способ для тебя спасти свою голову.

— Пожалуй, мне придется вам все рассказать, — сказал Клэнси с улыбкой. — Да только это все равно не спасет мою голову.

— Это мы еще посмотрим. Ну, начни-ка с… ну хотя бы с этой фотографии, которую ты ждешь на телетайпе. Чья это фотография?

— Это? — произнес Клэнси безрадостно. — Да это ерунда. Это обычная идентификация личности, которую мы уже, похоже, идентифицировали. Очередная соломинка, за которую я ухватился.

В дверь постучали. Стэнтон без приглашения просунул голову.

— Чалмерс! — тихо сказал он. — Он идет сюда, лейтенант.

Он не закончил фразы и отскочил в сторону. В дверном проеме выросла щеголеватая фигура помощника окружного прокурора. Он обвел присутствующих взглядом, и довольная улыбка заиграла на тонких губах. Он захлопнул дверь перед носом Стэнтона и повернулся к присутствующим.

— Ну вот, джентльмены… — начал он ласково.

— Садитесь, — устало пригласил его Клэнси и указал

пальцем на соседний стул.

— Я постою, если не возражаете, — заявил Чалмерс, намеренно повторяя слова Клэнси, сказанные им вчера, и делая это с нескрываемым ехидством. Он полез в карман и вытащил официальный документ. Его бледно-голубые глаза сверкали холодом. — Неужели вы и впрямь думали, лейтенант, что вам удастся бегать от меня до бесконечности?

Клэнси не удосужился ответить. Он смотрел на бумагу в руках у Чалмерса.

— Это для меня?

На тонких губах застыла все та же улыбка.

— Да, лейтенант. Для вас. Это ордер…

— Я знаю, что там, — отрезал Клэнси. — Считайте, что я его получил.

Он протянул руку, выхватил бумагу из пальцев Чалмерса и сунул себе в карман, не глядя. Холодная улыбка на губах Чалмерса увяла.

— Ну и? Лейтенант!

— Ну и — что?

Чалмерс сделал глубокий вздох.

— Вы намерены подчиниться этому ордеру или нет?

— Конечно, намерен, — сказал Клэнси. — Но в данный момент я отдыхаю. У меня был долгий напряженный день. Я устал. Почему бы вам не сесть, мистер Чалмерс?

Чалмерс бросил на него злобный взгляд.

— Вот что я вам скажу, лейтенант. Вы и так уже в большой беде и вам не следует затягивать…

— Я ничего не затягиваю… — сказал Клэнси. — Я просто устал. Поверьте мне. — Он широко зевнул как бы в подтверждение своих слов и мельком взглянул на часы. — В любом случае, мне кажется, сейчас это уже не важно…

В дверь снова постучали. Показалась голова Капроски.

— Пришла фотография, лейтенант. — Он помахал бумажками, понимая, что прерывает какое-то важное совещание. — Тут и сопроводиловка.

— Спасибо, — сказал Клэнси и взял у него листы. Капроски взглянул на присутствующих и закрыл дверь.

Чалмерс озабоченно поглядел в бумаги.

— Что это?

— Скоро узнаете, — ответил Клэнси. Он пробежал глазами текст, сопровождающий фотографию:

«В доме Реников никого нет. Вот единственная фотография, которую нам удалось раздобыть у соседей.

Этот снимок сделан в день их свадьбы. Завтра постараемся достать ее более крупный портрет. Мы продолжаем розыски и сообщим, как только что-то будет. Мартин».

Клэнси пожал плечами, сунул тонкий листок бумаги в карман и обратил все свое внимание на фотографию. На ней была изображена просторная комната. За большим накрытым столом, уставленным вазами с цветами, сидели люди с оживленными лицами. На переднем плане стоял кто-то с бокалом в руках — бокал, как можно предположить, был наполнен шампанским, — устремив дурашливое пьяное лицо прямо в объектив. Из бокала, похоже, содержимое должно было вот-вот вылиться. Знакомая картина, подумал Клэнси мрачно, и перевел взгляд на людей, сидящих во главе стола.

На какое-то мгновение он даже не понял, что это такое. Потом вспомнил, крепче сжал лист бумаги и пристальнее всмотрелся в изображение. Он вглядывался в маленькие лица сидящих за столом людей, весело смеющихся в фотоаппарат, и вдруг мозг его заработал. Здорово, подумал он, вот здорово! Усталость, казалось, спадала, точно шелуха, по мере того как фотография все отчетливее отпечатывалась в его сознании. Один за другим все события дня всплывали в его воспаленной памяти, начиная вставать на свои места, подобно хорошо смазанным частям сейфового замка, который наконец-то начинает отпираться после верно найденной комбинации цифр. Одно за другим перед его мысленным взором пролетали события, каждое из которых теперь предстало в совсем ином свете, — все они выстроились в тесно спаянную цепочку, наконец-то обретшую единство и смысл.

— Клэнси! — Капитан Уайз даже привстал. — Что там?

Он не ответил. Его взгляд был прикован к полученному с помощью радиосигналов изображению, которое он уже и не видел. Перед его взором возникло другое видение: изрешеченный картечью труп в холодном складском помещении захудалой больницы, счастливая женщина, красящая ноготки и предлагающая ему выпить, гангстер с тяжелым лицом в дорогом костюме и пятнадцатидолларовом галстуке, угрожающий молодому перепуганному хирургу, веселый лифтер-бабник и глазастая кассирша в отеле — и наконец обнаженное тело молодой женщины со следами пыток, распростертое на окровавленной кровати, привязанное к ножкам клейкой лентой. Он поднял взгляд. Глаза его сверкали от возбуждения.

— Капроски! Стэнтон!

Оба мгновенно ворвались в кабинет, точно опасаясь, что Чалмерс предпринял попытку применить к их лейтенанту физическую силу. Они опешили при виде представшей их взорам немой сцены: капитан Уайз замер в кресле, сжимая в руке незажженную трубку, инспектор Клейтон невозмутимо восседал за своим столом, устремив немигающий взгляд на присутствующих, Чалмерс, разинув рот, возвышался над остальными с недоумевающим взглядом и наконец Клэнси, сидящий в кресле, чуть подавшись вперед и всматривающийся в картинку.

— Да? Что случилось, лейтенант?

Клэнси поднял на них глаза. Немая сцена ожила. Он посмотрел на часы, на сей раз сосредоточив взгляд на стрелках.

— Стэнтон — быстро в аэропорт! «Юнайтед эрлайнз», рейс 825 из «Айдлуайлда» на Лос-Анджелес. Отправляется в пять минут первого ночи — у Пита Росси на этот рейс куплен билет…

— Точно! — отозвался Стэнтон. Он бросился было к двери, но остановился.

— Да-да! — сухо заметил Клэнси. — Лучше бы тебе точно знать, за чем тебя посылают. Багаж! Пусть он сдаст багаж. Как только сумки окажутся на багажном конвейере, беги вниз в багажное отделение, хватай сумки и открой…

— Что искать, лейтенант?

— Дробовик, — тихо сказал Клэнси. — Он его наверняка разобрал, чтобы дробовик поместился в сумку. Но только не трогай! Там могут быть пальчики, хотя я в этом сомневаюсь, наверняка он все стер!

— Мне арестовать Росси?

Клэнси вытаращил глаза.

— Этот дробовик — орудие убийства. Как ты сам думаешь?

— Я думаю, мне надо его арестовать.

— Я тоже так думаю, — бросил Клэнси. — Двигай.

— Так это он? — спросил пораженный Капроски. — Он грохнул собственного брата?

— Он был сообщником убийцы, — мрачно сказал Клэнси и огляделся. — А где док Фримен?

— Ему, должно быть, надоело ждать, — сказал Капроски. — Он встал и куда-то ушел.

Чалмерс наблюдал эту сцену с каменным лицом. Теперь он вмешался.

— Орудие убийства? Кого убили? Что это все значит, лейтенант?

— Тихо! — сказал Клэнси. Он привстал, но сел снова. По всему было видно, что он что-то лихорадочно обдумывает. — Кап!

Дай-ка мне расписание теплоходов на сегодня.

Память работала, как часы. Он схватил обрывок газеты из рук здоровяка-детектива и, пробежав глазами список отправлений, ткнул пальцем в нужную строчку.

— Кап! Ты же не проверял сухогрузы, а?

— Ты ничего не говорил про сухогрузы.

— Потому что я был дурак набитый, — сказал Клэнси. — Они ведь тоже берут на борт пассажиров. — Он довольно кивнул, увидев, что последний элемент этого ребуса встал на свое место. — Если бы я не был таким дураком, мне бы и эта фотография не понадобилась бы. Тут и так все ясно, как день. — Он сложил обрывок газеты и затолкал себе в карман.

— Инспектор, мне нужна машина и группа захвата. Инспектор Клейтон кивнул и, не задавая вопросов, потянулся к телефону. Но потом остановился.

— Сколько людей, лейтенант?

Клэнси стал считать.

— Троих хватит — плюс я и Капроски. В штатском. С табельным оружием.

— Плюс я, — вмешался капитан Уайз. Он решительным жестом отмел возможные возражения. — Я себя прекрасно чувствую. Может, это то самое лекарство, которое мне сейчас необходимо, а не куриный бульон.

Чалмерс вышел из оцепенения. Ситуация ускользала из-под его контроля, и ему это не нравилось.

— А теперь послушайте меня, лейтенант! Вы с места не сдвинетесь, пока не…

— Сидите тихо! — грубо оборвал его Клэнси. — Если хотите ехать с нами, пожалуйста, только не шумите! — Он обратился к инспектору: — И мне нужно оружие, инспектор.

Инспектор Клейтон тихо отдавал по телефону распоряжения. Он положил трубку, открыл ящик письменного стола и достал автоматический пистолет в кобуре. Клэнси вытащил пистолет из кобуры, проверил его и сунул в карман пиджака.

— Только не забудь, где ты его взял, — сказал инспектор. — Итак, я вызвал две машины. Они будут у входа через минуту. — Он поглядел на лейтенанта. — Куда ты направляешься?

— Причал 16-А. Норт-Ривер.

Капитан Уайз вскочил на ноги. Чалмерс открыл было рот, чтобы что-то сказать, но, поймав свирепый взгляд Клэнси, передумал. Капитан Уайз не смог подавить улыбки.

— Ну, идем, — сказал он и подмигнул. — Надеюсь, что не проколемся.

— Типун тебе на язык, Сэм, — сказал Клэнси. — Даже и

думать так не смей!

Суббота. 23.30

Причал 16-А на Норт-Ривер нависал из каменного мрака Вест стрит над черной маслянистой водой Гудзона неподалеку от Двадцать пятой улицы. С эстакады со стороны Тридцать четвертой улицы к причалу съехали две машины, притормозили и осторожно прошмыгнули между огромными трейлерами, припаркованными на ночь у грузовых складов. Обе машины друг за другом проехали мимо темной вереницы грузовиков и остановились у низкой ограды причала 17. Погасли фары, и из машин вышло несколько человек.

На сухогрузе «Ольборг» заканчивались погрузка и последние приготовления к отплытию. Палубные лебедки двенадцатитысячетонного «торговца» уже опускали тяжелые крышки люков. Свет огромных прожекторов, стоящих по краям длинного склада, освещал место погрузки: грузчики суетились, выполняя указания бригадира, обращавшегося к ним через мегафон с моста над площадкой. Иллюминаторы были освещены — верный признак кипящей внутри жизни.

Клэнси повел свою группу в тень соседнего складского пакгауза, тянущегося от причала 17.

— Мы ловим двойного убийцу, — тихо объяснил он. Чалмерс издал сдавленный вздох, но Клэнси продолжал, не обращая внимания: — Он безусловно вооружен, поэтому не будем рисковать. Самое главное — не дать ему уйти. Стоит ему оказаться в десяти милях от берега на этом «торговце», и считайте, он от нас ускользнул. Сэм, ты с двумя людьми прикрой вход на причал. Капроски, мы с тобой и с… — Он вопросительно посмотрел на третьего полицейского в штатском.

— Уилкен, сэр.

— …и с Уилкеном пойдем внутрь. Если пассажиры уже прошли таможенный досмотр и поднялись на борт, мы попробуем взять его прямо в каюте. Но надеюсь, что он еще не успел оказаться на борту. Мне вовсе не улыбается устраивать международный скандал. Если они еще находятся на причале, там мы его и возьмем. И запомните: он вооружен.

— Этот парень, за кем мы охотимся, — сказал капитан Уайз. — Как он выглядит?

— Среднего роста, коренастый, имеет вид стиляги, — сказал Клэнси. — Скорее всего на нем будет его маскарадный костюм. Борода — накладная — и черные очки.

— Кто этот человек? — спросил Чалмерс. Клэнси пропустил вопрос мимо ушей.

— Возможно, его будет сопровождать невысокая блондинка. — Он стал озираться. — Но мы теряем время. Пошли!

Чалмерс крепко сжал зубы, явив собой яркое воплощение отважного помощника окружного прокурора в борьбе с преступным миром.

— Я не понимаю, что здесь происходит лейтенант, но не пытайтесь улизнуть от меня. Я иду с вами.

Клэнси бросил на него равнодушный взгляд.

— Ну и славно. Если начнется пальба, пригнитесь. — Он повернулся к остальным. — Кап, Уилкен и я — мы идем первыми. Вы за нами. Не надо только держаться кучей. Если что-то произойдет внутри, не оставляйте вход без прикрытия. Нам надо запереть его в пакгаузе, даже если на корабле поднимется кутерьма.

Капитан Уайз кивнул. Клэнси повернулся и спокойно пошел по причалу в сопровождении Капроски и Уилкена. Чалмерс бросился следом. Громада сухогруза темнела перед ними в свете прожекторов. Отчетливо были видны только цифры и белые полоски термометра. До них долетали обрывки голосов с палубы, заглушаемые ревом проносящихся по эстакаде автомобилей. Они дошли до угла пакгауза причала 16-А. Здесь ночная тьма казалась еще гуще из-за резкой смены освещения. Клэнси остановился, выглянул из-за угла и направился к входу на причал. Огромные двери безмолвного пакгауза были распахнуты настолько широко, что в них мог въехать автомобиль. Он незамеченным проскользнул на территорию причала. За ним остальные.

Внутри пакгауз был освещен только маленькими лампочками, подвешенными с большими промежутками под сводчатым металлическим потолком. Служебные помещения у дальней стены не были освещены. Между рядами выстроившихся вдоль стен низкого длинного строения контейнеров с грузом, ожидающих отправки, темнели узкие проемы. Вокруг не было ни души. Стояла мертвая тишина. Клэнси удивленно поднял брови. У боковой стены он увидел стойки таможенного контроля. Пакгауз, похоже, обезлюдел. Он быстрым шагом направился вперед. За ним шли его сопровождающие. Их шаги эхом отдавались во всех углах пустого здания.

Клэнси приблизился к горе тюков, загородивших обзор, и увидел свет прожектора, освещавшего сходни, нижний конец которых был укреплен на полу пакгауза. У сходней, облокотившись на стойку, стоял морской офицер и перечитывал список пассажиров. Он поднял глаза на подошедших и

машинально ткнул пальцем в столбец фамилий.

— Чем могу вам помочь?

Акцент выдал в нем иностранца. Клэнси спросил:

— Скажите, таможенники уже ушли?

Офицер кивнул.

— Да, сэр. Весь багаж уже на борту, а наша декларация проштемпелевана. — Он произнес это слово: «проштэмпелевена». — А они вам нужны для какой-то определенной цели?

— Нет. — Клэнси достал из кармана бумажник и, раскрыв его, продемонстрировал офицеру удостоверение полицейского. — Боюсь, мне придется просить вашего разрешения подняться на борт.

Офицер нахмурился.

— Мне надо поговорить с капитаном, вы же понимаете. Вы не могли бы сообщить мне цель вашего посещения?

— Разумеется, — ответил Клэнси, засовывая бумажник обратно в карман. — У вас на борту есть пассажир, некий мистер Роланд…

— Роланд? — переспросил удивленно офицер, но уже с некоторым облегчением. — Видимо, произошла ошибка. У нас на борту находятся только шесть пассажиров и среди них нет мистера…

Клэнси чертыхнулся про себя. Господи, ну как же он сразу не подумал!

— А как насчет Реника?

Офицер пожал плечами, кивнул и взял список.

— Да, у нас есть мистер и миссис Реник. Но пока что только миссис Реник находится в пассажирской каюте. Она уже прошла таможенный досмотр. Мистер Реник еще не появлялся… — Он бросил тревожный взгляд на часы. — Надеюсь, он скоро будет. Мы отплываем через сорок минут.

Клэнси резко развернулся.

— Уилкен, оставайся здесь на сходнях. Кап, ты идешь со мной.

Он зашагал в глубину темного пакгауза, сразу забыв о недоумевающем офицере. Чалмерс догнал обоих и схватил Клэнси за рукав.

— Что все это значит, лейтенант? Что это еще за Реник?

— Тихо! — Клэнси собрался еще что-то сказать, но вдруг остановился, как вкопанный. К раскрытым воротам пакгауза подъехало такси, из которого показалась коренастая фигура. Невзирая на теплый вечер, человек был в дождевике с поднятым воротником и в широкополой шляпе, низко надвинутой на лицо.

Он склонился к окну водителя, расплатился и быстро зашагал по пустынному пакгаузу, громко цокая каблуками по бетонному полу. Такси развернулось, осветив пакгауз лучами фар, и уехало. Клэнси метнулся в тень громоздящихся тюков и увлек за собой остальных. Он бросил взгляд в направлении входа в пакгауз. За спиной спешащего к ним пассажира такси уже вырос капитан Уайз со своими помощниками. Они блокировали вход.

— Это он. Приготовься, Кап!

Клэнси ждал, затаив дыхание, то и дело поглядывая на дальний край горы тюков. Сердце лихорадочно стучало. За спиной он слышал приглушенное дыхание своих коллег. Ну что, удача улыбнулась на этот раз? «А вдруг нет?» — подумал он и быстро отогнал эту мысль, не спуская глаз с приближающейся фигуры.

Его жертва оказалась в конусе света, отбрасываемого одной из лампочек под потолком. На долю секунды под широкополой шляпой показалось наполовину скрытое шарфом лицо. Он разглядел бороду лопатой и сверкнувшие два черных кружка очков. Коренастый выскользнул из светового конуса и снова погрузился в темень.

Он поравнялся с горой тюков, еще не разглядев их во тьме, потому что его глаза за темными очками были устремлены на освещенные сходни вдали и мужчин, стоящих около них. Клэнси терпеливо ждал, весь подобравшись, а потом, когда фигура в дождевике поравнялась с его укрытием, резко выпрыгнул, загородив человеку дорогу. Коренастый остановился. Наступила секундная пауза, после чего он с хриплым восклицанием отступил на шаг и полез в карман. Капроски мертвой хваткой стиснул его руку. Человек стал яростно вырываться. Со стороны входа в пакгауз послышался топот ног. Капитан Уайз с полицейским устремились на помощь. Со стороны сухогруза к ним бежали Уилкен и морской офицер. Человек в дождевике внезапно прекратил сопротивление и уткнул побледневшее лицо в шарф.

— Что это значит? — прозвучал приглушенный голос. — Что вам надо?

— Ну вот и все, — спокойно сказал Клэнси. — Вы арестованы, мистер Реник. По обвинению в двух убийствах.

Человек в объятиях Капроски, казалось, сразу обмяк. Чалмерс потерял терпение. Он протолкался вперед.

— Что все это значит, Клэнси? — спросил он. — Кто этот человек?

Клэнси взглянул на него и сразу почувствовал, как нахлынула страшная усталость, скопившаяся за эти два дня.

Теперь, когда дело подошло к своему финалу, мощный внутренний импульс, подгонявший его в последние часы, похоже, угас. Он молча смотрел на Чалмерса.

— Этот? — произнес он наконец. — Вам же не терпелось заполучить его и взять под свою защиту. Это Джонни Росси…

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Понедельник. 11.30

Лейтенант Клэнси, чисто выбритый и отдохнувший, стремительно вошел через вращающиеся двери 52-го участка, держа под мышкой толстый конверт. Он радушно улыбнулся дежурному сержанту, который взглянул на вошедшего довольно озабоченно.

— Доброе утро, сержант. Что-нибудь случилось?

— Доброе утро, лейтенант. — Сержант перегнулся через стол и сказал заговорщицким тоном: — В вашем кабинете вас ждет капитан Уайз. Он уже с полчаса как там…

— Знаю, — весело отозвался Клэнси. — Он один?

— С ним док Фримен, — ответил сержант, довольный, что новость не вызвала у лейтенанта особого беспокойства.

— Ну и славно, — усмехнулся Клэнси. — Пошли ко мне Стэнтона и Капроски. Пусть захватят свои рапорты. Нам надо немного поработать.

Он зашагал по коридору, беззвучно насвистывая мелодию в такт своим шагам. Он вошел в кабинет, запустил шляпу на шкаф, сел за стол и вежливо кивнул ожидающим его посетителям.

— Доброе утро, джентльмены.

— Где ты пропадал? — спокойно поинтересовался капитан Уайз. — Ты же сказал: в одиннадцать.

— Меня задержали, и я не мог ничего поделать, — беззаботно ответил Клэнси. — Мне надо было сгонять на Сентр стрит и получить там телетайп из Лос-Анджелеса, потом я заехал в казенный дом и потолковал там с братишками Росси. Между прочим, они не будут просить выхода под залог…

— Это еще почему? — нахмурился капитан Уайз.

— А они уже и так оба покойники, и знают это. А пока они сидят у нас, очень может быть — а это очень хлипкое «может быть», и они это тоже понимают, — у них есть какой-никакой шанс. А с синдикатом им ловить нечего. Это им тоже известно. Так что они сегодня изъявили готовность к сотрудничеству с правоохранительными органами. Кроме того, я там столкнулся с Чалмерсом и с ним мы тоже побеседовали. Он спросил… — В комнату вошли Капроски и Стэнтон, и Клэнси замолчал. — Здорово, ребята! Берите стулья, садитесь. — Он подождал, пока они сели, и продолжал: — Так вот я и говорю, Чалмерс попросил меня, чтобы мы в своих рапортах изложили все факты, которые

позволили бы им предъявить братьям Росси обвинение по первой степени[5], однако при этом не выставляя мистера Чалмерса в слишком неприглядном виде. Мистер Чалмерс, должен особо отметить, был сегодня сама любезность — сладкий, как патока. Однако я ему объяснил, что окончательный рапорт со всеми формулировками зависит от вас, капитан. — Он взглянул на своего начальника. — Зависит от того, каким бы вы хотели видеть этот рапорт. Мы все собрались и можем начинать.

— Вы только послушайте его! — Капитан Уайз обвел присутствующих несчастным взглядом, точно прося защиты. — Каким бы я хотел видеть рапорт?

— Лихо! — сказал док Фримен, печально качая головой. — Так бы я охарактеризовал поведение лейтенанта Клэнси. Не говоря уж о том, что его можно было назвать «наглым». Я целый вечер таскаюсь за ним как собачонка — и стоило мне только на две минутки сбегать в туалет, как…

— Да! — Капитан Уайз устремил взгляд на Клэнси. — Какой еще рапорт? Я ведь даже не знаю, что произошло. Ты же сбежал сразу после ареста в порту… — Он поднял свою большую ладонь. — Знаю, знаю, что ты скажешь. Ты устал. Конечно, я знаю, что на причале мы взяли Джонни Росси. Конечно, я знаю, что Пит Росси спрятал разобранный дробовик в сумке, и его взяли в аэропорту. И конечно, я не сомневаюсь, что они убили супругов Реник — ты наконец-то соизволил сообщить нам, где найти их тела. Но как я могу кому-то что-то объяснить, если и сам толком не знаю, что вообще этому предшествовало?

Клэнси усмехнулся.

— Тебя я могу простить, Сэм. Но не дока. Он был в курсе всего с самого начала. Он-то должен был понять, что происходит.

— Кто? Я? — презрительно фыркнул док Фримен. — Вы ведь сами до всего додумались не сразу, а ведь вы детектив, а не я. Я врач. И у меня, кстати, полно работы сегодня. Так что давайте начнем.

— Верно, — согласился капитан Уайз. — Уже скоро обед. Начнем, пожалуй.

— Кстати, это тоже меня задержало, — сказал Клэнси рассеянно. — По дороге сюда я зашел в кафешку перекусить… — Он увидел, что лица капитана и доктора помрачнели. — Ладно. Я вам все изложу. С самого начала. Док может подтвердить известные ему факты, а Капроски и Стэнтон изложили все в своих рапортах. Потом я сведу все вместе и позднее передам тебе полный отчет, Сэм… капитан.

— Хватит болтать, — сказал Сэм Уайз сердито. — Скажи что-нибудь путное.

Клэнси не спеша достал сигарету, сунул в рот, закурил. Потом бросил спичку в пепельницу, взял карандаш и начал вертеть его в пальцах.

— Итак, рассказываю. Начнем с Лос-Анджелеса, с братьев Росси… Итак, братья Росси доили потихоньку синдикат и заначивали деньги в разных странах, откладывая себе на черный день — на тот день, когда закон-таки настигнет эту прибыльную организацию. Или на тот день, когда им придется отойти от дел, что особого восторга и синдикате не вызвало бы. А может, они просто не могли смотреть спокойно на эту зеленую реку, текущую сквозь их пальцы. И у них зачесались руки. Не знаю. В любом случае они тайком гребли под себя. Судя по тому, что мне вчера рассказал Порки Фрэнк, они этим промышляли уже довольно давно. Ну и как оно обычно бывает, в бухгалтерию синдиката в конце концов поступила информация. Бухгалтеры заинтересовались тем, что теория вероятностей внезапно дала сбой в Калифорнии: поступления оттуда вдруг стали куда меньше, чем рассчитали их математические гении. И они устроили тотальную проверку. И вот в одно прекрасное утро братья Росси просыпаются и видят, что над ними вдруг сгустились тучи и сверкает молния.

— Ты давай говори попроще, — сердито вставил капитан Уайз, — а не разливайся соловьем.

Клэнси довольно усмехнулся.

— А в это самое время в салон красоты отеля «Дрейк» — там жил Джонни Росси — устроилась новая маникюрша, и вот однажды утром он вызывает ее в свои апартаменты. Она делает ему маникюр и в процессе выстригания заусениц полушутливо замечает, что он — вылитый ее муж!

Все внимательно слушали.

— Который и был изображен на фотографии, полученной по телетайпу? — заметил капитан Уайз.

— Именно! Я вдруг вижу перед собой лицо человека, с которым лично встречался в отеле «Фарнсуорт». — Клэнси уже не улыбался. — Конечно, я должен был сразу обо всем догадаться и без этой фотографии, но — не догадался. Итак, у Джонни Росси возникает потрясающая идея. Он садится обмозговать это дело со своим старшим братом Питом и говорит ему примерно следующее: «Вот решение нашей проблемы. Нам теперь надо сделать так, чтобы всю недостачу свалить на меня и после этого убрать меня со сцены. С тебя снимут подозрения. А когда все уляжется, я уже буду в Европе с нашими денежками». Но человеком, которого надо было убрать со сцены, оказался, конечно, Альберт Реник, невинный торговец подержанными

автомобилями, муж нашей маникюрши.

А он вскоре опять вызывает к себе маникюршу, и пока девочка приводит в порядок его пальцы, он ей говорит: «Знаешь, я хочу познакомиться с твоим мужем. Может, я сумею ему чем-нибудь помочь…».

Стэнтон не удержался.

— Неужели она оказалась такой дурой, что поверила, будто бандюга Росси раздает премии направо и налево?

— Я не сказал, что она была дурой, — возразил Клэнси. — Давай скажем так: она была неопытна. Во всяком случае, она посчитала, что ничего опасного нет в том, если она представит своего мужа важному джентльмену, живущему в дорогих апартаментах отеля «Дрейк», который готов сорить деньгами. И вот, когда Росси остался с мистером Реником наедине, он сделал ему простое предложение: либо ты будешь моим двойником и получишь кучу денег, а когда все закончится, преспокойно отправишься с женой в Европу, либо — может так выйти, что твоя жена случайно отравится мышьяком…

Капитан Уайз пристально посмотрел на посерьезневшего лейтенанта.

— И у тебя есть доказательства, что все так и было? Или это только твои догадки?

— Я могу доказать многое, — сказал Клэнси жестко. — Вчера вечером я встречался с Порки Фрэнком и могу сказать, что его беспроволочный телеграф уже работает круглосуточно… Между прочим: если бы Порки сделали президентом компании «Эй-Ти энд Ти», я бы вложил в их акции все свои сбережения до последнего цента… — Он обвел всех ироническим взглядом. — И еще я умудрится выжать кое-что из братьев Росси. — Он постучал по принесенному им конверту. — Еще я получил массу интересного из Лос-Анджелеса. Я уверен: она и не подозревала, что на ее мужа надавили, но знала, что ни под каким видом не должна никому ничего говорить о благодеяниях Росси. Она и не говорила — ни в салоне красоты, ни соседям. Но не удержалась и рассказала своим родителям, что они с Альбертом уезжают в Европу и что это путешествие — вознаграждение за услуги, которые Альберт оказывает богатому постояльцу отеля «Дрейк». В конце концов путешествие в Европу, хотя и на торговом судне, для нее было целым событием в жизни.

Он вмял сигарету в пепельницу и остановился в ожидании комментариев. Все молчали, он продолжил:

— Итак, они прибыли в Нью-Йорк, и мистер Реник был тщательно проинструктирован относительно роли, которую ему предстояло сыграть. Конечно, это было легче, чем заучить пьесу

Шекспира, потому что от него требовалось одно: молчать. От него требовалось только быть похожим на Росси, а это было нетрудно, потому как он был таким с рождения. Операция началась: операция «Подставное лицо» Энн Реник, в предвкушении сказочного путешествия, уже получила паспорта в Калифорнии и по прибытии в Нью-Йорк первым делом позвонила в турагентство и заказала билеты на сухогруз. Она считала, что они с мужем воспользуются этими билетами, но Росси-то знал, что ими воспользуется он со своей невысокой, но фигуристой блондинкой-подружкой.

— Ты хочешь сказать, — медленно произнес капитан Уайз, — что ее в любом случае должны были убрать?

— Конечно! — нетерпеливо вскричал Клэнси. Лицо его посуровело при воспоминании о беззаботной молодой красавице в квартире на Западной Восемьдесят шестой улице. Он сжал в пальцах карандаш. — Она была такой же приманкой, как и ее муж. Разумеется, они не собирались оставлять ее в живых — она бы подняла такой шум, обнаружив, что вместо романтического морского путешествия в Европу под луной осталась в Нью-Йорке с мертвым мужем.

Клэнси замолк. Остальные тоже сидели молча. Он откинулся на спинку кресла, стараясь отогнать неприятные воспоминания об убитой женщине, и продолжал:

— Но Реник, как только он заселился в «Фарнсуорт», позвонил жене в квартиру приятельницы, где она остановилась. Это было, конечно, серьезным нарушением полученных инструкций, но он на это пошел. Он не сообщил ей, где находится и что делает, он просто сказал ей, что с ним все в порядке, что он в Нью-Йорке, и спросил, достала ли она билеты. Нам здорово повезло, что он ей позвонил, потому что в противном случае мы бы никогда не распутали этого клубка. Мы бы сидели над трупом Джонни Росси — этим бы все и закончилось. А на следующий день мы бы получили труп миссис Энн Реник — и никакой связи между этими двумя убийствами! Мы бы объявили розыск мистера Реника по обвинению в убийстве собственной жены и искали бы его сто лет. Но, слава Богу, он позвонил жене, и этот звонок стал нашей первой ниточкой. Я так подозреваю, что он уже начал раскаиваться в этой затее, но боялся дать задний ход. Видимо, угроза Росси оказалась слишком весомой. И вот, осознав, в какую опасную историю он вляпался, он понял также, что ничего не может изменить в своем тогдашнем положении… Он мог продолжать играть свою роль в надежде, что каким-то образом сумеет вырваться из западни. И еще он знал, как мечтает его жена об этом путешествии в Европу. Но все это его не радовало.

— Так ты думаешь, что он разыграл приступ желудочной боли? — спросил Капроски. — Потому что боялся или потому что Росси сказал, что если он останется в гостинице до утра, то этим полностью выполнит свое обязательство по их сделке? А ему не нравилось, что мы торчим рядом, не спуская с него глаз, и собираемся держать его там до вторника?

— Может быть. А может быть, у него и в самом деле разболелся живот, — пожал плечами Клэнси. — Может, док нам это скажет, когда взрежет его. Но я уверен: он с самого начала понял, что обеспечение алиби для Джонни Росси — не самое приятное и безопасное занятие. Но он был в безвыходном положении… — Клэнси вдруг ухмыльнулся. — А может, ему просто не хотелось больше играть в джин-рамми со Стэнтоном. Не знаю! В любом случае он ждал слишком долго. Сделка шла своим чередом. Но тут заявился Росси и уложил его из дробовика, а потом побежал к брату в отель, спрятал дробовик и преспокойно вернулся спать в «Нью-Йоркер»…

— Но почему он не отправился на Восемьдесят шестую и не убил одним заходом и женщину? — спросил капитан Уайз.

— Потому что она еще не получила билеты на сухогруз. А он не хотел светиться в турагентстве и иметь хоть какое-то отношение к покупке билетов. Он не хотел идти на неоправданный риск. Единственное объяснение тому, что он посулил им путешествие в Европу, — это чтобы они достали для него билеты. Билеты ей должны были принести утром. Он пришел, чтобы их забрать, и обнаружил, что она не одна. Он стал подслушивать у двери и понял, что в гостях у нее не кто иной, как лейтенант полиции. Ну, он не стал ждать на лестнице, не мог он показаться и на улице, так что ему ничего не оставалось, как вернуться в «Нью-Йоркер». Но она сама туда приехала — ей захотелось выяснить, что же все-таки происходит. Ей очень не понравилось сообщение лейтенанта об убийстве Джонни Росси в ту ночь в гостинице — особенно если учесть, что Джонни Росси — вот он перед ней, а ее муж Бог знает где. Уж не знаю, как Росси удалось ее успокоить или какую лапшу он ей навесил на уши, но она, во всяком случае, успокоилась и отправилась домой. А он пошел за ней следом, а может, и опередил ее и поджидал в квартире, пока она кружила в такси вокруг Центрального парка, пытаясь понять, можно ли верить тому, что рассказал ей Росси. Вот и все. Он убил ее, взял билеты и паспорта — он скорее всего долго не мог найти паспорта и билеты — и ускользнул. И тем же вечером приступил к финальной части операции «Подставное лицо», направившись на причал 16-А. Но там мы его и взяли. — Он бросил карандаш на стол. — Такова история. Вопросы?

— Тысяча вопросов! — сказал капитан Уайз. Он задумчиво смотрел на Клэнси, формулируя свои вопросы. — Зачем им было пачкать руки и совершать двойное убийство? Почему он не мог просто дать деру?

— Потому что от синдиката невозможно дать деру, — терпеливо сказал Клэнси. — Особенно после того, как ты ограбил их на энную сумму. Они такое никому не прощают, чтобы ни у кого больше не возникало подобных идей. Убежать? — пожал он плечами. — Конечно, убежать-то можно. Но, как сказал однажды Джо Луис об одном из своих противников: «Бегать он умеет, а вот прячется плохо». Они знали, что от организации им не удастся скрыться. Надолго. Но если Джонни Росси умер и зарыт в могилу? За кем тогда охотиться?

— Ладно, — согласился капитан Уайз. — Но даже если они решили, что трюк с двойником — это лучший выход из тупика, зачем им было приезжать в Нью-Йорк? Почему они не могли провернуть это дело в Калифорнии?

— Росси в Калифорнии слишком известная фигура, — объяснил Клэнси. — Реник был очень на него похож, но люди, близко знавшие Росси, конечно, не могли их спутать. Нет, Нью-Йорк — самое подходящее место. Из порта каждый день десятки судов отплывают в Европу. Огромный город, где можно без особого труда затаиться, к тому же здесь его почти не знают. Что мы о нем знаем — только имя да подвиги. К тому же ему нужен был свидетель, не забудьте! А лучшего свидетеля, чем тщеславный помощник окружного прокурора, и найти трудно — этот не стал задавать лишних вопросов — например, почему такой босс, как Джонни Росси, вздумал вдруг приехать в Нью-Йорк и давать показания перед местной комиссией по уголовным делам. И к тому же это тот свидетель, который на всю страну мог раструбить о гибели Джонни Росси.

Док Фримен фыркнул.

— Но мы бы в пять минут распознали подлог, сняв с трупа отпечатки пальцев!

— Да что вы? — иронически воскликнул Клэнси. — Представьте: если сию минуту Капроски вдруг слетит с катушек, достанет свою пушку и уложит меня на месте, вы что, побежите снимать отпечатки моих пальцев, чтобы доказать, что я — это я? Ох, вряд ли!

— Ну…

— Нет, это очень маловероятно, — убежденно сказал Клэнси.

В кабинете повисла тишина.

— И что же тебя навело на верный след? — спросил капитан Уайз.

— Зацепок, пожалуй, было несколько, — сказал Клэнси задумчиво. — Масса мелких деталей не давала мне покоя, буквально сбивала с толку. Но как только я пытался ухватить их и что-то выстроить, они как в дыру проваливались. Ну, например, почему такой человек, как Росси, вдруг решил давать показания перед комиссией? И почему в Нью-Йорке? И кому было известно, что он остановился в «Фарнсуорте»? — Он взглянул на своего начальника. — И потом поползли слухи, что нью-йоркская полиция где-то прячет Росси. Кто-то ведь пустил этот слух. Уверен: мы скоро выясним, что пустил этот слух Пит Росси. Далее: факт, что обитатель номера 456 в «Фарнсуорте» не умеет играть в джин-рамми, — я готов согласиться, что само по себе это не Бог весть какая важная вещь, но очень странно слышать подобное заявление из уст короля калифорнийского игорного бизнеса! Это тоже заставило меня призадуматься. И потом, когда выяснилось, что в номере не оказалось ни зубной щетки, ни чистой рубашки, ни пары носков…

— Ну и что?

— Как что! Он, ясное дело, и не собирался оставаться там до вторника! Но тогда зачем он просил полицию охранять его так долго? Уж не знаю, что там Росси наговорил Ренику. Может, мы это и выясним когда, если Росси расскажет все, а ему есть что рассказать.

— Он расскажет! — грозно пообещал капитан Уайз.

Клэнси кивнул.

— Возможно, и скажет. Да, а тот молодой хирург в больнице тоже сбил меня с толку своей идиотской инсценировкой убийства Росси, хотя много времени у нас это не отняло. Я все никак не мог понять поначалу, чего это Пит Росси, который так настойчиво интересовался местонахождением своего брата — это я еще мог понять, — вдруг преспокойно собрался домой, как только ему предъявили труп Джонни. Но когда я увидел полную картину, все, разумеется, прояснилось. Ведь они так и задумали — двойник должен быть убит. И Пит Росси не мог уехать, не удостоверившись собственными глазами, что выстрел оказался смертельным. Он же понимал, что нам не удастся скрывать труп до бесконечности, и понимал, что рано или поздно Чалмерс узнает, куда мы дели его свидетеля, хотя бы и ценой ордера на арест, — вот тогда все и всплывет наружу. И я уверен: он понимал, что если появится в Калифорнии и вскоре разразится этот скандал, ему это будет только на руку.

Наступило молчание. Капроски кашлянул.

— А где эта мадам купила билеты, лейтенант? — спросил он чуть ли не жалобным голосом. — Я понимаю, сейчас это уже

неважно, но поскольку ты все равно вычислил нужный рейс, мне просто интересно. Я что, где-нибудь дал промашку?

Клэнси улыбнулся.

— Это я дал промашку. Она купила их в «Эйс трэвел». Она просто пошла в агентство, которое указано в справочнике первым по алфавиту. Оно находится на Тридцать восьмой улице. Мы бы ухлопали не меньше двух дней на их розыски. Только потому, что я не принял во внимание наиболее вероятный способ приобретения билетов приезжим…

— Кстати, о рейсе, — вмешался капитан Уайз. — Как же тебе все-таки удалось вычислить нужный? Мне эта загадка не давала покоя все воскресенье.

— Да! — подхватил Капроски. — И мне тоже.

— Это было не так сложно, как кажется. Конечно, многое прояснила та фотография. Как только я ее увидел, мне все стало ясно. Я уже тогда знал, что именно Росси, а не Реник планирует отъезд в Европу. А Реник лежал мертвый в больнице. Реник, а не Росси…

— Рейс! — напомнил капитан Уайз.

— Я как раз к этому веду. Росси не стал бы плыть американским рейсом. Ведь тогда он бы еще в течение недели находился под нашей юрисдикцией — а зачем ему было рисковать? Не стал бы он покупать билеты на большой пассажирский лайнер. Слишком много людей могли бы его узнать, будь он с бородой или без. Словом, оставалось только торговое судно. В субботу вечером из порта отправлялись три сухогруза. Один плыл в Южную Америку — не в Европу.

— И тем не менее… — начал капитан Уайз.

Клэнси остановил его взмахом ладони.

— Когда я пришел к Энн Реник, у нее на уме и языке — пока не выяснилось, что я из полиции, — только и было это морское путешествие. Она мне предложила выпить и сказала: «У нас тут есть все, что душе угодно, за исключением аквавита»… А когда она расспрашивала меня о морских путешествиях, поинтересовалась, говорит ли команда по-английски, что означало: она собирается плыть не на американском и не на британском корабле. И потом еще. Когда она спрашивала меня, бывал ли я в Европе, она упомянула несколько городов. Первым она назвала Копенгаген… Не забывайте, что все ее мысли тогда были заняты этим путешествием. И вот когда я стал изучать расписание отправлений торговых судов, я обнаружил, что один из двух неамериканских рейсов, отправляющихся в Европу в субботу вечером, идет в Осло, а второй — сухогруз «Ольбург» — в Копенгаген.

Воцарившееся вновь молчание нарушил док Фримен:

— Но ведь в Осло тоже пьют аквавит.

Клэнси усмехнулся.

— То же самое сказал мне вчера Порки Фрэнк. К счастью, я этого раньше не знал. В любом случае норвежский торговец отплывал в десять вечера в субботу, то есть еще до того, как я получил ту свадебную фотографию по телетайпу.

— А если бы Росси оказался на том сухогрузе? — спросил капитан Уайз.

— Но он же не оказался, — улыбнулся Клэнси. Капитан Уайз обдумал его ответ, кивнул и встал.

Док Фримен тоже встал, а за ним, словно нехотя, Стэнтон и Капроски.

— Что ж, думаю, дело ясное, — сказал капитан Уайз, глядя на Клэнси с нескрываемой гордостью. — Прошу тебя: изложи все это в рапорте и передай его мне как можно скорее. По крайней мере я хоть могу показаться теперь репортерам на глаза. Если они будут требовать подробности, может быть, им помогут признания братьев Росси.

— Если только они вдруг не передумают и не откажутся давать показания для печати, — сказал Клэнси. — Пригрози им, что их вышвырнут из окна на улицу с двадцатого этажа. Судя по тому, что мне рассказывал вчера Порки Фрэнк, в Чикаго таким образом избавляются от особенно одаренных деятелей.

— Мы ими займемся, — сказал капитан Уайз. Взгляд его потеплел. — Ты хорошо поработал, Клэнси. Но ты бы мог быть со мной более откровенным…

Док Фримен поспешно вмешался:

— Я постараюсь побыстрее передать вам результаты вскрытия, и вы сможете подшить их к рапорту, Сэм.

Все четверо посмотрели на худощавого лейтенанта и затем один за другим вышли из кабинета. Клэнси удобно устроился в своем кресле и уставился на рапорты Стэнтона и Капроски, на конверт с телетайпными сообщениями от сержанта Мартина и на начатый им собственный рапорт. Он вздохнул и, подавшись вперед, сдвинул все бумаги и сложил их в стопку перед собой. Свободную руку он запустил в карман и стал искать там сигареты, достал одну, закурил и повернулся, чтобы выбросить спичку в окно. И замер.

Белья не было. Бельевые веревки понуро свисали в окнах жилого дома напротив. Он вытаращил глаза. Неужели такое возможно? Неужели именно по понедельникам ему бывает это чудесное видение — пустые бельевые веревки? По понедельникам?

Только на 52-м участке, подумал он с усмешкой и, повернувшись к столу, разложил перед собой бумаги и взял ручку. Да, только на 52-м участке…

notes

Примечания

1

В к/фильме П. Йейтса выведен под именем Буллитта — *прим. переводчика*

2

В Калифорнии приговоренных к смертной казни умерщвляют в газовой камере.

З

Стукач, информатор (на воровском жаргоне).

4

Название одной из многих таксомоторных компаний.

5

Имеется в виду так называемое «убийство первой степени» — то есть умышленное убийство с отягчающими обстоятельствами.